

Вестник института

научно-практический журнал
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

ПРЕСТУПЛЕНИЕ · НАКАЗАНИЕ · ИСПРАВЛЕНИЕ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Бабурин С.В. – начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Середа С.П. – ученый секретарь ученого совета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Беляева Л.И. – профессор кафедры уголовной политики и организации предупреждения преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Колодкин Л.М. – профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Кругликов Л.Л. – заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член МАН ВШ и РАЕН;

Новиков А.А. – начальник управления воспитательной, социальной и психологической работы ФСИН России;

Поздняков В.М. – профессор кафедры уголовного права и процесса Российского университета дружбы народов, доктор психологических наук, профессор, почетный сотрудник МВД России;

Селиверстов В.И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Старостин С.А. – профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор;

Шабанов В.Б. – начальник кафедры специальных дисциплин Государственного института повышения квалификации и переподготовки кадров таможенных органов Республики Беларусь, доктор юридических наук, профессор.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Баламут А.Н. – доцент кафедры организации психологической службы в уголовно-исполнительной системе ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент;

Гаврилов Б.Я. – заведующий кафедрой управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный член Петровской академии наук и искусств;

Голодов П.В. – заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по научной работе, кандидат юридических наук, доцент;

Зауторова Э.В. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования;

Зубкова В.И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор;

Ищенко Е.П. – заведующий кафедрой криминалистики Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Козаченко И.Я. – заведующий кафедрой уголовного права Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Кузьминых А.Л. – профессор кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, доктор исторических наук, доцент;

Оботурова Н.С. – заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по учебной работе, доктор философских наук, доцент;

Попова И.Н. – начальник редакционно-издательского отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат филологических наук;

Пудовочкин Ю.Е. – профессор кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор;

Спасенников Б.А. – главный научный сотрудник Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний, доктор юридических наук, доктор медицинских наук, профессор;

Шаталов А.С. – профессор кафедры судебной власти Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор юридических наук, профессор.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук по трем отраслям науки: 12.00.00 «Юридические науки»; 19.00.00 «Психологические науки»; 13.00.00 «Педагогические науки»

Журнал выходит четыре раза в год

ISSN 2076-4162

№ 4 (32)

Вологда 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	4	ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	64
РАСТОРПОВ С.В. Преступления против жизни в УК РФ и УК Австрии: сходства и различия	4	ПОЗДНЯКОВ В.М. Психологические аспекты границ гуманизации уголовного и уголовно-исполнительного законодательства в отношении несовершеннолетних правонарушителей	64
ЮЖАНИН В.Е. О ресоциализации осужденных как цели процесса обеспечения реализации наказания в виде лишения свободы	9	БАБУРИН С.В. Совершенствование воспитательной, социальной и психологической работы в уголовно- исполнительной системе: интеграция теории и практики	67
СТАРОСТИН С.А. Проблемы производства по административным делам об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы	16	БАЛАМУТ А.Н., СТАРОДУБЦЕВА О.Н. К вопросу о социально-психологической реабилитации осужденных с пожизненными сроками отбывания наказания в рамках подготовки к освобождению (с учетом предоставления условно-досрочного освобождения)	72
ЮЖАНИН Н.В. Меры защиты в состоянии крайней необходимости	19	СОЧИВКО О.И., ДИДЕНКО А.В. Сравнительный анализ психопатизации и проявлений расстройств личности у осужденных женского пола, отбывающих наказания в местах лишения свободы	75
ДОНЕЦ С.П. Формирование и развитие института квалифицированных и привилегированных составов преступлений в истории российского уголовного законодательства	27	ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	81
ЛУНГУ Е.В. Ограничение конституционных прав и свобод человека нормами уголовно-исполнительного законодательства в Российской Федерации	31	БОРОЗДИНА О.С. К вопросу о формировании у курсантов ведомственного вуза личностной позиции сотрудника уголовно-исполнительной системы ..	81
ПАВЛОВСКИЙ С.А. Проблемные вопросы правоприменительной практики при ведении договорной работы в органах и учреждениях уголовно- исполнительной системы	34	СЫСОЕВА Е.В. Связь понятия «опережающая педагогическая поддержка» с процессом развития личности студента	85
ЧЕРНЫШЕВА О.М. Труд осужденных в тюрьмах ФРГ: социально-правовой аспект	37	СЕРЕБРЯНИК Е.В. Самообразование как средство профессионального развития организатора воспитательной работы с осужденными	88
ФУММ А.М. Первый исправительно-трудоустройственный кодекс РСФСР об организации труда заключенных	40	ПЕРОВ С.В., МОТОВА Н.В. Организация проведения вступительных испытаний с использованием дистанционных технологий при приеме на обучение в образовательные организации высшего образования, подведомственные ФСИН России	93
ЧЕРНЫШЕНКО Е.В. Проблемы реализации положений статьи 77.1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации	44	ХРАБРОВА Е.В. Организация воспитательной работы с несовершеннолетними осужденными в социальной среде воспитательной колонии	97
ГЛАЗУНОВА И.В. Уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты биометрической регистрации	47	ОБЗОР ДИССЕРТАЦИЙ	102
САНТАШОВ А.Л. О необходимости унификации целей наказания в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве	51	РЕЦЕНЗИИ	103
ХОХРИН С.А. Некоторые аспекты профилактики пенитенциарной преступности	56	ВАРНАКОВ М.Ю. Рецензия на практические рекомендации «Организация деятельности уголовно- исполнительной системы в сфере реализации антикоррупционного законодательства», подготовленные Косоноговой С.В., Мельниковой Н.А., Яковлевым Е.А.	103
МАТВЕЕВ Д.О. Проблема создания и обеспечения функционирования института помощников начальников территориальных органов ФСИН России по организации работы с верующими	60	ИНФОРМАЦИЯ, ОБЪЯВЛЕНИЯ	104
		СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	106

CONTENT

JURISPRUDENCE	4	PSYCHOLOGY	64
RASTOROPOV S.V. Crimes against life in the Criminal Code of Russia and the Criminal Code of Austria: similarities and differences	4	POZDNYAKOV V.M. Psychological aspects of the humanization limits of juvenile criminal and criminal-executive legislation. . .	64
YUZHANIN V.E. On the resocialization of convicts as the goal of ensuring implementation of imprisonment	9	BABURIN S.V. Improving the educational, social and psychological work in the penal system: the integration of theory and practice	67
STAROSTIN S.A. Problems of administrative proceedings of cases on administrative supervision of persons released from prison	16	BALAMUT A.N., STARODUBTSEVA O.N. On the question of social and psychological rehabilitation of convicts to life imprisonment in preparation for release (including grant of parole) . . .	72
YUZHANIN N.V. Protective measures in a state of extreme necessity . .	19	SOCHIVKO O.I., DIDENKO A.V. Comparative analysis of psychopatization and personality disorders among female convicts serving sentences in prisons	75
DONETS S.P. The formation and development of the institution of qualified and preference corpus delicti in the history of Russian criminal legislation	27	PEDAGOGY	81
LUNGU E.V. Restriction of rights and freedoms of person by norms of penal law of the Russian Federation	31	BOROZDINA O.S. On the formation by cadets of the departmental institute of personal position of the employee of the penal system	81
PAVLOVSKY S.A. Problematic issues of legal practice of contract work in the organs and institutions of the penal system. . . .	34	SYSOEVA E.V. Relations between the notion of «anticipatory pedagogical support» and the process of development of the personality of student	85
CHERNYSHEVA O.M. The labor of the convicts in prisons of the Federal Republic of Germany: social-legal aspect	37	SEREBRYANIK E.V. Self-education as a way of professional development of organizer of educational work with convicts	88
FUMM A.M. The first Forced Labor Code of the RSFSR on the organization of prisoners labor	40	PEROV S.V., MOTOROVA N.V. The organization of entrance examinations using remote technologies for training admission in educational institutions of higher education subordinate to FSIN of Russia	93
CHERNYSHENKO E.V. Problems of implementation of article 77.1 of the Penal Code of the Russian Federation	44	KHRABROVA E.V. Organization of educational work with juvenile offenders in the social environment of educational colony	97
GLAZUNOVA I.V. Criminal procedure and criminalistic aspects of the biometric registration	47	DISSERTATIONS REVIEWS	102
SANTASHOV A.L. On the need for unification of the purposes of punishment in criminal and penal legislation	51	REVIEWS	103
KHOKHRIN S.A. Some aspects of the penal crime prevention	56	VARNAKOV M.Yu. Review on practical recommendations «Work organization of the penal system in the implementation of anti-corruption law» prepared by Kosonogova S.V., Melnikova N.A., Yakovlev E.A.	103
MATVEEV D.O. The problem of the establishment and functioning of the institution assistant chief of the territorial bodies of the Federal Penal Service of Russia for the organization of work with the spirituals.	60	INFORMATION, ADVERTISEMENTS	104
		INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	106

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 343.6(470+436)

Преступления против жизни в УК РФ и УК Австрии: сходства и различия

С.В. РАСТОРОПОВ – профессор кафедры прокурорского надзора за соблюдением законов в оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, старший советник юстиции

В статье анализируется российское и австрийское уголовное законодательство в области преступлений против жизни и делается вывод, что систематика данных составов имеет существенное сходство в силу единой романо-германской системы права происхождения уголовных законодательств обозначенных государств, что позволяет использовать положительный опыт в совершенствовании национальных законодательств и практики их применения.

Ключевые слова: преступления против жизни; тяжкое и привилегированное убийство; самоубийство; неосторожное убийство; наказуемость убийств.

Crimes against life in the Criminal Code of Russia and the Criminal Code of Austria: similarities and differences

S.V. RASTOROPOV – Professor of the Department of Prosecutorial Supervision over the compliance with laws in the operational-search work and participation of the prosecutor in the criminal trial of the Academy of the General Prosecutors Office of the Russian Federation, Dsc. in Law, Professor, Senior Counsellor of Justice

The article analyzes the Russian and Austrian criminal law in the area of crimes against life and concluded that the taxonomy of these compositions have substantial similarity due to the origin of the single Roman-Germanic legal system of criminal law of designated states, which makes it possible to use positive experience in the improvement of national legislation and practice of their application

Key words: crimes against life; grave and privileged murder; suicide; negligent homicide; punishable homicide

Система преступлений против жизни в УК РФ нуждается в развитии и совершенствовании на основе мирового опыта построения соответствующих составов преступлений, что отмечают многие отечественные исследователи¹. В этой связи интерес представляют прежде всего уголовные законодательства государств с

романо-германской системой права. Среди них особо выделяются так называемые немецкоязычные уголовные законодательства Австрии, ФРГ и Швейцарии, которые по систематике составов преступлений (в первую очередь преступлений против личности) имеют существенное сходство со структурой действующего УК РФ².

Это дает нам основание предположить, что уголовные кодексы вышеуказанных государств, продолжающие традиции континентальной школы нормотворчества, могут усилить правовые позиции отечественного законодателя в вопросах отраслевого строительства, формирования оптимальных систем тех или иных групп преступлений, ревизии входящих в их содержание признаков, а также с учетом зарубежного опыта привести к единообразному и правильному применению уголовного закона в части рассматриваемых противоправных деяний.

Уголовный кодекс Австрии (УК Австрии), хотя и старше российского более чем на двадцать лет, имеет ряд современных положений в части исследуемой проблемы и, как следствие, более адекватно отражает криминологическую реальность.

К преступлениям против жизни австрийский законодатель относит:

- убийство при отягчающих обстоятельствах (Mord) (§ 75);
- убийство без отягчающих обстоятельств (умышленное причинение смерти) (Totschlag) (§ 76);
- убийство по требованию жертвы (Tötung auf Verlangen) (§ 77);
- склонение к самоубийству (Mitwirkung am Selbstmord) (§ 78);
- убийство ребенка во время родов (Tötung eines Kindes bei der Geburt) (§ 79);
- неосторожное убийство (Fahrlässige Tötung) (§ 80);
- неосторожное убийство при особо опасных обстоятельствах (Fahrlässige Tötung unter besonders gefährlichen Verhältnissen) (§ 81)³.

Указанный перечень противоправных деяний большинство австрийских криминалистов условно подразделяет на три группы:

а) преступления против жизни при отягчающих обстоятельствах, то есть совершаемые с преднамеренным умыслом (§ 75 StGB);

б) преступления против жизни без отягчающих обстоятельств, куда входит так называемое убийство простого вида (§ 76 StGB)⁴, а также привилегированные виды убийств (§ 77–79 StGB);

в) преступления против жизни, совершенные по неосторожности (§ 80–81 StGB). Они отличаются различной степенью общественной опасности и, соответственно, строгостью уголовно-правовых санкций, установленных за их совершение⁵.

Наиболее опасным видом преступлений против жизни в УК Австрии является убийство при отягчающих обстоятельствах (Mord) (§ 75). Это основной состав, на базе

которого сформулированы составы всех других преступлений против жизни человека, и прежде всего убийств.

Следует заметить, что наказуемость за их совершение по своему карательному воздействию во многом схожа с российской мерой ответственности. Так, согласно санкции ч. 2 ст. 105 УК РФ за совершение тяжкого (квалифицированного) убийства виновный может быть осужден к лишению свободы на срок от восьми до двадцати лет с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет, либо к пожизненному лишению свободы, либо к смертной казни.

Как видим, с одной стороны, диапазон репрессивного воздействия на преступника за совершение умышленного убийства при отягчающих обстоятельствах в УК РФ более широк по сравнению с аналогичным спектром карательного воздействия в УК Австрии. В частности, УК РФ допускает назначение лишения свободы на срок от восьми лет, то есть на два года меньше по сравнению с австрийским аналогом, а также предусматривает в качестве общей и специальной превенции наказание в виде смертной казни.

С другой стороны, даже в более узких рамках назначения наказания за указанное преступление австрийский законодатель отнюдь не выглядит либералом. Все дело в том, что, согласно нормам действующего уголовного законодательства, австрийские суды за совершение тяжкого убийства вправе назначать пожизненное лишение свободы женщинам наравне с мужчинами, а лицам, не достигшим 20-летнего возраста, заменяют это наказание лишением свободы на срок от десяти до двадцати лет. Для сравнения: в Российской Федерации такое наказание, как пожизненное лишение свободы, женщинам вообще не назначается, а за совершение квалифицированного убийства несовершеннолетние в качестве наказания максимально могут получить до десяти лет лишения свободы. В этой связи достаточно интересной представляется проблема назначения справедливого наказания в уголовном законодательстве России и Австрии с учетом имеющихся правовых реалий.

Привилегированными видами преднамеренного убийства в УК Австрии являются умышленное убийство без отягчающих обстоятельств (Totschlag) (§ 76), убийство по требованию жертвы (Tötung auf Verlangen) (§ 77), склонение к самоубийству (Mitwirkung am Selbstmord) (§ 78) и убийство ребенка во время родов (Tötung eines Kindes bei der Geburt) (§ 79).

Надо сказать, что по сравнению с отечественной доктриной уголовного права австрийский законодатель не предусматривает состава «простого убийства» (то есть без смягчающих и отягчающих обстоятельств), аналогичного ч. 1 ст. 105 УК РФ – из мести, ревности, в ссоре, драке, на почве личных неприязненных отношений и т.п., примерный перечень которого указан в п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)»⁶.

Под убийством простого вида австрийский законодатель понимает аффектированное убийство, специально предусмотренное в ст. 107 УК РФ в качестве привилегированного. Однако в названии § 76 УК Австрии ничего об этом не говорится. Вот только в содержании диспозиции ст. 107 УК РФ упоминается о некоем сильном душевном переживании, отдаленно напоминающем аффект (внезапно возникшее сильное душевное волнение, вызванное неправомерными действиями потерпевшего).

Справедливости ради отметим, что конструкции аффектированных убийств в УК РФ и УК Австрии принципиально различны. Упрощенной диспозиции «простого» убийства в § 76 УК Австрии, где ничего не говорится о причинах сильного душевного переживания преступника во время причинения смерти другому человеку, противостоит достаточно развернутая диспозиция убийства, совершенного в состоянии аффекта (ст. 107 УК РФ), который может быть спровоцирован насилием, издевательством или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего либо иными противоправными или аморальными действиями (бездействием) потерпевшего, а равно длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего.

Таким образом, предмет доказывания по делам об аффектированных убийствах в российском уголовном законодательстве является более широким, чем в австрийском, поскольку обвиняющей стороне дополнительно (помимо самого факта душевного волнения) предлагается доказывать провоцирующее поведение со стороны жертвы убийства. В этой связи сравнительно-правовое исследование рассматриваемых преступлений в контексте имеющихся проблем, связанных с констатацией фактов душевного волнения, переживания либо аффекта, представляется достаточно перспективным с позиции совершенствования редакций соответствующих статей уголовных законодательств обоих государств.

Добавим, что наказуемость привилегированных убийств в УК РФ и УК Австрии концептуально совпадает. Так, максимальное наказание за совершение преступлений, предусмотренных § 76–79 УК Австрии, как и преступлений, предусмотренных ст. 106–108 УК РФ, не превышает пяти лет лишения свободы. Исключение составляет только убийство, предусмотренное § 76 УК Австрии, за которое выносится наказание в виде лишения свободы на срок от пяти до десяти лет.

Это дает основание предположить, что с учетом размера санкций, предусмотренных УК РФ, с одной стороны, за «простое убийство» (ч. 1 ст. 105 – от восьми до пятнадцати лет лишения свободы), а с другой – за убийство, совершенное в состоянии аффекта (ст. 107), в рамках § 76 УК Австрии с позиции отечественной доктрины уголовного права следует усматривать совмещенный (комплексный) вид убийства, включающий в себя признаки убийства простого вида, а также убийства аффектированного, хотя и с некоторыми оговорками.

Исходя из вышеизложенного можно утверждать, что систематика преступлений против жизни в УК РФ и УК Австрии является вполне сопоставимой, несущей в себе элементы единой романо-германской концепции построения Особенной части уголовных кодексов соответствующих государств, по крайней мере в части преступлений против личности.

Наряду с умышленными преступлениями против жизни человека в рамках УК Австрии, как и УК РФ, имеются составы причинения смерти по неосторожности. В частности, австрийский законодатель выделяет составы неосторожного убийства (*Fahrlässige Tötung*) (§ 80 УК Австрии) и неосторожного убийства при особо опасных обстоятельствах (*Fahrlässige Tötung unter besonders gefährlichen Verhältnissen*) (§ 81 УК Австрии).

Следует заметить, что по части возможности формулирования вышеуказанных запретов российская и австрийская доктрины уголовного права кардинально разошлись. Так, с 1997 г. российскому уголовному законодательству неизвестно понятие «неосторожное убийство». Вместо него используется термин «причинение смерти по неосторожности», что, по нашему мнению, наиболее точно отражает сущность совершенного лицом деяния. По российскому законодательству, к ключевому слову «убийство» нет необходимости прибавлять прилагательное «умышленное», принимая во внимание, что все совершаемые в рамках действующего УК РФ убийства могут быть

осуществлены исключительно с умышленной формой вины⁷.

Как справедливо замечал Г.Н. Борзенков, «употребление в ст. 109 УК РФ более широкого (по сравнению с понятием убийства) термина “причинение смерти по неосторожности” позволяет свободно оперировать этой нормой в случаях неосторожного лишения жизни потерпевшего в процессе осуществления виновным профессиональной деятельности при нарушении каких-либо правил безопасности (если отсутствует специальная норма в УК РФ)»⁸. Имеются также и другие доказательства достоинства существующего аналога неосторожного убийства – состава причинения смерти по неосторожности⁹.

В австрийском же уголовном праве специалисты полагают, что подобные деяния следует именовать именно убийствами¹⁰, более того, необходимо расширить их возможный перечень в рамках действующего уголовного кодекса¹¹. Не вдаваясь в существо обозначенной полемики, отметим, что вышеуказанные различия в наименованиях рассматриваемых преступлений существуют только по форме законодательного выражения, в то время как по содержанию соответствующие диспозиции в уголовных кодексах обоих государств текстуально полностью совпадают.

Достаточно соотнести, например, содержание ст. 109 УК РФ и § 80 УК Австрии, чтобы убедиться в сказанном. Несколько сложнее при этом проводить параллели в анализируемых составах преступлений применительно к § 81 УК Австрии – неосторожному убийству при особо опасных обстоятельствах (*Fahrlässige Tötung unter besonders gefährlichen Verhältnissen*). Подобное деяние никогда не предусматривалось в виде специальной нормы в уголовном законодательстве Российской Федерации, да и ее конструкция в УК Австрии представляется достаточно запутанной и противоречивой¹².

Фактически представляя специальные виды неосторожного причинения смерти потерпевшему, австрийский законодатель пошел по пути казуистического перечисления отдельных видов рассматриваемого преступления, сочетающих в себе большое количество (особенно ч. 2 § 81 УК Австрии) объективных и субъективных признаков, с трудом подлежащих учету при квалификации деяний. Подобные нормы, как полагаем, склонны к переходу в разряд «мертворожденных», поскольку в значительной степени не воспринимаются правоприменителем. Выход из подобной ситуации может быть

связан только с подробным толкованием признаков рассматриваемого преступления со стороны законодателя с последующим упрощением конструкции данного состава преступления.

Что касается размера наказаний, назначаемых за причинение человеку смерти по неосторожности в соответствии с УК Австрии и УК России, то здесь наблюдается в целом ожидаемое совпадение позиций австрийского и российского законодателей, принимающих во внимание общественную опасность и характер противоправности анализируемых деяний.

Так, согласно ст. 109 УК РФ лицо, виновное в причинении смерти по неосторожности, может быть осуждено к лишению свободы на срок до двух лет лишения свободы (основной состав); в случае ненадлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей – до трех лет лишения свободы (квалифицированный состав); если смерть по неосторожности причинена двум или более лицам – до четырех лет лишения свободы (особо квалифицированный состав). Согласно § 80 УК Австрии неосторожное убийство влечет наказание в виде лишения свободы на срок до одного года, а при особо опасных обстоятельствах (§ 81) – до трех лет лишения свободы.

Таким образом, диапазон наказания, назначаемого суммарно за причинение смерти по неосторожности, в российском и австрийском уголовном законодательстве находится в пределах от одного года до четырех лет лишения свободы, что подтверждает наличие соразмерности санкций за те или иные преступления против личности в различных государствах в рамках романо-германской системы формирования уголовного права¹³.

Следует заметить, что помимо вышеперечисленных противоправных деяний против жизни человека в УК Австрии имеются и иные многочисленные случаи причинения смерти потерпевшему. Зачастую они предусматривают более строгие санкции по сравнению с вышеобозначенными преступлениями.

Так, например, умышленное причинение тяжкого телесного повреждения, повлекшего смерть (*Absichtliche schwere Körperverletzung*) (§ 87 УК Австрии), влечет наказание на срок от пяти до десяти лет лишения свободы. Имеются также такие составы, как оставление в опасности человека с телесными повреждениями (*Imstichlassen eines Verletzten*) (§ 94 УК Австрии), поджог (*Brandstiftung*) (§ 169 УК Австрии), неосторожный

поджог (fahrlässige Herbeifuehrung einer Feuersbrunst) (§ 170 УК Австрии).

Однако следует подчеркнуть, что данные деяния к преступлениям против жизни в УК Австрии не относятся по причине иного непосредственного объекта преступного посягательства, а значит, при установлении летального исхода для потерпевшего квалифицируются по смежным с преступлениями против жизни статьям кодекса в соответствии с действительным содержанием умысла виновного или по неосторожности.

Таким образом, на основании изложенного хотелось бы отметить следующее:

1) система преступлений против жизни, предусмотренных УК РФ, как составной элемент определенного круга противоправных деяний, признаваемых преступными какой-либо совокупностью государств, развивается не изолированно, а в тесной взаимосвязи и взаимопроникновении в аналогичные системы однородной группы преступлений, предусмотренных уголовными законодательствами отдельных государств романо-германской системы права, в первую очередь Австрии, Германии и Швейцарии;

2) указанная группа преступлений против личности относится к категории наиболее

тяжких, имеет сложившийся категориально-понятийный аппарат, используемый законодателями большинства стран родственной системы права;

3) проблемы, коллизии и иные несоответствия, а также пробелы правового регулирования в части привлечения к уголовной ответственности за преступления против жизни человека являются межгосударственными (общими), подлежащими обсуждению в рамках изучения вопросов соотношения национальных законодательств в целях формирования единого уголовно-правового пространства.

Как показало проведенное нами исследование, системы преступлений против жизни человека в уголовном законодательстве Австрии, Германии и Швейцарии достаточно консервативны. Они сходны по своей систематике с аналогичной группой преступлений, предусмотренных УК РФ. Это дает основание использовать опыт, накопленный указанными странами, в отечественной законодательной и правоприменительной практике на благо российской правовой действительности в части анализируемых преступлений с учетом мировых тенденций и опыта моделирования противоправных деяний.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., напр.: Попов А.Н. Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах. СПб., 2001. С. 6.

² См. подр.: Расторопов С.В. Преступления против жизни по УК Австрии: доктрина и судебная практика // Международное уголовное право и международная юстиция. 2013. № 3. С. 19–23; Он же. Система преступлений против жизни по УК Австрии // Вестник Владимирского юридического института. 2014. № 4. С. 98–104; Он же. Двойная систематика Особенной части УК Швейцарии // Международное уголовное право и международная юстиция. 2014. № 6. С. 18–21 и др.

³ См.: Österreichisches Strafrecht. Besonderer Teil I. && 75 bis 168b Stgb. 9., vollständig ueberarbeitete und erweiterte Auflage. N.Y., 2006. S. 1–16.

⁴ См.: Уголовный кодекс Австрии. Законодательство зарубежных стран. СПб., 2004. С. 131.

⁵ См., напр.: Christian Bertel, Klaus Schwaighofer, Andreas Venier. Österreichisches Strafrecht. Besonderer Teil I. § 75 bis 168b StGB. Österreich, 2014. S. 1–42.

⁶ См.: БВС РФ. 1999. № 1.

⁷ См. подр.: Расторопов С.В. Уголовно-правовая охрана здоровья граждан от преступных посягательств. СПб., 2007. С. 134–142.

⁸ См.: Борзенков Г.Н. Преступления против жизни и здоровья: закон и правоприменительная практика. М., 2009. С. 160.

⁹ См.: Зубкова В.И. Ответственность за преступления против личности по законодательству России. М., 2005. С. 72–76.

¹⁰ См.: Burgstaller. Grundzüge einer neuen Fahrlässigkeitsdogmatik. StPG 1 (1973). S. 105.

¹¹ См.: Seiler R. Die Aufbauelemente des Fahrlässigkeitsdelikts, in: Wesener-FS (1992). S. 447.

¹² См.: Fuchs H., Reindl-Krauskopf S. Österreichisches Strafrecht. Besonderer Teil I. Delikte gegen den Einzelnen (Leib und Leben, Freiheit, Ehre, Privatsphäre, Vermögen), Österreich, 2014. S. 1–42.

¹³ См., напр.: Уголовное право зарубежных государств. Особенная часть. М., 2004. С. 306–388.

¹ См., напр.: Попов А.Н. Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах. СПб., 2001. С. 6.

² См. подр.: Rastoropov S.V. Prestuplenija protiv zhizni po UK Avstirii: doktrina i sudebnaja praktika // Mezhdunarodnoe ugovolnoe pravo i mezhdunarodnaja justicija. 2013. № 3. S. 19–23; On zhe. Sistema prestuplenij protiv zhizni po UK Avstirii // Vestnik Vladimirsokogo juridicheskogo instituta. 2014. № 4. S. 98–104; On zhe. Dvojnaja sistematika Osobennoj chasti UK Shvejcarii // Mezhdunarodnoe ugovolnoe pravo i mezhdunarodnaja justicija. 2014. № 6. S. 18–21 i dr.

³ См.: Österreichisches Strafrecht. Besonderer Teil I. && 75 bis 168b Stgb. 9., vollständig ueberarbeitete und erweiterte Auflage. N.Y., 2006. S. 1–16.

⁴ См.: Ugolovnyj kodeks Avstirii. Zakonodatel'stvo zarubezhnyh stran. SPb., 2004. S. 131.

⁵ См., напр.: Christian Bertel, Klaus Schwaighofer, Andreas Venier. Österreichisches Strafrecht. Besonderer Teil I. § 75 bis 168b StGB. Österreich, 2014. S. 1–42.

⁶ См.: BVS RF. 1999. № 1.

⁷ См. подр.: Rastoropov S.V. Ugolovno-pravovaja ohrana zdorov'ja grazhdan ot prestupnyh posjagatel'stv. SPb., 2007. S. 134–142.

⁸ См.: Borzenkov G.N. Prestuplenija protiv zhizni i zdorov'ja: zakon i pravoprinenitel'naja praktika. M., 2009. S. 160.

⁹ См.: Zubkova V.I. Otvetstvennost' za prestuplenija protiv lichnosti po zakonodatel'stvu Rossii. M., 2005. S. 72–76.

¹⁰ См.: Burgstaller. Grundzüge einer neuen Fahrlässigkeitsdogmatik. StPG 1 (1973). S. 105.

¹¹ См.: Seiler R. Die Aufbauelemente des Fahrlässigkeitsdelikts, in: Wesener-FS (1992). S. 447.

¹² См.: Fuchs H., Reindl-Krauskopf S. Österreichisches Strafrecht. Besonderer Teil I. Delikte gegen den Einzelnen (Leib und Leben, Freiheit, Ehre, Privatsphäre, Vermögen), sterreich, 2014. S. 1–42.

¹³ См., напр.: Ugolovnoe pravo zarubezhnyh gosudarstv. Osobennaja chast'. M., 2004. S. 306–388.

УДК 343.8:316.614.034

О ресоциализации осужденных как цели процесса обеспечения реализации наказания в виде лишения свободы

В.Е. ЮЖАНИН – профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы

В статье рассматривается процесс обеспечения реализации наказания. Отмечается, что достижение исправления не гарантирует предотвращения рецидива преступлений. Обосновывается необходимость ресоциализации посредством управления социальной адаптацией освобожденных и освобожденных от отбывания наказания. В этой связи предлагается расширить предмет уголовно-исполнительного права.

Ключевые слова: процесс обеспечения реализации лишения свободы; цели наказания; ресоциализация осужденных; управление социальной адаптацией освобожденных и освобожденных от наказания; предмет уголовно-исполнительного права.

On the resocialization of convicts as the goal of ensuring implementation of imprisonment

V.E. YUZHANIN – Professor of the Department of Penal Law and Organization of Educational work with Convicts of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Professor, Honored Worker of Higher School

The article deals with the ensuring process of punishment. It is noted that the achievement of correction does not guarantee the prevention of recidivism. The article substantiates the necessity of resocialization through the management of social adaptation of released prisoners. In this context it is offered to extend the subject of the penitentiary law.

Keywords: the process of ensuring the implementation of imprisonment; goals of punishment; resocialization of convicts; management of social adaptation of released prisoners; the subject of the penal law.

Проблема обеспечения реализации наказания в виде лишения свободы рассматривается в юридической литературе под разным углом зрения. В результате единая концепция не складывается. Это явление объяснимо, так как решение данной проблемы связано с реализацией норм многих отраслей права: уголовного, уголовно-исполнительного, административного, уголовно-процессуального, гражданского и др.

Так, представитель науки уголовного права Ю.М. Ткачевский связывает реализацию наказания с действием уголовного закона, то есть применением санкций, предусматривающих ответственность за преступление против правосудия¹. С позиций уголовного права это правильно, так как в данном

случае подлежат защите действия, препятствующие исполнению приговора и реальному осуществлению целей наказания.

Представитель административного права А.К. Блажко отмечает, что административные нормы призваны обеспечить исполнение наказания путем регулирования прохождения службы сотрудниками исправительных учреждений, отношений общественного порядка и безопасности (охрана мест заключения от проникновения запрещенных предметов, борьба с алкоголизмом и наркоманией, осуществление административного надзора и т.п.)².

Представитель цивилистической науки В.А. Рыбаков обосновал существенную роль гражданско-правового регулирования

в обеспечении правомерного поведения осужденных. Данные нормы выполняют две воспитательные функции: организационно-преобразовательную (метод убеждения и позитивного стимулирования) и охранительную (негативное стимулирование ответственностью)³.

Процессуалисты говорят об особых стадиях, обеспечивающих исполнение приговора и реализацию наказания: обращение приговора к исполнению, приведение приговора в исполнение и уголовно-исполнительное судопроизводство⁴. Дело в том, что уголовно-процессуальные формы правоотношений на стадии уголовного судопроизводства складываются в связи с исполнением наказания⁵. Таким образом, по мнению процессуалистов, уголовно-исполнительное судопроизводство тяготеет к процессу исполнения наказания, создает процессуальные условия его эффективности.

Однако особое отношение к исследованию процесса обеспечения реализации наказания имеет наука уголовно-исполнительного права. В ней также имеет место разное понимание. Так, М.П. Мелентьев и Н.А. Стручков считают, что обеспечить исполнение наказания – значит реализовать его карательное содержание, выражающееся в условиях и порядке отбывания⁶. А.Е. Наташев считает, что рассматриваемый процесс находится за пределами содержания наказания, его предназначение более узкое – обеспечить реализацию уголовно-правовой кары. Эта деятельность преимущественно организационно-техническая⁷. А.В. Шамис связывает обеспечение отбывания наказания с условиями, исключающими физическую возможность совершения преступления, то есть с достижением частно-предупредительной цели наказания⁸. А.С. Севрюгин предпринял попытку рассмотреть данный процесс в более широком плане – как обеспечение реализации норм уголовно-исполнительного права, под которым он понимает охрану норм права от нарушения. Исследователь выделяет охранительные нормы уголовно-исполнительного права, которые выполняют функцию обеспечения регулятивных норм этой отрасли⁹.

Иногда средства обеспечения наказания рассматриваются с позиций решения частных проблем уголовно-исполнительного права, например правового статуса лиц, лишенных свободы. Это система общих и специальных (юридических) средств, способствующих реализации осужденными своих

прав и обязанностей, которые сопровождают и обслуживают их¹⁰.

Изложенное позволяет сделать вывод, что в литературе нет четких критериев определения процесса обеспечения реализации наказания в виде лишения свободы. Каждый автор отчасти прав, так как обращает внимание на ту или иную сторону реализации наказания, а не на весь процесс. Данным путем определяются его частные модели, существенно отличающиеся друг от друга. Мы определяем процесс обеспечения реализации наказания как категорию уголовно-исполнительного права, которая обобщала бы все его частные дефиниции.

Как известно, слово «обеспечивать» употребляется в значениях: гарантировать, служить гарантией (или порукой) чего-либо, делать возможным, создавать условия для чего-либо¹¹. В связи с этим в первую очередь возникает вопрос: служить гарантией, условием чего? Отбывания и исполнения наказания? Но наказание может быть отбыто (исполнено), а осужденный освобождается из исправительного учреждения, будучи злостным нарушителем режима, замышляющим новое преступление. Если таким образом обеспечивать реализацию наказания, то достаточно посадить осужденных в камеры на несколько лет, а затем, по окончании срока, выпустить их.

С нашей точки зрения, целесообразно связать процесс обеспечения реализации наказания с достижением его целей. Реализовать наказание – значит достичь его цели. Причем с позиций законодателя это возможно на трех уровнях: низком, среднем и высоком.

Первый (низкий) уровень обеспечения реализации наказания – это деятельность администрации исправительного учреждения, направленная на удовлетворение права-притязания государства к осужденным по соблюдению ими уголовно-правовых запретов во время отбывания наказания. Наказание будет считаться исполненным, если во время его отбывания осужденный не совершил преступления, но хотя бы и совершал злостные нарушения режима.

Второй (средний) уровень реализации наказания – это деятельность администрации, направленная на удовлетворение права-притязания государства к осужденным по соблюдению установленных для них правоограничений. Цель – недопущение осужденными нарушений режима во время отбывания наказания.

Третий (высокий) уровень обеспечения реализации наказания – это деятельность администрации, направленная на удовлетворение права-требования государства по исправлению (или ресоциализации) осужденных к лишению свободы. На этом уровне государство преследует цель недопущения рецидивных преступлений со стороны лиц, отбывших наказание. Одновременно с этим удовлетворяется интерес осужденных к социальной реабилитации.

Законодатель, определяя цели наказания, ориентирует деятельность исправительного учреждения на их достижение. Восстановление социальной справедливости как цель наказания требует, чтобы во время отбывания наказания полноценно реализовалась кара, а осужденный претерпел все ограничения. Другая цель – предупреждение совершения новых преступлений – должна быть достигнута в период отбывания наказания и погашения судимости, в течение которого необходимо предпринять все меры, в том числе профилактические и воспитательные, препятствующие повторению преступной деятельности осужденных. И наконец, цель исправления ориентирует исправительные учреждения на формирование у осужденных уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и повышение их образовательного и культурного уровня (ч. 1 ст. 109 УИК РФ).

Достижение цели исправления осужденных связывается с третьим (высоким) уровнем обеспечения реализации наказания. При полной и успешной реализации наказания результат – правомерное поведение осужденных, а затем правопослушное поведение их после освобождения из мест лишения свободы.

Но как быть в тех случаях, когда цель исправления достигнута, осужденный готов соблюдать нормы права, правила и традиции человеческого общежития, но встретил серьезные трудности в социальной адаптации после освобождения: ему негде жить, его не берут на работу, к тому же он страдает социально значимым заболеванием? Предусмотренная в гл. 22 УИК РФ помощь осужденным и освобождаемым от отбывания наказания не касается лиц, которые находились в исправительном учреждении. Установление административного надзора (ст. 173-1 УИК РФ) не решает эту проблему, так как его предназначение узкое – осуществление контроля за соблюдением поднадзорными установленными для них право-

ограничений. Уголовно-исполнительное законодательство эту сферу отношений не регулирует. Статья 183 УИК РФ, предусматривающая контроль за лицами, освобожденными от отбывания наказания, имеет бланкетный характер, так как отсылает к иным нормативным актам.

В общем, сфера действия уголовно-исполнительного законодательства ограничена, так как оно, обеспечивая процесс реализации наказания, связывается целями, предусмотренными уголовным законом. Таким образом, оно не охватывает последнюю стадию обеспечения целей лишения свободы – управление социальной адаптацией освобожденных из исправительного учреждения, а регулирует только отношения, связанные с исполнением (отбыванием) наказания.

Однако, не преследуя указанную цель, уголовно-исполнительное законодательство устанавливает задачу оказания осужденным помощи в социальной адаптации. Налицо расхождение целей (ч. 1 ст. 1 УИК РФ – исправление осужденных и предупреждение новых преступлений) с задачей (ч. 2 ст. 2 УИК РФ – оказание осужденным помощи в социальной адаптации). Задача выходит за круг отношений, предусмотренных целями. К тому же, как мы отметили ранее, задача по оказанию осужденным помощи в социальной адаптации не обеспечивается нормами уголовно-исполнительного права, так как последнее ограничивается регулированием отношений, связанных с оказанием помощи освобождаемым (а не освобожденным) от отбывания наказания. Реально оказать помощь в социальной адаптации можно только в условиях свободной жизни. Выходит, что указанная задача – фикция.

Исправить подобную ситуацию можно только путем изменения цели исполнения наказания: вместо исправления осужденных следует предусмотреть их ресоциализацию. Последняя рассмотрена в научной литературе. Все ученые связывают ресоциализацию с социальной адаптацией освобожденных от отбывания наказания, то есть с социализацией в условиях свободы. Социальная адаптация освобожденных – это завершающая часть процесса их ресоциализации.

Мы считаем, что ресоциализация осужденных похожа на социализацию, но имеет лишь некоторые отличия несущественного свойства. Так, Ю.В. Баранов пишет, что «процесс ресоциализации не должен резко отделяться от процесса социализации,

поскольку в противном случае может произойти не только извращение понятия ресоциализации осужденных, но и его прямое противопоставление процессам социализации, имеющим место в обществе»¹². Процесс ресоциализации лиц, привлеченных к уголовной ответственности, – это процесс возобновления их социализации, в том числе в условиях свободы, в целях включения их в социально приемлемые формы жизнедеятельности.

Здесь важно понять, что процесс ресоциализации основывается на реальном поведении преступника в социуме, а органы принуждения лишь способны пробудить у него желание менять свои установки, ориентиры, строить новые отношения или корректировать старые, то есть исправлять. Знак равенства между ресоциализацией и исправлением, как это имело место в недалеком прошлом¹³, не приемлем. Ресоциализация – это процесс повторного вживания преступника в систему ценностей, существующих в обществе, но в то же время он принудительный и управляемый. Иначе говоря, представление о ресоциализации в местах лишения свободы не должно быть встроенным в систему привычных оценок, посредством которых традиционно характеризуется сущность и содержание деятельности по исправлению преступника.

Самое главное в процессе ресоциализации – это предоставить преступнику возможность вновь приобщиться к социальным нормам поведения, поддерживать его социальную ремиссию, устранить причины преступления, восстановить его социально полезные связи, помочь адаптироваться к устойчивому позитивному поведению. Иначе говоря, необходимо создать гарантии и условия его непреступного поведения после освобождения из мест лишения свободы.

Апеллирование законодательства только к исправлению как процессу, связанному с формированием у осужденного уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулированием правопослушного поведения (ч. 1 ст. 109 УИК РФ), исходит из классических начал понимания происходящего при исполнении наказания. Аспекты социологической школы науки уголовного и уголовно-исполнительного права довольно слабо внедрены в законодательство и в пенитенциарную практику. Тогда как мировые тюремные системы постепенно, начиная с XVIII в., подошли к осознанию необходимости этого: от обезвреживания пре-

ступника к общему предупреждению, затем к исправлению и, наконец, ресоциализации.

В настоящее время законодательство многих стран делает акцент на ресоциализации преступника. Так, например, согласно УПК Франции подобную цель преследует условное освобождение осужденных (ст. 729), новые виды лишения свободы, институт пробации и другие меры уголовно-правового характера (например, ст. 720-4, 721-1). Активные действия предпринимаются для ресоциализации осужденных в тюрьмах ФРГ. Даная цель преследуется наряду с традиционными целями – возмездием и устрашением. Конституция Италии закрепила важнейшую цель наказания – перевоспитание осужденного. «Цель перевоспитания осужденного в теории и практике итальянского уголовного права трактуется как ресоциализация преступника. Подчинение развития уголовного законодательства и судебной практики цели ресоциализации осужденного на современном этапе стирает традиционные различия между наказанием и мерой безопасности»¹⁴.

Руководство ФСИН России неоднократно обращало внимание на то, что сегодня исправительные учреждения следует постепенно преобразовывать в центры социальной реабилитации, где трудились бы представители служб социальной защиты, здравоохранения, образования и других ведомств¹⁵. С 1990-х гг. в колониях работают профессионалы в области реабилитации: психологи, социальные работники, психиатры, специалисты по профессиональной подготовке. Напомним о том, что Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. предполагает развитие социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными в направлении обеспечения ресоциализации осужденных, освоения ими основных социальных функций как необходимого условия исправления и успешной адаптации в обществе после освобождения.

В этой связи уголовно-исполнительное право должно иметь следующие основные цели: ресоциализация осужденных и предупреждение новых преступлений. Данная отрасль права отстает в своем развитии от реалий действительности и требований времени, замыкаясь на институтах и целях, предусмотренных уголовно-правовыми нормами.

Идея ресоциализации ближе позитивно-му (социологическому) направлению наук

криминального цикла. Она отдает приоритет симптому общественной опасности преступника, а не преступлению, которым оперирует уголовное право. Преступление рассматривается как показатель опасности лица, а не наоборот. Общественная опасность преступления служит главным критерием справедливо назначенного наказания. При этом реализация наказания относится к ведению уголовно-исполнительного законодательства, которое вправе в большей мере использовать категорию «общественная опасность личности осужденного».

Личность осужденного – это прежде всего категория криминологии, педагогики и социологии. С позиций этих наук личность осужденного должна рассматриваться как объект процесса ресоциализации, то есть в значении исследования ее во взаимосвязи со средой, в том числе складывающейся после освобождения от отбывания наказания. Во время отбывания наказания для процесса ресоциализации важно не только реализовать средства исправления, предусмотренные в ст. 9 УИК РФ, но и меры по оказанию помощи осужденным в восстановлении их социально полезных связей, подготовке их к освобождению. Должно измениться назначение труда как важнейшего средства ресоциализации личности, приобретения социально полезных навыков и профессий, способствующих реинтеграции в обществе. Может стать реальным отбывание осужденными наказания в максимально возможной близости к месту жительства их семей, так как это повысило бы эффективность работы местных органов власти и самоуправления в организации процесса социальной адаптации освобожденных от наказания.

Все это предполагает изменение идеологии применения основных средств исправления осужденных в направлении усиления психолого-педагогической и социальной работы с личностью и подготовки к жизни в обществе, что требует научного обоснования и последующего закрепления в уголовно-исполнительном законодательстве. Например, Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. предложила закрепить в уголовно-исполнительном законодательстве социальную и психологическую работу в качестве основных средств исправления осужденных.

Итак, нужно активнее внедрять и развивать в уголовно-исполнительном законодательстве и практике деятельности

исправительных учреждений средства ресоциализации, создающие реальные возможности реинтеграции осужденных в общественную жизнь. Иначе говоря, пенитенциарные меры воздействия должны выходить за пределы уголовно-правовой природы, определяемой общественной опасностью преступления, а ресоциализация преступника в уголовно-исполнительном праве должна стать основным процессом, в котором могли бы быть объединены карательные, воспитательные, криминологические и социальные начала.

В этой связи должен быть расширен предмет уголовно-исполнительного права, в котором может быть предусмотрен блок норм, направленных на управление социальной адаптацией освобожденных от наказания. В УИК РФ следует предусмотреть нормы, регулирующие управление социальной адаптацией лиц, освобожденных из мест лишения свободы. Нечто подобное имеется в УИК Республики Беларусь. Так, в нем содержатся две главы, регламентирующие завершающий этап ресоциализации бывших осужденных: гл. 26 «Помощь освобожденным от отбывания наказания», гл. 27 «Наблюдение и надзор за освобожденными от отбывания наказания». В частности, в гл. 27 определяются: правовое положение отбывших наказание (ст. 195); профилактическое наблюдение за отбывшими наказание (ст. 196); контроль за условно-досрочно освобожденными в течение неотбытой части наказания (ст. 197); превентивный надзор за освобожденными, права поднадзорных (ст. 198–204).

Таким образом, в соответствии с УИК Республики Беларусь соединяются в единый процесс работа с освобождаемыми и освобожденными от отбывания наказания. К этому и следует стремиться законодателю России.

В связи с этим еще раз подчеркнем, что ресоциализация как разновидность процесса социализации предполагает включение бывшего осужденного в общественную жизнь, его полную социальную адаптацию в условиях свободы. Социальная адаптация – существенный признак ресоциализации, по которому ее можно отличить от исправления. Исправление осужденного в соответствии с действующими нормами уголовного и уголовно-исполнительного законодательства может быть завершено, ресоциализация – нет. Поэтому ошибочно считать исправление осужденного единственным критерием избавления от рецидива преступлений. Не-

редко это создает иллюзию успешной работы администрации исправительного учреждения. Подтверждение тому – довольно частое совершение преступлений лицами, освобожденными с положительной характеристикой.

В 1970-е гг. венгерский ученый Миклош Вермеш обратил внимание на перспективность процесса ресоциализации с позиций предупреждения рецидивной преступности. Он писал: «Имеющийся опыт свидетельствует о том, что, как бы хорошо ни был поставлен процесс исполнения наказания, проблема ресоциализации этим не исчерпывается. Меры, применяемые после отбытия наказания, таким образом, в силу необходимости являются дополнением к стадии отбывания наказания, и если эти меры отсутствуют, то ресоциализация может оказаться безуспешной, могут обнаружиться негативные процессы, в частности, в форме рецидивной преступности»¹⁶.

Российские ученые, исследовавшие проблему постпенитенциарного поведения лиц, отбывших наказание, также пришли к выводу, что возврат к законопослушному поведению происходит в результате своевременной социализации, а не в силу исправления осужденных. В связи с этим целью наказания, указанной в законе, должно быть не исправление осужденных, а ресоциализация¹⁷.

Заслуживает внимания проблема совмещения подготовки осужденных к освобождению и социальной адаптации после освобождения из исправительного учреждения¹⁸. В научной литературе эти два процесса, завершающие ресоциализацию, рассматриваются в отдельности.

На наш взгляд, проблемы социальной адаптации в большей степени должны решаться на стадии подготовки осужденных к освобождению. Социальная адаптация в этот период может быть более управляемой, так как осуществляется в рамках исполнения наказания. В настоящее время законодательно предусмотрены возможность освобождения осужденных из-под стражи за шесть месяцев до истечения срока наказания для решения вопросов трудового и бытового устройства, выезда осужденных к месту жительства с этой же целью и т.п. Но это допускается только в колониях общего режима, воспитательных колониях и колониях-поселениях. Хотя управление социальной адаптацией в большей мере необходимо в отношении лиц, содержащих-

ся длительное время в строгой изоляции (в тюрьмах, колониях строгого и особого режимов), утративших социально полезные связи, адаптированных к тюремной среде и ее субкультуре.

В связи с этим в уголовно-исполнительном законодательстве необходимо определить институт проживания осужденных за пределами исправительного учреждения на заключительном этапе отбывания наказания, имеющий в качестве основного назначения социальную адаптацию к условиям свободы. Его следует рассматривать в рамках открытых условий отбывания наказания наряду с обычными, строгими и облегченными. Открытые условия необходимо создать для всех видов режима. Различаться между собой они могут по степени физической изоляции, допускаемого общения, объему правоограничений и интенсивности надзора за поведением осужденных. Следует также закрепить в уголовно-исполнительном законодательстве правовой статус осужденных, находящихся в открытых условиях¹⁹.

Второй – заключительный – этап социальной адаптации должен проходить после пребывания осужденных в открытых условиях, когда они полностью освободятся из исправительного учреждения. В уголовно-исполнительном законодательстве необходимо предусмотреть нормы, регулирующие сопровождение освобожденных и управление их социальной адаптацией: трудовое и бытовое устройство; налаживание семейных отношений; материальную помощь; профессиональную ориентацию и обучение; оказание медицинских услуг и т.п.

При отсутствии в России службы пробации основную организационную работу на адаптационных этапах можно возложить на уголовно-исполнительные инспекции. В них следует определить группу социальных работников, занимающихся с освобождаемыми и освобожденными. Эти же работники при условно-досрочном освобождении своих подопечных будут ставить их на учет и контролировать выполнение обязанностей, возложенных судом. В таком случае весь процесс ресоциализации, включающий указанные два этапа социальной адаптации, полностью замкнется на уголовно-исполнительной инспекции. Начатый процесс работы с освобождаемыми продолжится в новых условиях. Это возможно и в случае замены лишения свободы более мягким наказанием, так как большинство альтернативных наказаний исполняется уголовно-

исполнительными инспекциями. Функции уголовно-исполнительных инспекций следует расширить, включив в них те, которые

предусмотрены в европейских рекомендациях в отношении институтов пробации и постпенитенциарного контроля.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Ткачевский Ю.М. Обеспечение исполнения уголовного наказания // Советское государство и право. 1982. № 2. С. 60–66.

² См.: Блашко А.К. Административно-правовое обеспечение требований законности, дисциплины и правопорядка в ИТУ. Рязань, 1991. С. 8–9.

³ См.: Рыбаков В.А. Роль гражданского права в формировании правосознания граждан (уголовно-исполнительные аспекты). Уфа, 1991. С. 25–26.

⁴ См.: Николжук В.В. Уголовно-исполнительное судопроизводство в СССР. Иркутск, 1989. С. 33–36.

⁵ См.: Мотовиловкер Е.Я. О непоколебимости вступившего в законную силу приговора при его исполнении // Проблемы юридической ответственности и исполнения уголовных наказаний. Рязань, 1985. С. 102.

⁶ См.: Мелентьев М.П. Обеспечение реализации уголовно-правовой кары – функция исправительно-трудового права // Проблемы юридической ответственности и исполнения наказания в свете Конституции СССР. Рязань, 1981. С. 56; Стручков Н.А. Курс исправительно-трудового права. Проблемы Особенной части. М., 1985. С. 148–150.

⁷ См.: Наташев А.Е. Правовое положение осужденных // Исправительно-трудовые учреждения: Бюллетень ВНИИ МВД СССР. 1979. № 7. С. 30.

⁸ См.: Шамис А.В. Основные средства обеспечения карательно-воспитательного процесса. М., 1978. С. 12–13.

⁹ См.: Севрюгин А.С. Нормы исправительно-трудового права. Рязань, 1991. С. 7–9.

¹⁰ См.: Селиверстов В.И. Теоретические проблемы правового положения лиц, отбывающих наказания. М., 1992. С. 23.

¹¹ См.: Словарь синонимов русского языка / Под ред. Л.А. Чешко. М., 1986. С. 291.

¹² Баранов Ю.В. Стадии ресоциализации осужденных в свете новых социально-антропологических воззрений и социальной философии. СПб., 2006. С. 42.

¹³ См.: Стручков Н.А. Новые аспекты исполнения наказания и перевоспитания // Воспитание и правопорядок. 1981. № 6. С. 55.

¹⁴ Уголовное право зарубежных стран: Учеб. пособие. М.; Л., 2003. С. 399.

¹⁵ См.: Доклад директора ФСИН России Ю.И. Калинина на заседании коллегии Минюста России 17 марта 2006 г. // Преступление и наказание. 2006. № 4. С. 5.

¹⁶ Вермеш М. Основные проблемы криминологии. М., 1978. С. 222.

¹⁷ См.: Павленко О.В. Постпенитенциарное поведение лиц, отбывших наказание за корыстные преступления: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2003. С. 15; Баранов Ю.В. Ресоциализация осужденных к лишению свободы и освобожденных от этого наказания: теоретико-методологические и правовые основы: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. С. 12–13, 25–26.

¹⁸ См. подр.: Южанин В.Е., Кириллов С.И., Бабунов В.Ю. Раннее предупреждение постпенитенциарного рецидива преступлений (уголовно-правовой и уголовно-исполнительный аспекты): Моногр. Коломна, 2011. С. 167–170.

¹⁹ См. подр.: Южанин В.Е., Горбань Д.В. Организация проживания осужденных за пределами исправительных учреждений в открытых условиях отбывания наказания: Практ. рекомендации. Рязань, 2014.

¹ См.: Tkachevskij Ju.M. Obespechenie ispolnenija ugovolnogo nakazanija // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1982. № 2. S. 60–66.

² См.: Blazhko A.K. Administrativno-pravovoe obespechenie trebovanij zakonnosti, discipliny i pravoporjadka v ITU. Rjazan', 1991. S. 8–9.

³ См.: Rybakov V.A. Rol' grazhdanskogo prava v formirovanii pravosoznanija grazhdan (ugolovno-ispolnitel'nye aspekty). Ufa, 1991. S. 25–26.

⁴ См.: Nikoljuk V.V. Ugolovno-ispolnitel'noe sudoproizvodstvo v SSSR. Irkutsk, 1989. S. 33–36.

⁵ См.: Motovilovker E.Ja. O nepokolebimosti vstupivshego v zakonnuju silu prigovora pri ego ispolnenii // Problemy juridicheskoj otvetstvennosti i ispolnenija ugovolnyh nakazanij. Rjazan', 1985. S. 102.

⁶ См.: Melent'ev M.P. Obespechenie realizacii ugovolno-pravovoj kary – funkcija ispravitel'no-trudovogo prava // Problemy juridicheskoj otvetstvennosti i ispolnenija nakazanija v svete Konstitucii SSSR. Rjazan', 1981. S. 56; Struchkov N.A. Kurs ispravitel'no-trudovogo prava. Problemy Osobennoj chasti. M., 1985. S. 148–150.

⁷ См.: Natashev A.E. Pravovoe polozhenie osuzhdennyh // Ispravitel'no-trudovye uchrezhdenija: Bjulleten' VNII MVD SSSR. 1979. № 7. S. 30.

⁸ См.: Shamis A.V. Osnovnye sredstva obespechenija karatel'no-vospitatel'nogo processa. M., 1978. S. 12–13.

⁹ См.: Sevryugin A.S. Normy ispravitel'no-trudovogo prava. Rjazan', 1991. S. 7–9.

¹⁰ См.: Seliverstov V.I. Teoreticheskie problemy pravovogo polozhenija lic, otbyvajushih nakazanija. M., 1992. S. 23.

¹¹ См.: Slovar' sinonimov russkogo jazyka / Pod red. L.A. Cheshko. M., 1986. S. 291.

¹² Baranov Ju.V. Stadii resocializacii osuzhdennyh v svete novyh social'no-antropologicheskikh vozzrenij i social'noj filosofii. SPb., 2006. S. 42.

¹³ См.: Struchkov N.A. Novye aspekty ispolnenija nakazanija i perevospitanija // Vospitanie i pravoporjadok. 1981. № 6. S. 55.

¹⁴ Ugolovnoe pravo zarubezhnyh stran: Ucheb. posobie. M.; L., 2003. S. 399.

¹⁵ См.: Doklad direktora FSIN Rossii Ju.I. Kalinina na zasedanii kollegii Minjusta Rossii 17 marta 2006 g. // Prestuplenie i nakazanie. 2006. № 4. S. 5.

¹⁶ Vermesh M. Osnovnye problemy kriminologii. M., 1978. S. 222.

¹⁷ См.: Pavlenko O.V. Postpenitenciarное povedenie lic, otbyvshih nakazanie za korystnye prestuplenija: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Omsk, 2003. S. 15; Baranov Ju.V. Resocializacija osuzhdennyh k lisheniju svobody i osvobozhdennyh ot jetogo nakazanija: teoretiko-metodologicheskie i pravovye osnovy: Avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 2008. S. 12–13, 25–26.

¹⁸ См. подр.: Juzhanin V.E., Kirillov S.I., Babunov V.Ju. Rannee preduprezhdenie postpenitenciarного recidiva prestuplenij (ugolovno-pravovoj i ugovolno-ispolnitel'nyj aspekty): Monogr. Kolomna, 2011. S. 167–170.

¹⁹ См. подр.: Juzhanin V.E., Gorban' D.V. Organizacija prozhivaniya osuzhdennyh za predelami ispravitel'nyh uchrezhdenij v otкрыtyh uslovijah otbyvaniya nakazanija: Prakt. rekomendacii. Rjazan', 2014.

Проблемы производства по административным делам об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы

С.А. СТАРОСТИН – профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор

В статье обсуждаются проблемные вопросы, связанные с рассмотрением судами административных дел об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы. Отмечается положительная роль принятого Кодекса административного судопроизводства в направлении усиления правовой, судебной охраны интересов граждан, успешного решения проблемы баланса публично-правовых и частноправовых интересов.

Ключевые слова: административный надзор; административное судопроизводство; лица, освобожденные из мест лишения свободы; административное исковое заявление.

Problems of administrative proceedings of cases on administrative supervision of persons released from prison

S.A. STAROSTIN – Professor of the Department of Administrative Law and Procedure Disciplines of the Moscow State Law O.E. Kutafin University, Professor of the Department of Administrative Law Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Professor

The article discusses the problems connected with the consideration by the courts of administrative cases on the administrative supervision of persons released from prison. It notes positive role of the adopted Code of Administrative Procedure in the direction of strengthening the legal and judicial protection of citizens' interests, the successful solution of the problem of the balance of public and private law interests.

Keywords: administrative supervision; administrative proceedings; persons released from prison; administrative claim.

Прежде чем говорить о проблеме, заявленной в названии статьи, отметим несколько важных аспектов административного судопроизводства. Так, весной этого года был принят Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации (КАС РФ) и с 15 сентября 2015 г. введен в действие. Это важный шаг в направлении усиления правовой, судебной охраны интересов граждан от неправомерных действий (бездействия) государственных, муниципальных органов и должностных лиц. Однако остались нерешенными многие проблемы.

Уже давно существует конституционное требование (ст. 118 Конституции Россий-

ской Федерации) о необходимости наличия самостоятельной формы осуществления правосудия – административного судопроизводства. Но начало реализовываться оно спустя почти 10 лет после того, как Президент Российской Федерации упомянул о нем в своем Послании Федеральному Собранию Российской Федерации в 2012 г. В мае 2013 г. проект КАС РФ прошел первое чтение в Государственной Думе Российской Федерации. В него вошли нормы, регулирующие правила рассмотрения судами общей юрисдикции значительной категории дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений.

Административисты в своем большинстве высоко оценили предложенный проект, несмотря на его очевидную гражданско-процессуальную ориентированность. Это касается терминологии, копирования некоторых глав, например гл. 6 ГПК РФ (доказательства и доказывание) о распределении бремени доказывания, судебных расходах и издержках, разрешении ходатайств о применении обеспечительных мер и т.д.

Не можем не сказать о спешке в принятии КАС РФ. Уже через месяц, в июне, Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации провел парламентские слушания по законопроекту, где было заявлено, что надо сконцентрироваться только на тех замечаниях, которые можно быстро устранить, а остальные, глубокие и концептуальные, будем исправлять позднее – во время действия кодекса. На вопрос о причинах такой спешки в принятии заведомо некачественного проекта был дан наполеоновский ответ: «Давайте вяжемся в драку, а там посмотрим. Дальше будет видно».

Хотелось бы напомнить, что некачественно подготовленный еще в 2000 г. проект федерального закона «О федеральных административных судах в Российской Федерации» был отклонен и надолго отправлен на доработку. Сегодня вопрос о его принятии даже не обсуждается.

Но есть еще пример. Речь идет о важнейшем законопроекте «Об административных процедурах», внесенном в ГД РФ еще в 2001 г. Спустя 8 лет, 11 июня 2009 г., законопроект был рассмотрен в первом чтении. Аргументы отклонения заслуживают цитирования: «Если законопроект принимать и реализовывать, это вызовет сумятицу и приведет к тому, что деятельность органов исполнительной власти вообще не будет осуществляться. В связи с этим Комитет по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству предлагает законопроект отклонить».

Негативные последствия его отклонения, по нашему мнению, куда более тяжелые, чем в первом примере.

По поводу необходимости и последовательности принятия указанных законов красноречиво высказался Ю.Н. Стариков словами Карла Экштайна: «В России телегу ставят впереди лошади, вначале необходимо разработать и принять закон об административных процедурах, а уже потом закон об административном судопроизводстве». И еще: «Дом надо строить с фундамента, а не с крыши... в такой ситуации суд будет

оправдывать произвольные и репрессивные действия чиновника, поскольку он не нарушает закона. Это пощечина правому государству»¹.

Действительно, до принятия КАС РФ важной оставалась проблема соблюдения баланса публично-правовых и частноправовых интересов. Орган исполнительной власти, являясь публично-правовым субъектом, всегда будет стоять на страже публичных, а не частных интересов. Стороны административного процесса по определению не могут быть равноправными в отличие от гражданского процесса, где они таковыми являются. Органы исполнительной власти должны быть лишены судебных функций.

Проблемы баланса публично-правовых и частноправовых интересов успешно решает КАС РФ, который эффективно защищает нарушенные органами государственной власти субъективные права гражданина. Административное судопроизводство должно значительно облегчить доступ к правосудию, «безвластный» субъект, как мы его называем, будет иметь возможность использовать соответствующие процедуры, которых нет в гражданском процессе.

Важно, что ликвидированы противоречия ГПК РФ и АПК РФ в части, касающейся порядка рассмотрения дел. Так, в частности, подразд. 3 «Производство по делам, возникающим из публичных правоотношений» ГПК РФ утратил силу с 15 сентября 2015 г. (в связи с принятием Федерального закона Российской Федерации от 08.03.2015 г. № 23-ФЗ).

Теперь об административном надзоре. Административный надзор – это административное принуждение, осуществляемое органами внутренних дел, наблюдение за соблюдением лицом, освобожденным из мест лишения свободы, установленных судом в соответствии с Федеральным законом «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» временных ограничений его прав, свобод и обязанностей.

Административный надзор относится к мерам предупреждения преступлений и административных правонарушений, оказания на лицо индивидуального профилактического воздействия, а не к мерам ответственности за совершенное правонарушение. Применение административного надзора, в отличие от уголовной ответственности, связывается не со временем совершения преступления, а с освобождением лица из

мест лишения свободы и наличием непогашенной либо неснятой судимости, которая влечет за собой правовые последствия (ст. 86 УК РФ)².

Статья 270 КАС РФ подробно устанавливает требования к административному исковому заявлению в части содержания (об установлении, продлении, досрочном прекращении, дополнении или частичной отмене административных ограничений) и заявителя (исправительное учреждение, орган внутренних дел, поднадзорное лицо либо его представитель).

Форма и содержание административного искового заявления установлены ст. 125 КАС РФ, перечень документов, прилагаемых к административному исковому заявлению, – ст. 126 КАС РФ.

В ст. 272 КАС РФ установлен порядок рассмотрения административного дела об административном надзоре.

Закон предусматривает общее правило, по которому административное исковое заявление, связанное с административным надзором, принимается к производству суда незамедлительно (ч. 1 ст. 272 КАС РФ), то есть в день поступления заявления в суд, а возвращается только в случаях неподсудности требований или самого дела данному суду.

При подготовке дела к судебному разбирательству с участием сторон, их представителей, заинтересованных лиц по административным делам об установлении административного надзора с учетом сокращенного срока рассмотрения указанной категории дел (10 дней) и отдаленности места нахождения исправительных учреждений судья, если сочтет необходимым, проводит подготовку с участием сторон. Подготовка административного дела к судебному разбирательству проводится в срок, который определяется с учетом обстоятельств, относящихся к конкретному административному делу, и процессуальных действий, которые надлежит совершить (ст. 134 КАС РФ). Учитывая сокращенность срока рассмотрения указанной категории дела, судья может разъяснить сторонам их права и обязанности в определении о подготовке дела к судебному разбирательству.

Если суд не признал явку лица обязательной, то возможно рассмотрение административного искового заявления в его отсутствие (ч. 1 ст. 272 КАС РФ). Однако более правильным следует признавать явку лица обязательной, поскольку рассматривается вопрос об установлении административных

ограничений, то есть ограничиваются конституционные права гражданина.

В определении о назначении судебного заседания следует указать, что явка лица обязательна, с возложением обязанности на заявителя (исправительное учреждение или орган внутренних дел) доставить поднадзорное лицо для участия в судебном заседании.

Согласно ч. 2 ст. 130 КАС РФ, если лицо, подавшее административное исковое заявление, в установленный в определении срок исправит недостатки, указанные судьей, административное исковое заявление считается поданным в день первоначального обращения этого лица в суд. В связи с тем что на основании ч. 7 ст. 272 КАС РФ срок рассмотрения заявления по делам об административном надзоре составляет 10 дней, оставлять такие заявления без движения не представляется возможным. С учетом сокращенного срока рассмотрения заявления на основании п. 8 ч. 1 ст. 129 КАС РФ суд возвращает административное исковое заявление заявителю. В силу ч. 3 ст. 129 КАС РФ возвращение административному истцу искового заявления не препятствует повторному обращению в суд.

Статья 273 КАС РФ устанавливает требования к решению суда по административному делу об административном надзоре. Согласно ч. 2 данной статьи по сложным административным делам возможно вынесение и объявление резолютивной части решения суда. Мотивированное решение должно быть изготовлено в день принятия решения (ч. 4 ст. 273 КАС РФ). Копия решения суда вручается или направляется участвующим в деле лицам после изготовления решения способами, позволяющими обеспечить скорейшую доставку (ч. 5 ст. 273 КАС РФ).

В случае освобождения лица из мест лишения свободы при приведении приговора в соответствие с действующим законодательством по ст. 10 УК РФ (при снижении срока наказания) и нахождении в производстве суда дела об установлении административного надзора, по которому вынесено решение, суду следует оставить заявление без рассмотрения (в соответствии с ч. 2 ст. 196 КАС РФ суд оставляет административное исковое заявление без рассмотрения и в иных случаях).

В связи с тем что срок рассмотрения дел об административном надзоре составляет 10 дней со дня поступления административ-

ного искового заявления в суд, а осужденный должен прибыть к месту жительства, явиться в орган внутренних дел для постановки на учет, направлять дело по подсудности по месту убийства поднадзорного лица

нецелесообразно при условии, что орган внутренних дел по прибытии поднадзорного лица может подать административное исковое заявление об установлении административного надзора.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Стариков Ю.Н. Юридические обсуждения о пользе административного правосудия // Административное судопроизводство в Российской Федерации: развитие теории и формирование административно-процессуального законодательства. Сер. «Юбилей, конференции, форумы». Воронеж, 2013. Вып. 7. С. 13.

² См.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23.04.2015 г. № 898-0 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шабалина Константина Николаевича на нарушение его конституционных прав Федеральным законом “Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы”».

¹ Starilov Ju.N. Juridicheskie obsuzhdenija o pol'ze administrativnogo pravosudija // Administrativnoe sudoproizvodstvo v Rossijskoj Federacii: razvitie teorii i formirovanie administrativno-processual'nogo zakonodatel'stva. Ser. «Jubilei, konferencii, forumy». Voronezh, Vyp. 7. 2013. S. 13.

² См.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23.04.2015 г. № 898-0 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шабалина Константина Николаевича на нарушение его конституционных прав Федеральным законом “Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы”».

УДК 347.231.14

Меры защиты в состоянии крайней необходимости

Н.В. ЮЖАНИН – доцент кафедры гражданского права и процесса Академии ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

В статье анализируются актуальные вопросы самозащиты гражданских прав, публично-правовое регулирование крайней необходимости сравнивается с частноправовым, предлагаются изменения в компенсационный механизм крайней необходимости.

Ключевые слова: защита гражданских прав; самозащита; меры защиты; самопомощь; юридический поступок; охранительное правоотношение; необходимая оборона; крайняя необходимость.

Protective measures in a state of extreme necessity

N.V. YUZHANIN – Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the Academy of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor

The article analyzes the current issues of self-defense of civil rights, public-legal regulation of extreme necessity is compared with private law, there are proposed changes to the compensation mechanism of extreme necessity.

Keywords: protection of civil rights; self-defense; protective measures; self-help; legal action; protective legal relationship; self-defense; extreme necessity.

Самозащита гражданских прав как неюрисдикционная форма защиты может реализовываться различными правовыми мерами публично-правового и частного характера. Статья 14 ГК РФ допускает реализацию самостоятельной защиты

способами пресечения нарушения прав, хотя пандектному частному праву известны меры самозащиты восстановительными способами (меры так называемого дозволенного самоуправства, например право задержания вещей в закладе). Поэтому са-

мозаика как неюрисдикционная форма защиты гражданских прав значительно шире и не сводится лишь к пресекательным мерам защиты в состоянии опасности (необходимая оборона, крайняя необходимость). Тем не менее соотношение публично-правового регулирования подобных мер с частно-правовым представляет научный интерес. Институт крайней необходимости известен различным отраслям отечественного права, в том числе гражданскому (частному) праву.

Итак, одним из способов реализации одностороннего правозащитного поведения субъектов гражданского права пресекающего характера являются действия, совершаемые управомоченными лицами в условиях крайней необходимости (ст. 1067 ГК РФ). В отличие от правозащитных действий в состоянии необходимой обороны, понятие которых ГК РФ не затрагивает совсем (повидимому, предполагается, что оно трактуется в уголовном законе), понятие действий в условиях крайней необходимости раскрывается частично. Закон дает довольно общую формулировку. Под действиями в состоянии крайней необходимости понимается «устранение опасности, угрожающей самому причинителю вреда или другим лицам, если эта опасность при данных обстоятельствах не могла быть устранена иными средствами» (ст. 1067 ГК РФ). В указанной статье речь идет об уже причиненном вреде в состоянии крайней необходимости, то есть о том, как он будет возмещаться, если возник вследствие устранения опасности, угрожающей самому причинителю вреда или другим лицам. Детально характер правомерности осуществления самого правозащитного действия в условиях крайней необходимости, также как и при необходимой обороне, раскрывается в публичном праве. Поскольку устранение опасности реализуется в результате совершения защитных действий с причинением вреда, то чаще всего он не только причиняется публично охраняемым отношениям, но имеет и гражданско-правовые последствия. Характер же самой опасности, от которой осуществляется защитительное противодействие, не имеет четких очертаний какого-либо наказуемого деяния, а значит, отраслевой особенности (например, опасность в виде преступного нападения со стороны человека может квалифицироваться как преступление по уголовному закону, поэтому имеет отраслевую особенность уголовного права и образует самостоятельное понятие правозащитной меры в состоянии необходимой обороны).

Опасность при крайней необходимости исходит чаще всего от сил природы, физиологических экстремальных ситуаций, животных. Если речь идет об опасности, исходящей от нападения со стороны человека, то противодействие такому нападению будет являться уже не действием в условиях крайней необходимости, а необходимой обороной от преступного посягательства или оборонительной самопомощью пресекающего характера от реально осуществляемого гражданского деликта или нарушения вещного права (например, выдворение людей, незаконно находящихся в пределах вещного правообладания). Поэтому понятие опасности является межотраслевым. Например, опасность обвала скальной породы может одновременно угрожать различно охраняемым благам. Чаще всего вред имуществу, который должен быть компенсирован по правилам гражданского законодательства, причиняется одновременно с вредом отношениям, охраняемым уголовным или административным законом. Один и тот же источник опасности может грозить лицу, личности, правам данного лица, правам других лиц, охраняемым законом интересам общества и государства (согласно формулировкам характера действия опасности при крайней необходимости в уголовном, административном и гражданском законе). Поэтому понятие крайней необходимости есть в уголовном, административном и гражданском законодательстве. На долю гражданско-правового регулирования выпадает порядок возмещения гражданско-правовых последствий таких правозащитных деяний (ст. 1067 ГК РФ), которые часто причиняют гражданско-правовой вред. Понятие же самих действий в условиях крайней необходимости, вопросы их соразмерности и правомерности раскрываются в публичном праве (ст. 39 УК РФ, а также ст. 2.7 КоАП РФ).

Если рассматривать правовое явление крайней необходимости в рамках частного, а не публичного права, то явление действий в состоянии крайности в широком смысле можно обнаружить не только в случаях уголовно (административно) наказуемого причинения вреда, но и в обязательственных правоотношениях, когда в силу крайних обстоятельств возможно одностороннее совершение субъектом каких-либо действий, приводящих к определенному юридическому результату. В целом такие действия можно оценивать как явления вынужденности, однако главное их отличие от регламентированной в ГК РФ крайней необходимостью

сти – это отсутствие причиненного вреда. По своей природе вынужденные меры близки понятию крайней необходимости односторонностью, самостоятельным проявлением и оценкой ситуации. Данные правовые явления нельзя обобщить и поставить в один ряд с понятием крайней необходимости в смысле ст. 1067 ГК РФ, когда речь идет о причинении вреда при осуществлении соответствующих действий, но их определенно объединяет механизм реализации, то есть односторонний самостоятельный характер. Таким образом, крайняя необходимость в гражданском законодательстве имеет целый ряд сходных с ней правовых явлений, а при широком подходе к ее пониманию последние также можно назвать крайней необходимостью. Однако, например, ст. 179 ГК РФ предусматривает признание недействительной сделки, совершенной при «стечении тяжелых обстоятельств», ст. 187 ГК РФ допускает передоверие представителем своих действий другому лицу, когда он «вынужден к этому в силу обстоятельств», ст. 616 ГК РФ предоставляет право арендатору произвести капитальный ремонт, вызываемый «неотложной необходимостью». Объединяет эти самостоятельные и односторонние решения и действия субъектов гражданского права явление крайности, непредвиденности жизненной ситуации и ее дальнейшего развития. Право не может игнорировать указанные жизненные ситуации и признает их оправданными, а следовательно, и правомерными, порождающими правовой результат. Во всех перечисленных случаях управомоченное лицо также действует при обстоятельствах, которые вынуждают его действовать определенным образом, причем односторонне, ссылаясь только на собственный правозащитный интерес, который может пострадать в случае несвоевременных действий. При этом из приведенных примеров видно, что законодатель употребляет здесь иные формулировки и не говорит о крайней необходимости. Особенность обстоятельств, которые современный закон относит именно к крайней необходимости, в сравнении с приведенными случаями с точки зрения гражданского права состоит в том, что устранение опасности при этих обстоятельствах не может быть осуществлено обычными способами и лицо, действующее в состоянии крайности и опасности, вынуждено использовать средства, связанные с причинением вреда. То есть при крайней необходимости в смысле ст. 1067 ГК РФ защищающийся будет обеспечивать соб-

ственный интерес или интерес третьих лиц, только жертвуя интересами другого лица, причиняя ему вред. Отсюда появляется и законодательное условие правомерности крайней необходимости: причиненный вред должен быть менее значительным, чем вред предотвращенный. Отличие вышеперечисленных случаев ст. 179, 187, 616 ГК РФ от крайней необходимости в форме ст. 1067 ГК РФ, то есть с причинением вреда, состоит также в том, что здесь отсутствует устранение существенной, реальной, то есть наличной и действительной, опасности. В таких ситуациях формулировки крайности значительно мягче: неотложность, непредвиденность, вынужденность. Таким образом, явление крайности действий субъектов гражданского права достаточно широкое, а специальные случаи, предусмотренные в законе, например передоверие полномочий в рамках поручения, совершение сделки при тяжелых жизненных обстоятельствах, регулируются отдельными нормами, и их не следует относить к явлениям крайней необходимости в смысле ст. 1067 ГК РФ, ибо в данных мерах отсутствует главный признак – причинение вреда чужому интересу при защите субъективного права.

Можно заметить, что правозащитные действия лица в состоянии крайней необходимости, причиняющие вред, не всегда имеют в себе признаки публично наказуемого деяния, хотя чаще всего и содержат их. Если причиняется незначительный вред имуществу третьих лиц, то он может носить только деликтный характер, то есть возникает деликтное обязательство. Отражение такой опасности является пресекающей самопомощью в состоянии крайней необходимости (например, уничтожение оставленного кем-либо в чужом помещении или пределах чужого землевладения зловредного предмета, который не обязательно может угрожать причинением вреда жизни и здоровью человека). Однако чаще всего в условиях опасности на чаше весов оказывается жертвование значительным или незначительным имущественным интересом ради спасения жизни человека или недопустимости причинения вреда его здоровью различной степени тяжести, и само понятие опасности знаменует собой широкий спектр возможных угроз и последствий для лица. Тем не менее, в отличие от случаев необходимой обороны, защищающийся субъект вынужден противостоять опасности, которую невозможно квалифицировать как какое-то наказуемое деяние (посягательство). Опасность чаще

всего не имеет признаков человеческого действия, она возникает стихийно, оценить ее источник сложно. Например, если опасность исходит от животного, то защищающемуся непонятно, управляет ли преступно этим животным человек или поведение животного не связано с деятельностью человека; если с горы летят камни, неизвестна причина их падения – возможно, камнепад преступно управляется человеком. Поэтому на момент устранения опасности четкая объективная правовая квалификация характера защитительных действий вряд ли возможна (в любом случае происходит отражение реальной опасности, и действия по защите могут быть и обороной, и устранением опасности в крайней необходимости). Она изначально может быть связана только с причинением лишь имущественного вреда, а в дальнейшем породить более широкий спектр угроз для защищаемого субъекта. Например, опасность причинения незначительного вреда лишь имуществу (вещным правам) может перерасти в опасность причинения вреда здоровью. Опасность может превратиться из малозначительной в более значительную. Например, если человек оказался в закрытом неотапливаемом помещении в условиях теплой погоды, то угрозы его жизни и здоровью нет, возможно, есть вероятность причинения лишь гражданско-го вреда, если же резко похолодало, то может возникнуть угроза жизни и здоровью. В любом случае опасность вредоносна. Опасность одновременно может угрожать охраняемым благам различных отраслей права. Однако справедливо возникает вопрос, можно ли считать опасностью причинение ее источником лишь гражданско-правового вреда. В современном ГК РФ на него нет прямого ответа, поскольку речь идет об опасности в виде «угрозы самому причинителю вреда или другим лицам» без указания на характер этой угрозы. Думается, в ГК РФ имеется в виду опасность вообще, которая предусмотрена и уголовным, и административным законом. Опасностью следует считать также причинение существенного гражданско-правового вреда, хотя наиболее оправдано усматривать ее в возможности причинения какого-то существенного вреда самой личности, ее жизни, здоровью. Именно поэтому институт крайней необходимости характерен в большей степени для правового регулирования уголовного права, которое охраняет соответствующие общественные отношения. В любом случае гражданско-правовой вред должен быть возме-

щен – это правило универсально для всех видов противодействия в условиях различной опасности при крайней необходимости. Даже несущественные гражданско-правовые вредоносные последствия гражданской самопомощи в условиях крайней необходимости должны быть компенсированы либо самим защищающимся, либо третьими лицами, в чьих интересах он действовал.

Различие в понимании необходимой обороны и крайней необходимости уже неоднократно становилось предметом рассмотрения в науке гражданского права¹. Думается, ключевым отличием следует считать источник опасности, которым при обороне не может быть, например, животное или силы природы, то есть гражданско-правовой вред при необходимой обороне от уголовно наказуемого посягательства или пресекательной оборонительной самопомощи от гражданского деликта должен быть связан исключительно с противодействием посягательствам со стороны людей. Такой вред не подлежит возмещению. Причинение вреда при крайней необходимости связано с устранением различных источников опасности, не связанных напрямую с посягательством человека, но характер возникающей опасности в реальной жизненной ситуации достаточно сложно определить самозащищающемуся лицу. Разобрать юридические последствия защиты можно будет уже после отражения опасности, в частности установить, будет ли возмещаться причиненный вред в гражданско-правовом порядке. Как известно, необходимая оборона освобождает от компенсаций, а крайняя необходимость нет. Различные неуправляемые нападения на человека со стороны животных следует относить к наиболее типичным случаям крайней необходимости, которые часто в дореволюционной юридической литературе входили в широкое понятие самообороны гражданского права (от различных наличных нападений), противопоставляемой дозволенному самоуправству². Думается, слово «оборона» всегда должно касаться противодействия нападением со стороны людей, поэтому в современном праве неуправляемое человеком отражение нападения животных не следует именовать какой бы то ни было самостоятельной обороной (необходимой обороной или оборонительной самопомощью). Данный случай может быть расценен именно как устранение опасности в условиях крайней необходимости. Если будет причинен несущественный вред имуществу других лиц при такой защите, то

это станет мерой пресекающей самопомощи в состоянии крайней необходимости. Если будет причинен уголовно наказуемый вред, то в целом ситуация будет регулироваться нормами УК РФ, гражданское право при этом регламентирует лишь компенсационные последствия.

При необходимой обороне или оборонительной самопомощи, когда посягательство на право совершается со стороны людей, воздействие осуществляется в отношении самого нарушителя – человека, а при крайней необходимости – третьих лиц. Например, хищный зверь при транспортировке убежал и напал на человека, тот его застрелил, чем причинил вред, определимый стоимостью животного, его владельцу. Другой пример: человек оказался случайно запертым в чужом помещении, из которого не может выбраться. Сломав дверь, он причинил вред владельцу помещения, который мог и не знать, что в данный момент возникла опасность случайного заточения. Такой вещный правообладатель является потерпевшим, как, впрочем, и человек, оказавшийся в заточении. Как видим, потерпевшим становится совершенно непричастный к ситуации создания опасности субъект гражданского права. Слом двери в указанном примере должен быть единственно возможным выходом из ситуации, чтобы признать такие действия крайней необходимостью. Если в помещении был источник связи с внешним миром или другой открытый выход, а лицо предпочло взломать дверь, то такое действие не оправдано с позиции квалификации его как крайней необходимости, но было бы таковым, если бы началось задымление помещения и пожар. Не обязательно в случае пожара искать запасной выход, даже если он и наличествует: в этой ситуации допустимо выбить дверь или разбить стекло, поскольку человек действует в состоянии смертельной опасности, а любой имущественный вред оправдан для спасения жизни.

В одних случаях причинение вреда может быть необходимой мерой предотвращения опасности, тогда как в других способно выступать лишь сопутствующим явлением, которое могло наступить, а могло и не наступить. Однако возможность причинения вреда при предотвращении опасности в состоянии крайней необходимости всегда осознается лицом, предпринимающим те или иные меры. При любом положении обязательным является одно условие: вред причиненный должен быть менее значи-

тельным, чем вред предотвращенный. Гражданское право не может позволить безвозмездно обеспечивать свой частный интерес путем жертвования чужим интересом, который пусть и менее значим, чем интерес лица, действующего в состоянии крайней необходимости. Частное право со времен его появления как системного образования в Древнем Риме строится на максимальном равновесии интересов юридически равных лиц. Если такое равновесие нарушается, а оно непременно нарушится даже при наличии возможности совершения подобных действий в случае присутствия по факту равных интересов (вред предотвращаемый должен быть обязательно больше, чем возможный вред в результате бездействия), то это ведет к устранению права как регулятора подобных отношений, они становятся саморегулируемыми. Частное право должно поддерживать баланс интересов субъектов.

Нормы о крайней необходимости позволяют получить компенсацию со стороны лица, в интересах которого предпринимались действия. В остальном же само по себе нарушение чужого интереса влечет необходимость загладить причиненный вред. В этом смысле действие в состоянии крайней необходимости существенно не отличается от последствий деликта. Разница состоит только в природе необходимости загладить причиненный вред: в случае деликтного обязательства вред возмещается как форма гражданско-правовой ответственности, а при крайней необходимости эта обязанность является компенсационной.

Итак, если при необходимой обороне вред причиняется непосредственно нападающему, то при крайней необходимости – третьему лицу. Отсюда вытекают и различные гражданско-правовые последствия. Поскольку причинение вреда в состоянии необходимой обороны вызывается виновными действиями самого нападающего, этот вред возмещению не подлежит. При крайней необходимости существует третье лицо, которому причинен вред невиновно и чей интерес нарушен. Поэтому общий принцип, закрепленный в ст. 1067 ГК РФ, определяет обязанность возмещения такого вреда, хотя сами действия его причинителя в данном случае признаются правомерными. Причинение вреда в состоянии крайней необходимости есть уникальный случай, предусмотренный ч. 3 ст. 1064 ГК РФ: закон допускает возмещение вреда, причиненного правомерными действиями. Однако с позиции уголовной наказуемости деяний, совер-

шенных в крайней необходимости, вопрос об их правомерности с давних пор являлся дискуссионным. Действия в крайней необходимости в целом могут быть наказуемы уголовно, когда речь идет о превышении ее пределов.

В отношении тех случаев крайней необходимости, когда лицо действует не в собственных интересах, а в интересах третьих лиц, закон лишь указывает, что суд может возложить обязанность возмещения вреда на третье лицо, в интересах которого действовал причинивший вред, либо освободить от возмещения вреда полностью или в части как это третье лицо, так и причинившего вред³. Между В.П. Грибановым и Н.М. Малеиным возникла дискуссия о том, следует ли зафиксировать в законе обязательность возмещения вреда тем лицом, в интересах которого действовали в состоянии крайней необходимости. Н.М. Малеин справедливо полагает, что в законе должно быть установлено, что суд «должен», а не «может» возложить обязанность возмещения вреда на лицо, в интересах которого действовал причинитель вреда. Если исходить из того, что действительно предотвращенный вред больше, чем причиненный, то несправедливо ставить под сомнение возможность подобной компенсации – это снижает уровень гражданской активности⁴ субъекта (у него может возникнуть закономерный вопрос, зачем создавать для себя лишние проблемы). Учитывая наличие определенного судебного усмотрения, такое жесткое правило наиболее разумно: причиненный вред во всех случаях обязано возместить лицо, чей интерес охранялся. В.П. Грибанов выступает против такого подхода. Он считает, что установление правил о возмещении вреда, причиненного в состоянии крайней необходимости, должно преследовать три цели:

- 1) обеспечить возмещение вреда потерпевшему лицу;
- 2) побудить лицо действовать в условиях крайней необходимости решительно в целях защиты государственного и общественного интереса, спасения жизни и имущества граждан;
- 3) не допускать необоснованного причинения вреда и обеспечить выбор лицом, действующим в состоянии крайней необходимости, таких средств, которые минимальным образом отражались бы на интересах третьих лиц, иначе говоря, стимулировать не только решительность, но и известную осмотрительность в выборе средств устранения опасности.

Третья цель, по мнению В.П. Грибанова, не может быть достигнута, если действовать в рамках подхода, предложенного Н.М. Малеиным. Позволим с этим не согласиться. Контраргумент при этом таков: в сложных жизненных ситуациях, когда причиняется серьезный вред имуществу, лица не будут вообще заинтересованы в совершении защитительных действий на том основании, что не будут уверены в компенсационных механизмах.

Если лицо действует в состоянии крайней необходимости, то весьма затруднительно ставить вопрос еще и о выборе наиболее оптимального средства поведения. В экстремальной ситуации, которая как раз и характерна для таких случаев, неправильно ставить под сомнение выбор средства реагирования. В.В. Меркурьев приводит такой пример: водитель во избежание наезда на выбежавшего на проезжую часть ребенка резко разворачивает автомобиль и разбивает дорогостоящую витрину магазина, хотя теоретически он мог бы свернуть в другую сторону, а не причинить материальный ущерб владельцу магазина⁵. Если придерживаться одновариативного подхода к причинению вреда при крайней необходимости, надо привлекать такого водителя к уголовной ответственности за умышленное уничтожение чужого имущества. Очевидно, что такое решение вряд ли приемлемо. Думается, что в вопросе гражданско-правовой компенсации за подобные действия лица в ситуации крайней необходимости, по аналогии с уголовным правом, одновариативный подход применяться не может – должен действовать правовой механизм, подобный механизму действий лица без поручения. Правила действий лица без поручения предполагают, что эти действия должны совершаться исходя из очевидной выгоды или пользы действительных или вероятных намерений заинтересованно лица и с необходимостью по обстоятельствам дела заботливостью и осмотрительностью. В этом случае лицо, действующее без поручения, имеет право на компенсацию. Правовой статус такого лица более выгоден по сравнению с лицом, действующим в состоянии крайней необходимости. Он также может причинить вред третьим лицам, и такой вред должен быть возмещен заинтересованным лицом, однако подход законодателя в вопросе компенсации более выгоден для лица, действующего в чужом интересе, нежели для субъекта, действующего в состоянии крайней необходимости. Его правовой статус в вопросе получения компенсаций за свои дей-

ствия более защищен. Если оставить законодательный подход в нынешнем виде, то у субъекта, действующего в состоянии крайней необходимости в пользу третьего лица, не будет уверенности, что вред будет возмещен самим третьим лицом, у него останется только моральная мотивация при отсутствии четкой имущественной, а это отрицательно сказывается на гражданско-правовой активности субъектов, создает неуверенность в их имущественных действиях, тем более в крайних жизненных ситуациях. Отсутствие четкой имущественной мотивации идет не на пользу гражданским правоотношениям в данном случае, поскольку может оказаться, что имущество будет уничтожаться и никто не предпримет даже элементарных действий по его спасению.

Гражданское право, в отличие от уголовного, абстрагируется от субъективных и объективных мотивов поведения в состоянии крайней необходимости, главное при этом – наличие факта причинения вреда, но причинение вреда в состоянии наличной и реальной опасности не может быть противоправным, то есть сами действия правоприменителя следует оценивать как правомерные с позиции любой отрасли права, поскольку они считаются дозволенными правом. Именно явление наличной опасности обладает способностью создавать столкновение правоохраняемых интересов и порождать у причинителя вреда состояние крайней необходимости, при котором сохранение одного интереса может быть достигнуто лишь путем нарушения другого. Таким образом, состояние крайней необходимости обусловлено внешним воздействием (наличной и реальной опасностью), когда причиняется вред интересам лиц, не связанных с созданием такой опасности. Однако в самом создании ситуации крайней необходимости могут быть виновны и иные лица, с которых в регрессном порядке лицом, действовавшим в состоянии крайней необходимости, может быть взыскан вред, причиненный третьим лицам.

Необходимо в гражданское законодательство ввести отдельную норму, которая бы освобождала от компенсаций лицо, действовавшее в состоянии крайней необходимости, в случае наличия субъекта, виновного в создании такой опасности, причем напрямую, минуя регрессный порядок привлечения к ответственности. В настоящее время закон закрепляет, что суд может, учитывая обстоятельства, при которых был причинен вред, освободить от его возмещения

полностью или частично как третье лицо, так и причинившего вред. Необходимо в нормах гражданского права, регулирующих компенсационный механизм последствий крайней необходимости, напрямую установить такую обязанность, которая будет являться специальным правилом, имеющим свою объективную составляющую, по сравнению с общим механизмом деликтного обязательства. Компенсационный механизм гражданского права исходит из того, что субъект, который получил положительный эффект от крайней необходимости, только в силу этого и должен загладить причиненный вред. Несмотря на дозволенность, а следовательно и формальное отсутствие противоправности действий в состоянии крайней необходимости, в результате таких действий причиняется вред субъективным гражданским правам другого лица, поэтому, с другой стороны, здесь наличествует противоправность, которая перекрывается нормами, позволяющими данное поведение. Для гражданского права главным образом необходимо установить сам факт крайней необходимости. Обязать возместить вред следует виновного в создании ситуации, при которой лицо вынуждено действовать в состоянии необходимости, однако соответствующей прямой нормы в ГК РФ нет. Ситуация опасности и крайней необходимости может возникнуть из форс-мажора. Закрепление в законе положения, позволяющего обязать субъекта, виновного в создании ситуации крайней необходимости, загладить причиненный вред, обеспечило бы еще большие гарантии субъекту в ситуации опасности.

Таким образом, правомерность односторонних правозащитных мер в состоянии крайней необходимости обусловлена явлением опасности, которая является внешним фактором, лежащим в основе возникновения права на причинение вреда. Однако действия в состоянии крайней необходимости нельзя признать и общественно полезными, поскольку вред причиняется третьим лицам. Кроме того, если действия в состоянии крайней необходимости совершены в соответствии с законом, то есть не превышены их допустимые пределы, то такие действия следует считать правомерными. Возникает вопрос о самом критерии оценки интересов. Он очень сложный и для науки уголовного права. Если имущественный интерес всегда достаточно легко сравнить с другим имущественным интересом, то сравнить интерес жизни одного человека и другого, да даже нескольких жизней с интересом одной

жизни, решить, каким интересом можно пожертвовать, однозначно сложно не только для права, но и для философии. Правомерность при крайней необходимости оценивается исходя из критерия причинения вреда, меньшего по объему, чем предотвращенный. Кроме того, если проанализировать цель такого поведения субъекта, что важно не для компенсационных моментов, а только для выявления самого случая крайней необходимости, то правозащитное поведение субъекта в пользу третьего лица в состоянии необходимости является актом если не социально полезным в силу жертвы интересом другого частного лица, то социально положительным. Другой важный аспект в поведении защищаемого субъекта – это его внутренняя воля. В момент совершения правозащитных действий в состоянии крайней необходимости внутренняя воля сформирована под воздействием внешнего фактора (объективных обстоятельств), следовательно, ее нельзя назвать исключительно внутренней. По подобному основанию в гражданском праве можно признать сделку недействительной, совершенной с пороком воли. Данный порок воли в причинении вреда в состоянии необходимости как раз указывает на отсутствие субъективной составляющей в содеянном. В гражданском праве критерий противоправности определяется не субъективным критерием в поведении субъекта (он является всего лишь элементом, условием гражданско-правовой ответственности), а фактом причинения вреда охраняемым благам другого лица. Гражданское право в силу необходимости сохранения баланса интересов частных лиц допускает возможность жертвовать чужим интересом, меньшим по значению, ради предотвращения большего вреда. Дозволенность подобных действий определяется также явлением опасности,

которая может носить длительный характер. Необходимо учитывать публично-правовой механизм крайней необходимости, поскольку он имеет прямое отношение к гражданско-правовым последствиям. Наука гражданского права не должна игнорировать положения уголовного права, касающиеся понимания опасности и необходимости причинения вреда в тех или иных ситуациях. Эти состояния могут быть разными: в одних существует угроза только для имущественных интересов субъектов, и последние жертвуют чужим имуществом ради спасения своего, в других спасается собственная жизнь или жизнь другого лица ценой жертвы меньшим имущественным интересом. Такое явное превалирование спасаемого интереса небезразлично для общества, то есть публичного интереса, следовательно, гражданское право также должно поощрять механизмы односторонних действий, которые способствуют явному спасению большего интереса посредством жертвования меньшим. Справедливо, что при нарушении публичного интереса нарушается одновременно и частный интерес, при спасении публичного интереса (жизнь человека) обеспечивается и частный интерес. Односторонние правозащитные меры в состоянии крайней необходимости относятся к форме самозащиты во внедоговорных отношениях. В материально-правовом смысле к правозащитным мерам гражданского права в условиях крайней необходимости относятся только такие, которые причиняют незначительный гражданско-правовой вред третьим лицам, но их можно лишь условно отделить от мер, при которых причиняется уголовно или административно охраняемый вред. Все указанные меры являются мерами самозащиты в условиях крайней необходимости.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Тархов В.А. Гражданские права и ответственность. Уфа, 1996. С. 57.

² См.: Анненков К. Система русского гражданского права. СПб., 1910. Т. 1: Введение и общая часть. С. 605.

³ См.: Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М., 2000. С. 131.

⁴ См.: Рыбаков В.А. Проблемы формирования гражданско-правовой активности (вопросы теории и практики). Уфа, 1993. С. 3.

⁵ См.: Меркурьев В.В. Защита безопасности человека и его жизнедеятельности. М., 2006. С. 310.

¹ Sm.: Tarhov V.A. Grazhdanskije prava i otvetstvennost'. Ufa, 1996. S. 57.

² Sm.: Annenkov K. Sistema russkogo grazhdanskogo prava. SPb., 1910. T. 1: Vvedenie i obshhaja chast'. S. 605.

³ Sm.: Gribanov V.P. Osushhestvlenie i zashhita grazhdanskih prav. M., 2000. S. 131.

⁴ Sm.: Rybakov V.A. Problemy formirovanija grazhdansko-pravovoj aktivnosti (voprosy teorii i praktiki). Ufa, 1993. S. 3.

⁵ Sm.: Merkur'ev V.V. Zashhita bezopasnosti cheloveka i ego zhiznedejatel'nosti. M., 2006. S. 310.

УДК 343.2

Формирование и развитие института квалифицированных и привилегированных составов преступлений в истории российского уголовного законодательства

С.П. ДОНЕЦ – доцент кафедры уголовного права Вологодского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

В статье рассматриваются становление и развитие института квалифицированных и привилегированных составов преступлений в истории российского уголовного законодательства от средневековых правовых источников Древней Руси до законодательства нового времени имперской России. Утверждается, что появление квалифицирующих и привилегирующих признаков в доктрине отечественного уголовного права имеет глубокие исторические корни, а их регламентация в законодательстве сохранила определенную преемственность на всем протяжении его развития.

Ключевые слова: квалифицирующие (привилегирующие) признаки; состав преступления; история уголовного права России; средневековое уголовное законодательство Древней Руси; кодифицированный уголовно-правовой акт.

The formation and development of the institution of qualified and preference corpus delicti in the history of Russian criminal legislation

S.P. DONETS – Associate Professor of the Department of Criminal Law of the Vologda State University, PhD. in Law, Associate Professor

The article deals with the formation and development of the institution of qualified and preference corpus delicti in the history of Russian criminal legislation from medieval legal sources of ancient Russia to the legislation of the new time of imperial Russia. It is argued that the emergence of aggravating and extenuating features in domestic criminal law doctrine has deep historical roots, and their regulation in the law kept some continuity throughout its development.

Key words: qualified (preference) features; corpus delicti; the history of criminal law in Russia; medieval criminal law of ancient Russia; the codified criminal law act.

Становление и развитие института квалифицированных и привилегированных составов преступлений в отечественном уголовном праве и законодательстве имеет глубокие исторические корни¹.

Так, еще в первом письменном памятнике уголовного права России – Краткой редакции Русской Правды X в. – указываются различные санкции за разные виды преступлений против собственности, жизни, здоровья, чести и достоинства личности и др. Например, в Русской Правде в пределах двух видов преступлений – убийство (ст. 19–27) и похищение (ст. 33) – ответственность наступает в зависимости от социального положения потерпевшего, а также предусмотрены такие квалифицирующие признаки, как группа лиц (ст. 31) и кража но-

чью из дома (ст. 38)². Следовательно, еще в X в. законодатель разделял ответственность (типовое наказание) с помощью квалифицирующих признаков состава преступления.

Истоки дифференциации уголовной ответственности принято искать в первых летописных памятниках Древней Руси, начиная с Русской Правды. Правоспособность различалась в зависимости от социальной принадлежности лица.

Проанализируем на примере Краткой и Пространной редакций Русской Правды особенности конструкции квалифицированных составов.

Так, квалифицированным составом следует назвать ст. 5 Краткой редакции Русской Правды, предусматривающую ответствен-

ность за причинение увечий мечом («и уткнеть руку, и отпадеть рука или усохнуть...») в виде штрафа в 40 гривен, по отношению к основному составу, содержащемуся в ст. 9 («оже ли кто вынезь меч, а не ткнуть...»), предусматривающей штраф в 1 гривну³. Это пример дифференциации уголовной ответственности по последствиям – признакам объективной стороны.

Свидетельством дифференциации по объекту и признакам объективной стороны являются следующие статьи Краткой редакции: ст. 1 – убийство смерда (основной состав), предусматривающая ответственность в виде штрафа в 40 гривен⁴; ст. 19 – «убийство в обиду огнищанина – старшего дружинника» (квалифицированный состав), наказывалось штрафом в 40 гривен; ст. 20 – убийство в разбое (особо квалифицированный состав), карающая смертной казнью по суду; ст. 21 – убийство огнищанина у клетки (квалифицированный состав с особой степенью общественной опасности), позволяющая лишить убийцу жизни без суда в любое время суток⁵.

Виды множественности постоянно выступали квалифицирующими и особо квалифицирующими обстоятельствами в законодательных актах XV–XVI вв., например в Уставе Ярослава о земских делах⁶, Псковской Судной грамоте⁷ (ст. 8), Судебнике 1497 г.⁸ (ст. 11). В последнем документе предусматривалась смертная казнь за повторную кражу при отсутствии имущества у виновного лица. Это положение сохранилось в жалованных грамотах – Псковской Судной и Двинской Судной⁹.

Приведенные квалифицирующие признаки¹⁰ преобладают также в Краткой и пространной редакциях Устава Князя Ярослава о церковных судах¹¹.

Схожа с приведенными статьями о повторных преступлениях редакция ст. 14 Медынского губного указа 1555 г., закрепившая неоднократность в качестве особо квалифицирующих признаков, влекущих смертную казнь («татьбы три или четыре или выше»).

В Судебнике 1497 г. расширился перечень квалифицирующих обстоятельств.

Судебник 1550 г. (Ивана IV) практически повторил дифференциацию уголовной ответственности Судебника 1497 г. Следующее за ними Соборное уложение 1649 г. усовершенствовало качественные и количественные характеристики квалифицирующих признаков, ввело новые отягчающие обстоятельства-признаки: совершение преступления в условиях стихийного бедствия

(ст. 91), с оказанием сопротивления при задержании (ст. 88) и др.

Судебник достаточно широко использует привилегирующие признаки. Впервые выделяются мелкая кража, которая наказывается значительно мягче («а поличное и гривны не стоит» – ст. 90 гл. XXI), а также полевое, садовое и огородное воровство (ст. 89 гл. XXI, ст. 221, 222 гл. X)¹². Имперский период развития российского уголовного законодательства начался в конце XVII – начале XVIII вв. радикальными реформами Петра I. Ученые насчитывают около 400 законов и указов Петра I, касающихся вопросов уголовного права. На рубеже XVII–XVIII вв. и в 20-е гг. XVIII в. велись работы по кодификации уголовного законодательства.

Среди нормативных актов в уголовно-правовой сфере того периода основными по праву считаются Артикул воинский 1715 г. и Устав морской 1720 г., применявшиеся не только военными, но и гражданскими судами.

Воинский устав включал в себя Устав воинский и Артикул воинский и действовал почти без изменений до 1839 г. Характерной чертой исторического развития отечественного уголовного права того периода можно назвать обращение к опыту законодательской деятельности западноевропейских государств, особенно Германии. В итоге улучшилась законодательная техника, в том числе и применение квалифицирующих и привилегирующих признаков, стали применяться новые законодательные конструкции, уменьшилась казуистичность.

Особенно активно использовались квалифицирующие и привилегирующие признаки состава преступления в Артикуле воинском. По подсчетам Т.А. Лесниевски-Костаревой, около 1/3 артикулов (65 из 209) дифференцируют типовое наказание с помощью этих признаков¹³.

Именно в законодательстве петровского периода впервые появляются дифференцирующие признаки, относящиеся к субъективной стороне состава преступления¹⁴.

Следующим шагом в законодательной технике стало легальное толкование квалифицирующих и привилегирующих признаков. Например, установив ответственность за мелкие кражи, законодатель в толковании к тому же артикулу указывает, что «по рассмотрению суда к ним могут быть отнесены овощные воры, також де которые дрова, кур, гусей и рыбы крадут...». Подобным образом давалось определение понятия таких при-

вилегирующих признаков, как служебная ревность (артикул 154 гл. XIX), несовершеннолетний возраст виновного (артикул 195 гл. XXI), крайняя нужда – «если голодный человек совершит кражу», «из крайней голодной нужды... съестного или питейного... невеликой цены» (артикул 195 гл. XXI). Последнее обстоятельство заслуживает особого внимания, поскольку по судейскому усмотрению оно могло рассматриваться либо в качестве привилегирующего признака и уменьшать наказание, либо в качестве основания освобождения от наказания. Например, ч. 3 артикула 195 гласит: «Наказание воровства обыкновенно умалывается или весьма оставляется, ежели кто из крайней голодной нужды (которую он доказать имеет) съестное, или питейное, или иное что невеликой цены украдет... или вор будет младенец, которых дабы заранее от сего отучить, могут от родителей своих лозами наказаны быть».

Уголовное законодательство послепетровского времени продолжает традицию деления ответственности с помощью квалифицирующих признаков. Например, Указом Екатерины II 1781 г. было смягчено наказание за мелкие кражи, под которыми понимались кражи «ценою ниже 20 р»¹⁵. Уголовная ответственность в зависимости от стоимости похищенного, установленная Петром I, сохранилась и позже: в Уставе Благочиния 1782 г., указах 1802, 1812, 1814, 1816 гг., Своде законов 1832 г. Манифестом от 17.03.1775 г. было введено освобождение от уголовной ответственности (наказания) в связи с истечением сроков давности: «всякого рода преступления, коим десять лет прошло и через таковое долгое время они не сделались гласными, или по ним производства не было, все таковые дела повелеваем отныне предать... вечному забвению и по сей статье и впредь поступать во Всероссийской Империи пределах непременно» (ст. 44).

В XIX в. на качественно новый уровень выходит систематизация отечественного законодательства: в 1830 г. издается Полное собрание законов Российской империи, в 1832 г. – Свод законов Российской империи. Том XV свода, посвященный уголовным законам, включил как Соборное уложение 1649 г., так и Воинский устав Петра I, хотя они уже не соответствовали духу просвещенного XIX в. Особая заслуга в гуманизации уголовного права постпетровского периода принадлежит Екатерине II, которая в знаменитом Наказе обратилась к гуманистическим воззрениям французских про-

светителей и передовых правоведов (Вольтера, Руссо, Монтескье и др.).

Со временем квалифицирующие и привилегирующие признаки все чаще используются в уголовном законодательстве XIX в. Так, в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных от 15.08.1845 г., по подсчетам Т.А. Лесниевски-Костаревой, 737 статьей из 2023 Особенной части содержат квалифицирующие и привилегирующие признаки (36,43%), доля квалифицированных и привилегированных составов также достаточно велика – 1282 из 3419 (37,49%)¹⁶.

С течением времени в уложение вносились изменения. В результате к 1885 г. доля статей, содержащих рассматриваемые признаки, уменьшилась с 737 до 446, а число квалифицирующих и привилегирующих составов – с 1282 до 797, что не повлекло уменьшения их доли в числе всех составов, так как параллельно изменились и основные составы. За следующие 30 лет действия уложения (с 1886 г. по 1 июня 1916 г.) изменились 49,05% статей, но доля квалифицированных и привилегированных составов осталась стабильной. Более того, в Уголовном уложении 22 марта 1903 г. число квалифицированных и привилегированных составов возросло до 46,75% (512 из 1095), равно как и доля статей, содержащих специальные признаки, до 42,15% (253 из 612). А в статьях Уложения 1903 г., введенных в действие с 1 июня 1916 г., доля рассматриваемых составов еще больше – 53,76%, статей с указанными признаками 59,49%.

Уголовное уложение 1903 г. отличалось от предшествующих более удачными законодательными конструкциями и терминологией, использованными при формулировании квалифицированных и привилегированных составов преступлений. Редакционная комиссия при подготовке проекта уложения особое внимание уделяла систематическому изложению материала, облегчающему усвоение отдельных постановлений, стремясь к полноте, краткости и ясности определений, точности терминологии.

Например, в объяснениях к проекту уголовного уложения подчеркивалось значение систематического изложения квалифицирующих обстоятельств в новом уголовном законодательстве, критиковались недостатки в этой области Уложения о наказаниях¹⁷. Безусловно, на улучшение системы и редакции отдельных квалифицирующих признаков оказали влияние наука уголовного права и судебная практика, сформулировавшая, например, такое требование к терминам, как одинаковое их значение во всех случаях

употребления в законе¹⁸. Изложенное выше приводит к следующим выводам:

1) квалифицирующие и привилегирующие признаки по мере развития законодательной техники все более широко используются в отечественном уголовном законодательстве;

2) совершенствуется законодательная техника конструирования составов преступлений с квалифицирующими и привилегирующими признаками;

3) отечественный законодатель все удачнее компонуется квалифицированные и привилегированные составы преступлений. Так, на 15 декабря 1885 г. утратили силу 834 статьи уложения, введены в действие 223

статьи и изменена редакция 762 статей. Неизменными остались лишь 42 статьи, действовавшие с 1845 г., или 20,92%¹⁹;

4) соотношение квалифицирующих и привилегирующих признаков выглядит достаточно стабильным. Так, в Уложении 1845 г. доля привилегирующих признаков составляет 15,13% (194), в Уложении 1885 г. – 12,79% (102), в Уложении 1903 г. – 11,32% (53);

5) действующий уголовный закон по традиции также отдает предпочтение квалифицирующим признакам, несмотря на то что возможность дифференциации уголовной ответственности резко повышается при активном использовании обоих видов признаков.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М., 2000. С. 101.

² См.: Российское законодательство X–XX вв. М., 1984. Т. 1. С. 47–49.

³ См.: Там же. С. 39.

⁴ См.: Там же.

⁵ См.: Там же. С. 51.

⁶ См.: Бернер А.Ф. Учебник уголовного права. Части Общая и Особенная. СПб., 1865. Т. 1. С. 874.

⁷ См.: Российское законодательство X–XX вв. М., 1985. Т. 2. С. 331–339.

⁸ См.: Там же. С. 54.

⁹ См.: Там же. С. 181.

¹⁰ См.: Каплин М.Н. Дифференциация ответственности за преступления против жизни и здоровья в истории российского уголовного законодательства // Юридическая техника и вопросы дифференциации ответственности в уголовном праве и процессе. Ярославль, 1998. С. 101.

¹¹ См.: Российское законодательство X–XX вв. Т. 2. С. 168–170.

¹² См.: Там же. С. 218–223; Т. 3. С. 83–176.

¹³ См.: Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. С. 105.

¹⁴ См.: Российское законодательство X–XX вв. М., 1986. Т. 4. С. 327–357.

¹⁵ См.: Там же. С. 360.

¹⁶ См.: Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. С. 108; Латкин В.Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII–XIX столетия). СПб., 1899. С. 410–412; Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1845.

¹⁷ См.: Замечания редакционного комитета уголовного отделения Санкт-Петербургского юридического общества на проект Особенной части Уголовного уложения. Преступления против личности. СПб., 1885. С. 24; Уголовное уложение: Проект редакционной комиссии и объяснения к нему. СПб., 1897. Т. VI. С. 18.

¹⁸ См.: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. СПб., 1913. С. 184; Систематический свод решений кассационных департаментов Сената. 1866–1871 гг. СПб., 1872. Т. 4. С. 207.

¹⁹ См.: Свод Законов Российской империи. Т. 15. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. СПб., 1916; Уголовное уложение 22 марта 1903 г. СПб., 1904; Свод Законов Российской империи. СПб., 1916. Т. 15. Уголовное уложение (статьи, введенные в действие).

¹ См.: Lesnievski-Kostareva T.A. Differenciacija ugovolnoj odgovornosti. Teorija i zakonodatel'naja praktika. M., 2000. S. 101.

² См.: Rossijskoe zakonodatel'stvo H–HH vv. M., 1984. T. 1. S. 47–49.

³ См.: Tam zhe. S. 39.

⁴ См.: Tam zhe.

⁵ См.: Tam zhe. S. 51.

⁶ См.: Berner A.F. Uchebnik ugovolnogo prava. Chasti Obshhaja i Osobennaja. SPb., 1865. T. 1. S. 874.

⁷ См.: Rossijskoe zakonodatel'stvo H–HH vv. M., 1985. T. 2. S. 331–339.

⁸ См.: Tam zhe. S. 54.

⁹ См.: Там же. С. 181.

¹⁰ См.: Kaplin M.N. Differenciacija odgovornosti za prestuplenija protiv zhizni i zdorov'ja v istorii rossijskogo ugovolnogo zakonodatel'stva // Juridicheskaja tehnika i voprosy differenciacii odgovornosti v ugovolnom prave i processe. Jaroslavl', 1998. S. 101.

¹¹ См.: Rossijskoe zakonodatel'stvo H–HH vv. T. 2. S. 168–170.

¹² См.: Там же. С. 218–223; Т. 3. С. 83–176.

¹³ См.: Lesnievski-Kostareva T.A. Differenciacija ugovolnoj odgovornosti. Teorija i zakonodatel'naja praktika. S. 105.

¹⁴ См.: Rossijskoe zakonodatel'stvo H–HH vv. M., 1986. T. 4. S. 327–357.

¹⁵ См.: Там же. С. 360.

¹⁶ См.: Lesnievski-Kostareva T.A. Differenciacija ugovolnoj odgovornosti. Teorija i zakonodatel'naja praktika. S. 108; Latkin V.N. Uchebnik istorii russkogo prava perioda imperii (XVIII–XIX stoletija). SPb., 1899. S. 410–412; Ulozhenie o nakazaniyah ugovolnyh i ispravitel'nyh. SPb., 1845.

¹⁷ См.: Zamechanija redakcionnogo komiteta ugovolnogo otdelenija Sankt-Peterburgskogo juridicheskogo obshhestva na projekt Osobonnoj chasti Ugovolnogo ulozhenija. Prestuplenija protiv lichnosti. SPb., 1885. S. 24; Ugovolnoe ulozhenie: Proekt redakcionnoj komissii i ob#jasnenija k nemu. SPb., 1897. T. VI. S. 18.

¹⁸ См.: Ulozhenie o nakazaniyah ugovolnyh i ispravitel'nyh 1885 g. SPb., 1913. S. 184; Sistematiceskij svod reshenij kassacionnyh departamentov Senata. 1866–1871 gg. SPb., 1872. T. 4. S. 207.

¹⁹ См.: Svod Zakonov Rossijskoj imperii. T. 15. Ulozhenie o nakazaniyah ugovolnyh i ispravitel'nyh 1885 g. SPb., 1916; Ugovolnoe ulozhenie 22 marta 1903 g. SPb., 1904; Svod Zakonov Rossijskoj imperii. SPb., 1916. T. 15. Ugovolnoe ulozhenie (stat'i, vedennye v dejsvie).

УДК 342.7

Ограничение конституционных прав и свобод человека нормами уголовно-исполнительного законодательства в Российской Федерации

Е.В. ЛУНГУ – начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Кузбасского института ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

В статье рассматриваются основные подходы к понятию и содержанию ограничения конституционных прав и свобод, выработанные отечественной юридической наукой, а также приведены классификации ограничений конституционных прав и свобод нормами уголовно-исполнительного законодательства по различным основаниям. Сделаны выводы о роли и месте норм уголовно-исполнительного законодательства в вопросе ограничения конституционных прав и свобод.

Ключевые слова: конституционные права и свободы; ограничение конституционных прав и свобод; уголовно-исполнительное законодательство; объем реализации конституционных прав и свобод.

Restriction of rights and freedoms of person by norms of penal law of the Russian Federation

E.V. LUNGU – Head of the Department of State and Legal Disciplines of the Kuzbass Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor

The article considers the main approaches to the concept and content of the restriction of constitutional rights and freedoms, developed by the national jurisprudence, as well as the classification of restrictions of constitutional rights and freedoms by the rules of criminal executive legislation for various reasons. There are made conclusions about the role and place of criminal-executive legislation on the issue of restriction of constitutional rights and freedoms.

Key words: constitutional rights and freedoms; the restriction of constitutional rights and freedoms; penal legislation; the scope of the constitutional rights and freedoms.

Вопросы ограничения конституционных прав и свобод достаточно часто рассматриваются учеными-конституционалистами. Такое внимание к проблеме объясняется местом и ролью института прав и свобод человека и гражданина в современном конституционном праве. Актуальность вопроса связана со значительным количеством лиц, конституционные права и свободы которых подвергнуты ограничениям. Так, по состоянию на 1 января 2015 г. в учреждениях ФСИН России содержалось 671,7 тыс. чел., а в уголовно-исполнительных инспекциях состояло на учете 435,03 тыс. чел., осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы¹. Конституционные права данной категории лиц являются ограниченными в той или иной степени нормами уголовно-ис-

полнительного законодательства. При этом понятие «ограничение прав и свобод человека» трактуется неоднозначно.

Ограничение конституционных прав и свобод человека может рассматриваться как специальные меры, препятствующие реализации гражданами их конституционных прав², сужение объема прав и свобод³, определенные изъятия из конституционного статуса человека и гражданина⁴, установленные в праве границы, в пределах которых субъекты должны действовать, исключение определенных возможностей в деятельности лиц⁵. Для целей исследования ограничения конституционных прав и свобод нормами уголовно-исполнительного законодательства представляет интерес сокращение объема реализации прав и сво-

бод. Существенное значение имеет вопрос о сроках и причинах ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Под ограничением объема прав и свобод понимают сокращение или сужение объема реализации права за счет установления дополнительных условий в рамках процедуры его реализации в механизме действия права⁶. Так, ограничение объема права на тайну переписки, почтовых, телеграфных и иных сообщений, предусмотренное ч. 2 ст. 23 Конституции Российской Федерации, установлено ст. 91 УИК РФ. Объем данного конституционного права ограничен путем введения дополнительного условия реализации права – цензуры. При этом законодатель определил сроки ее осуществления, а также перечень оснований, исключающих цензуру. В то же время нормами УИК РФ предусмотрено, что осужденным к лишению свободы разрешается получать и отправлять за счет собственных средств письма, почтовые карточки и телеграммы без ограничения их количества.

Ограничение объема прав и свобод может затрагивать не только условия, но и количество фактов его реализации. Так, при отсутствии технических возможностей администрацией исправительного учреждения количество телефонных разговоров может быть ограничено до шести в год. Продолжительность каждого разговора не должна превышать 15 мин. (ч. 1 ст. 92 УИК РФ). Осужденным, находящимся в строгих условиях отбывания наказания, а также отбывающим меру взыскания в штрафных изоляторах, дисциплинарных изоляторах, помещениях камерного типа, единых помещениях камерного типа и одиночных камерах, телефонный разговор может быть разрешен лишь при исключительных личных обстоятельствах. Следовательно, объем ограничения конституционных прав и свобод – это широкая категория, которая включает количественные, качественные показатели и зависит от характеристики личности.

Существенное значение имеет вопрос о сроках ограничения конституционных прав и свобод. Анализируя нормы уголовно-исполнительного законодательства, можно сделать вывод, что срок ограничения конституционных прав и свобод может быть равен сроку назначенного уголовного наказания или превышать его.

Срок ограничения конституционных прав и свобод равен сроку уголовного наказания в том случае, когда ограничение составляет

суть уголовного наказания (например, право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности, право на свободу передвижения), вытекает из основного ограничения и связано с режимом отбывания уголовного наказания (например, право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений). В этом случае действие ограничения конституционного права свыше указанного срока не предполагается.

В то же время вследствие применения к лицу мер уголовного наказания ограничение конституционных прав и свобод возможно и на более длительный период, в том числе и бессрочно (например, право на доступ к государственной службе⁷, право на занятие педагогической деятельностью). Но в этом случае ограничения осуществляются нормами иных отраслей законодательства и связаны с обеспечением безопасности третьих лиц, а также государства.

В зависимости от вида уголовного наказания ограничения конституционных прав и свобод нормами уголовно-исполнительного законодательства можно разделить на две группы: значительные ограничения конституционных прав и свобод, возникающие вследствие лишения свободы, и менее значительные ограничения конституционных прав и свобод, возникающие вследствие осуждения к наказаниям, не связанным с лишением свободы. Значительные ограничения конституционных прав и свобод связаны с ограничением как личных, так и экономических и политических прав и свобод человека и гражданина. Объем ограничения конституционных прав и свобод при назначении такого рода наказания зависит от вида исправительного учреждения и режима отбывания наказания. Так, по состоянию на 1 января 2015 г. в исправительных колониях отбывало наказание 550,8 тыс. чел., в том числе: в колониях-поселениях – 40 тыс. чел., в исправительных колониях для осужденных к пожизненному лишению свободы – 1897 чел., в следственных изоляторах и помещениях, функционирующих в режиме следственных изоляторов при колониях, – 117,4 тыс. чел., тюрьмах – 1616 чел., воспитательных колониях для несовершеннолетних – 1,7 тыс. чел.⁸ Для каждого вида исправительного учреждения определен свой объем ограничений конституционных прав и свобод.

Менее значительные ограничения конституционных прав и свобод связаны с назначением наказаний, не связанных с

лишением свободы. Данная категория ограничений касается личных экономических прав и свобод, а также права на доступ к государственной и муниципальной службе. Уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации предусматривает достаточно широкий перечень таких наказаний. В перспективе он будет только расширяться, а количество лиц, осужденных к данным видам наказаний, будет увеличиваться в соответствии с требованиями государственной политики о гуманизации уголовного наказания.

Ограничения конституционных прав и свобод также можно классифицировать по основаниям ограничения. Конституция Российской Федерации содержит исчерпывающий перечень оснований ограничения конституционных прав и свобод: в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны и безопасности государства (ч. 3 ст. 55).

Нормами уголовно-исполнительного законодательства ограничение конституционных прав и свобод осуществляется в соответствии с основаниями, предусмотренными Конституцией Российской Федерации. При этом одно и то же ограничение может устанавливаться по нескольким основаниям. Так, право на свободу и личную неприкосновенность, предусмотренное ч. 1 ст. 22 Конституции Российской Федерации, ограничивается в целях обеспечения здоровья, прав и законных интересов других лиц, а также обеспечения обороны и безопасности государства. Необходимо отметить, что основания ограничения конституционных прав и свобод зависят от вида совершенного преступного деяния и назначенного наказания.

Ограничения конституционных прав и свобод можно классифицировать на основные и производные. Основные ограничения конституционных прав назначаются судом и предусмотрены нормами УК РФ (ст. 44). К ним относятся: штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград, обязательные работы, исправительные работы, ограничение по военной службе, ограничение свободы, принудительные работы, арест, содержание в дисциплинарной воинской части, лишение свободы на определенный срок, пожизненное лишение свободы, смертная казнь. Данный перечень

является исчерпывающим и определяет состав сопутствующих ограничений.

В качестве сопутствующих ограничений, закрепленных Конституцией Российской Федерации, предусматривается ограничение права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ч. 2 ст. 23), запрет на сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия (ч. 1 ст. 24), неприкосновенность жилища (ст. 25), право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства (ч. 1 ст. 27), собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование (ст. 31), участвовать в управлении делами государства (ч. 1 ст. 32), право частной собственности (ст. 35). Данная группа ограничений предусмотрена нормами уголовно-исполнительного законодательства и напрямую зависит от основного ограничения. Изменение основного ограничения конституционных прав и свобод влечет за собой изменение состава сопутствующих.

Сопутствующие ограничения конституционных прав прекращаются одновременно с окончанием срока ограничения основного права, например ограничение права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. В случаях, прямо указанных в законе, ограничения таких прав и свобод могут выходить за рамки срока ограничения свободы, если лицу были применены иные меры уголовно-правового характера или если лицо признается судимым в порядке ст. 86 УК РФ.

В качестве заключения можно сделать ряд выводов:

1. Ограничение конституционных прав и свобод нормами уголовно-исполнительного законодательства распространяется лишь на отдельные элементы права и может ограничивать продолжительность, частоту реализации права или сужать объем реализации права.

2. Объем ограничения конституционных прав и свобод зависит от целого ряда факторов, в том числе вида наказания, характеристики личности осужденного, условий отбывания наказания.

3. Срок ограничения конституционных прав и свобод зависит от вида наказания и тяжести совершенного деяния.

4. Ограничения конституционных прав и свобод, предусмотренные нормами уголовно-исполнительного законодательства, можно рассматривать как основные и сопутствующие.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Федеральная служба исполнения наказаний. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 06.03.2015 г.).

² См.: Москаленко Т.О. Конституционно-правовые основания ограничения прав и свобод человека и гражданина в целях обеспечения безопасности Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 10.

³ См.: Гойман В.И. Принципы, пределы, основания ограничения прав и свобод человека по российскому законодательству и международному праву // Государство и право. 2008. № 7. С. 37.

⁴ См.: Эбзеев Б.С. Конституция Российской Федерации: прямое действие и условия реализации // Там же. 2008. № 7. С. 24.

⁵ См.: Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. М., 2003. С. 91.

⁶ См.: Кондрашев А.А. Ограничения конституционных прав в Российской Федерации: теоретические подходы и политико-правовая практика // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 7.

⁷ См.: Федеральный закон от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (ред. от 24.02.2015) // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

⁸ См.: Федеральная служба исполнения наказаний. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы.

¹ См.: Federal'naja sluzhba ispolnenija nakazanij. Kratkaja harakteristika ugovolno-ispolnitel'noj sistemy [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (data obrashhenija: 06.03.2015 g.).

² См.: Moskalenko T.O. Konstitucionno-pravovye osnovanija ogranichenija prav i svobod cheloveka i grazhdanina v celjah obespechenija bezopasnosti Rossijskoj Federacii: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2012. S. 10.

³ См.: Gojman V.I. Principy, predely, osnovanija ogranichenija prav i svobod cheloveka po rossijskomu zakonodatel'stvu i mezhdunarodnomu pravu // Gosudarstvo i pravo. 2008. № 7. S. 37.

⁴ См.: Jebzeev B.S. Konstitucija Rossijskoj Federacii: prjamoe dejstvie i uslovija realizacii // Tam zhe. 2008. № 7. S. 24.

⁵ См.: Mal'ko A.V. Stimuly i ogranichenija v prave. M., 2003. S. 91.

⁶ См.: Kondrashev A.A. Ogranichenija konstitucionnyh prav v Rossijskoj Federacii: teoreticheskie podhody i politiko-pravovaja praktika // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2014. № 7.

⁷ См.: Federal'nyj zakon ot 07.02.2011 g. № 3-FZ «O policii» (red. ot 24.02.2015) // SZ RF. 2011. № 7. St. 900.

⁸ См.: Federal'naja sluzhba ispolnenija nakazanij. Kratkaja harakteristika ugovolno-ispolnitel'noj sistemy.

УДК 347.44:343.8

Проблемные вопросы правоприменительной практики при ведении договорной работы в органах и учреждениях уголовно-исполнительной системы

С.А. ПАВЛОВСКИЙ – начальник юридической службы ВИПЭ ФСИН России

В статье рассматриваются имеющиеся проблемы правового регулирования подзаконной нормотворческой деятельности при ведении договорной работы в органах и учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации с учетом вступления в силу Федерального закона от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», даются рекомендации по совершенствованию законодательства в указанной области.

Ключевые слова: контрактная система; государственный заказчик; договорная работа; закупка; закон; административный регламент; ведомственный нормативный правовой акт.

Problematic issues of legal practice of contract work in the organs and institutions of the penal system

S.A. PAVLOVSKY – Head of the Legal Department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

The article discusses the existing problems of legal regulation, of subordinate rule-making in the management contract work in the organs and institutions of the penal system of the Russian Federation in view of the entry into force of the Federal Law of 04.05.2013,

№ 44-FZ «On the contract system procurement of goods, works and services for state and municipal needs», it provides recommendations for improving the legislation in this area.

Key words: contract system; the state customer; contract work; purchase; law; administrative regulations; departmental normative legal act.

Необходимость реформирования контрактной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд отмечается на высшем государственном уровне (выступление Президента Российской Федерации, ежегодные послания Федеральному Собранию). При этом особое внимание обращается на положительные последствия использования системы государственных закупок, ее значимость для формирования внутреннего спроса на высокие технологии в современных условиях¹.

С 1 января 2014 г. вступил в силу Федеральный закон от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»² (далее – Закон о контрактной системе), регулирующий отношения, направленные на обеспечение государственных и муниципальных нужд, в целях повышения эффективности закупок товаров, работ, услуг, обеспечения гласности и прозрачности осуществления таких закупок, предотвращения коррупции и других злоупотреблений.

В п. 5 ст. 3 Закона о контрактной системе определено понятие государственного заказчика в соответствии с положениями БК РФ³, которым выступают государственный орган (в том числе орган государственной власти), орган управления государственным внебюджетным фондом либо государственное казенное учреждение, действующие от имени Российской Федерации или ее субъекта, уполномоченные принимать бюджетные обязательства в соответствии с бюджетным законодательством Российской Федерации от имени Российской Федерации или ее субъекта и осуществляющие закупки. Таким образом, статус государственного заказчика в уголовно-исполнительной системе имеют ФСИН России, территориальные органы ФСИН России и государственные казенные учреждения. Кроме того, в п. 7 ст. 3 закреплено, что в качестве заказчиков могут выступать бюджетные учреждения, которые также входят в состав уголовно-исполнительной системы Российской Федерации.

В ст. 2 Закона о контрактной системе определяется состав законодательства о

контрактной системе в сфере закупок, в который входят помимо данного закона и другие федеральные законы, регулирующие отношения в сфере закупок. Кроме того, закреплено, что в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок, федеральные органы исполнительной власти вправе принимать нормативные правовые акты, регулирующие отношения, указанные в ч. 1 ст. 1 Закона о контрактной системе.

Общие правила исполнения государственных функций по правовому обеспечению деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы в Российской Федерации, в том числе вопросы договорной работы, изложены в п. 1.1 Административного регламента исполнения государственных функций по правовому обеспечению деятельности учреждений и органов Федеральной службы исполнения наказаний, утвержденного Приказом ФСИН России от 18.08.2005 г. № 718 «О правовом обеспечении деятельности ФСИН России»⁴ (далее – Административный регламент).

Отдельные этапы договорной работы в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы закреплены в п. 4.3 Административного регламента. К ним относятся:

- сбор и анализ сведений о контрагенте;
- проверка контрагента;
- подготовка оферты и проекта договора;
- подготовка обоснования заключения договора;
- экспертная оценка проектов договоров;
- заключение договора.

Следует отметить, что основной законодательный акт в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд предусматривает иные этапы договорной работы (закупок). Так, ч. 1 ст. 1 Закона о контрактной системе регулирует отношения в части, касающейся:

- планирования закупок товаров, работ, услуг;
- определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей);
- заключения гражданско-правового договора, предметом которого являются поставка товара, выполнение работы, оказание услуги (в том числе приобретение недвижимого имущества или аренда имущества), от

имени Российской Федерации, ее субъекта или муниципального образования, а также бюджетным учреждением либо иным юридическим лицом в соответствии с ч. 1, 4 и 5 ст. 15 Закона о контрактной системе;

- особенностей исполнения контрактов;
- мониторинга закупок товаров, работ, услуг;
- аудита в сфере закупок товаров, работ, услуг;
- контроля за соблюдением законодательства Российской Федерации и иных нормативных правовых актов о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд.

Отметив отдельные этапы договорной работы (закупки), закрепленные в Законе о контрактной системе и Административном регламенте, перейдем к рассмотрению отличительных особенностей, а в ряде случаев и имеющихся несоответствий условий ведомственного нормативного правового акта действующему федеральному законодательству, касающихся организации и ведения договорной работы в органах и учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Так, в п. 4.4 Административного регламента закреплено, что в случае поставки товаров, выполнения работ и оказания услуг на сумму, превышающую 2000 МРОТ (ст. 71 БК РФ), заключение договора (государственного контракта) производится исключительно на основании конкурсных торгов, проводимых в соответствии с действующим законодательством и в порядке, определяемом ФСИН России. Вместе с тем с учетом требований Федерального закона от 26.04.2007 г. № 63-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части регулирования бюджетного процесса и приведении в соответствие с бюджетным законодательством Российской Федерации отдельных законодательных актов Российской Федерации»⁵ ст. 71 БК РФ признана утратившей силу с 1 января 2008 г.

На этапе сбора и анализа сведений о контрагенте Административный регламент обязывает должностных лиц органов и учреждений уголовно-исполнительной системы при определении возможностей и необходимости установления договорных отношений с контрагентом в первую очередь руководствоваться критериями экономической целесообразности и приоритета интересов (п. 4.5). Кроме того, на этапе проверки

контрагента после определения отношения к потенциальному контрагенту Административный регламент обязывает инициировать проведение проверки на предмет его деловой и финансовой надежности, правомерности деятельности силами оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы в порядке, определяемом соответствующим нормативным правовым актом ФСИН России (п. 4.7). Следует отметить, что, несмотря на сравнительно длительный период действия Административного регламента, до настоящего времени соответствующий нормативный правовой акт ФСИН России не принят. При этом данное направление деятельности регламентировано отдельными указаниями ФСИН России, адресованными подведомственным оперативным подразделениям, которые определяют лишь тактику и методику осуществления проверочных мероприятий в отношении потенциального контрагента и не являются документами нормативного характера. Вместе с тем в случае, когда имеются отрицательное заключение оперативного подразделения уголовно-исполнительной системы по проверке контрагента и признание его победителем при проведении конкурентных способов определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей) в порядке, установленном Законом о контрактной системе, возникает противоречие правовых норм Административного регламента Закону о контрактной системе.

Кроме того, механизм реализации правоотношений, предусмотренных Законом о контрактной системе в части планирования закупок, исполнения контрактов, мониторинга закупок, аудита в сфере закупок, контроля за соблюдением законодательства Российской Федерации и иных нормативных правовых актов о контрактной системе в сфере закупок, не регламентирован в уголовно-исполнительной системе на ведомственном уровне, что существенно снижает эффективность правоприменительной практики органов и учреждений ФСИН России по данному направлению деятельности. Наглядным примером является правовая норма, закрепленная в п. 1 ч. 1 ст. 94 Закона о контрактной системе, в которой предусмотрено, что на этапе исполнения контракта реализуется комплекс мер по приемке поставленного товара, выполненной работы (ее результатов), оказанной услуги, а также отдельных этапов поставки товара, выполнения работы, оказания услуги, предусмотренных контрактом, вклю-

чая проведение в соответствии с Законом о контрактной системе экспертизы поставленного товара, результатов выполненной работы, оказанной услуги, а также отдельных этапов исполнения контракта. Еще одним примером, подтверждающим необходимость урегулирования данных вопросов в уголовно-исполнительной системе, является Постановление Правительства Российской Федерации от 10.02.2014 г. № 89 «Об утверждении Правил осуществления ведомственного контроля в сфере закупок для обеспечения федеральных нужд»⁶, согласно которому федеральным органам исполнительной власти предписано в месячный срок утвердить регламент проведения ведомственного контроля в сфере

закупок для обеспечения федеральных нужд.

В заключение следует отметить, что сравнительный анализ этапов договорной работы и отдельных условий, закрепленных в Законе о контрактной системе и Административном регламенте, показывает их существенные отличия. По объективной необходимости вполне допустимо внесение изменений в ранее изданный ведомственный нормативный правовой акт (в разд. 4 «Договорная и претензионная работа, защита интересов уголовно-исполнительной системы правовыми средствами» Административного регламента), так как для этого имеются веские основания, прежде всего правовые.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 12.12.2013 г. // Российская газета. 2013. 13 дек.

² См.: СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.

³ См.: Там же. 1998. Ст. 3823. № 31.

⁴ См.: Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2006. № 2.

⁵ См.: СЗ РФ. 2007. № 18. Ст. 2117.

⁶ См.: Там же. 2014. № 7. Ст. 683.

¹ Sm.: Poslanie Prezidenta Rossijskoj Federacii Federal'nomu Sobraniju Rossijskoj Federacii ot 12.12.2013 g. // Rossijskaja gazeta. 2013. 13 dek.

² Sm.: SZ RF. 2013. № 14. St. 1652.

³ Sm.: Tam zhe. 1998. St. 3823. № 31.

⁴ Sm.: Vedomosti ugodovno-ispolnitel'noj sistemy. 2006. № 2.

⁵ Sm.: SZ RF. 2007. № 18. St. 2117.

⁶ Sm.: Tam zhe. 2014. № 7. St. 683.

УДК 343.8(430)

Труд осужденных в тюрьмах ФРГ: социально-правовой аспект

О.М. ЧЕРНЫШЕВА – доцент кафедры русского и иностранных языков ВИПЭ ФСИН России, кандидат филологических наук, доцент

В статье рассматривается проблема использования труда осужденных в пенитенциарных учреждениях Германии, в частности раскрываются дискуссионные положения об оплате и обязательности труда, отсутствии пенсионного страхования работающих заключенных.

Ключевые слова: закон об исполнении наказаний; ресоциализация; трудовая повинность; минимальная оплата труда; пенсионное страхование.

The labor of the convicts in prisons of the Federal Republic of Germany: social-legal aspect

O.M. CHERNYSHEVA – Associate Professor of the Department of the Russian and Foreign Languages of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Philology, Associate Professor

The article is devoted to the problem of usage of the convicts' labor in the penal institutions of Germany, in particular revealed are controversial provisions on payment and compulsory labor, lack of retirement insurance working convicts.

Keywords: Penal Code; resocialization; labor duty; the minimal rate of labor payment; retirement insurance.

Прошло почти сорок лет с тех пор, как законодатель в Германии стал рассматривать отбывание наказания осужденными не как чистое искупление, а как шанс для «оступившихся» вернуть свое существование в нормальное русло, чтобы после освобождения жить жизнью добропорядочных, законопослушных и социально ответственных граждан. Такой шанс дает ресоциализация.

В решениях Федерального конституционного суда ФРГ неоднократно указывалось, что каждый осужденный имеет конституционное право на ресоциализацию, а учреждения исполнения наказаний обязаны ее осуществлять. Более того, эта задача как первостепенная четко и недвусмысленно изложена в Федеральном законе об исполнении наказаний 1976 г. и соответствующих законах федеральных земель.

Ресоциализация, по общему мнению, означает в первую очередь труд. Сегодня в Германии за тюремной решеткой находятся около 66 тыс. чел., 41 тыс. из них работает. Они делают уборку в служебных помещениях, трудятся в тюремной прачечной или на кухне. Но многие заняты в так называемых предпринимательских фирмах, в рамках свободной экономики. В этом случае они получают 9–15 евро за рабочий день (для сравнения: по закону 2015 г. минимальная заработная плата составляет 8,5 евро за час).

В журнале «Штерн» в июне 2015 г. опубликована статья Франка Бруннера¹, подвергшего критике существующую практику использования труда осужденных. В ней приведены конкретные данные, доказывающие, что тюремный труд процветает: например, берлинская тюрьма Тегель и другие тюрьмы заработали в 2014 г. 1,76 млн евро по договорам с фирмами. К этому добавляются заказы для школ и властей на 4,3 млн евро. В других федеральных землях счет также идет на миллионы.

Если учесть, что государство ежегодно тратит на органы исполнения наказаний в Германии 4 млрд евро, такая прибыль от труда осужденных может стать заметной компенсацией расходов налогоплательщиков.

В Нижней Саксонии, располагающей 13 тюрьмами с 24 отделениями, в которых в 2014 г. отбывали наказание в среднем 4830

осужденных обоего пола, исправительные учреждения считают важным экономическим фактором, поскольку те приносят доход свыше 200 млн евро за счет персонала, производства материальной продукции и оплаты коммунальных услуг. Предприятия в нижнесаксонских учреждениях исполнения наказаний позиционируют себя как партнеров экономики. Все излишки идут в пользу земельного бюджета, и этим частично восполняются издержки на содержание тюрем².

Работают осужденные и на крупные концерны. Например, в тюрьме Франкенталь в Рейнланд-Пфальце, по информации руководства, 260 рабочих мест предназначаются специально для выпуска продукции, используемой крупными поставщиками автомобилем «БМВ», «Ауди» и «Мерседес». Этим фирмам выгодно, что тюремное производство может гибко реагировать на колебания в заказах. Оплата труда осуществляется по согласованному тарифу, часть ее передается осужденным³.

Давление на тюремные предприятия бывает сильным. Так, баварский министр финансов ожидает в 2015 г. пополнение земельного бюджета на сумму 44 млн евро.

Однако цель труда в системе исполнения наказаний состоит не в том, чтобы получить как можно большую прибыль и тем самым сократить расходы на органы исполнения наказаний, а в ресоциализации осужденных: они должны научиться жить честным трудом так, чтобы заработанного хватило и в старости. Но как раз это закономерное желание подвергается опасности ввиду отсутствия заблаговременной подготовки к старости.

В большинстве федеральных земель осужденный должен по-прежнему выполнять трудовую повинность (в землях Бранденбург, Рейнланд-Пфальц и Саксония ее уже отменили, оставив возможность добровольного труда). Довольно часто это сдельная работа для немецких фирм. Выгодное дело не только для заказчика, но и для тюрем, поставляющих рабочих. Однако за осужденных при этом не платят даже в пенсионную кассу. Естественно, и годы работы в тюрьме не причисляются к стажу, дающему право на получение пенсии. Впоследствии

многие из этих людей становятся получателями социальной помощи и чувствуют себя наказанными вдвойне.

Томас Хайльман (ХДС), член сената юстиции Берлина, в ответ на такие претензии заявляет, что в закрытых пенитенциарных учреждениях, как правило, не может производиться работа, равноценная работе вне стен тюрьмы, и поэтому было бы несправедливо по отношению к обычному, некриминальному населению дать осужденным те же права, что и людям, работающим на свободе⁴.

Между тем и названные выше поставщики автомобилей, и такие известные фирмы, как «Гаардена» (производитель садово-огородного инвентаря), «Сименс» и «Миле» (бытовая техника), предоставляют осужденным право участвовать в производстве отнюдь не дешевой продукции. Поэтому представители интересов заключенных видят в жестком регламентировании денежного вознаграждения за тюремный труд «эксплуатацию рабочей силы осужденных». Один из спикеров недавно созданного профсоюза осужденных прямо заявил, что он, в конце концов, осужден не на принудительный труд, а лишь на лишение свободы. Следовательно, и оплачивать эту рабочую силу нужно хотя бы в размере минимальной заработной платы⁵.

Справедливы ли такие требования? Дискуссия по этой проблеме состоялась в рамках встречи министров юстиции в Штутгарте в июне 2015 г.⁶ Министры сошлись во мнении, что минимальной оплаты труда для осужденных вводить не следует. Только министр юстиции федеральной земли Бранденбург ее в принципе не исключил, но предложил устанавливать при этом определенные условия. По его мнению, осужденные должны компенсировать часть расходов на содержание в тюрьме и возмещать ущерб жертвам преступления. Спикер министерства юстиции земли Северный Рейн-Вестфалия не преминул напомнить, что каждый осужденный обходится государству в значительную сумму (например, в его федеральной земле она составляет 116 евро в день). Он считает логичным, чтобы осужденные своим трудом вносили хоть какую-то долю в эти расходы.

Другие министры юстиции приводили тот аргумент, что осужденные не являются регулярными наемными работниками, к тому же и производительность здесь значительно ниже, чем вне стен тюрьмы. Многие из них не имеют завершено школьного об-

разования, некоторым для начала еще нужно научиться вставать по утрам.

На совещании представителей земельных министерств юстиции вновь говорилось о том, что главный смысл предписываемой законом трудовой обязанности состоит не в том, чтобы достичь экономически применимых результатов труда, а в том, чтобы оптимально подготовить осужденных к возвращению в общество. Чтобы после освобождения у осужденных был шанс получить работу на первичном рынке труда, им нужно стремиться к углублению, при необходимости и к приобретению новых профессиональных навыков и знаний. Только это даст им возможность зарабатывать себе на жизнь трудом. А поскольку в тюремные предприятия, жизненно необходимые для достижения целей ресоциализации, вложены большие инвестиции, министры считают понятным и оправданным, что общество требует за такую услугу финансового участия осужденных за счет уменьшения оплаты их труда.

Профсоюз заключенных придерживается иной точки зрения и продолжает требовать введения минимальной оплаты труда и для осужденных. Им нужна, если можно так выразиться, материально ощутимая система «социальных лифтов»⁷.

Между тем в последнее десятилетие обострилась еще одна проблема: трудоустройство лиц, освободившихся из мест лишения свободы. Труд и обучение в этих учреждениях только один шаг на пути к успешной ресоциализации. Важным наряду с профессиональной перспективой является также и то, чтобы осужденный после выхода на свободу как можно скорее нашел работу.

В ФРГ идеальный путь предполагает освобождение через пенитенциарные учреждения открытого типа. Заметим, что по первоначальному замыслу законодателей, принявших в 1976 г. Федеральный закон об исполнении наказаний, учреждения открытого типа нужно было рассматривать как возможность для осужденного, находящегося в заключении, в течение дня заниматься трудовой деятельностью за пределами учреждения. Следовательно, открытые учреждения исполнения наказаний как стадию на пути к освобождению из заключения нужно было бы развивать и дальше. (Кстати, именно в открытых учреждениях возможны страхование по болезни и безработице.) Однако сегодня совершенно очевидна тенденция к их сокращению и ограничению и, соответственно, почти полному исключению

доступа к ним определенных групп осужденных.

По мнению Бернда Мелике, известного эксперта в данной области, при таком положении вещей ресоциализация тех осужденных, которым она действительно нужна и полезна (а это почти 50% находящихся в заключении лиц), не может быть осуществлена, и последствия этого вполне предсказуемы. Так, в Германии ежегодно из заключения освобождаются почти 50 тыс. чел.,

что равно количеству населения в таком городке, как Пассау. А во всей стране сегодня живут свыше 800 тыс. бывших осужденных, и это могут быть чьи-то соседи и друзья. Большое, по сути, достижение по интеграции в общество. Но многие совершают рецидивные преступления. Закономерно возникает вопрос: правильно ли инвестируются те миллиарды евро, в которые обходится уголовно-исполнительная система?⁸

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Brunner F. Gewerkschaft Knast & Zelle [Электронный ресурс]. URL: <http://zeitenspiegel.de/de/projekte/reportagen/gewerkschaft-knast-and-zelle/article/> (дата обращения: 31.08.2015 г.).

² См.: <http://Justizvollzug-2015-web.pdf> (дата обращения: 11.08.2015 г.).

³ См.: Brunner F. Gewerkschaft Knast & Zelle.

⁴ Doppelt bestraft: Strafgefangene ohne Rentenanspruch für jahrelange Arbeit im Knast [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rbb-online.de/kontraste/archiv/kontraste-vom-30-10-2014/doppelt-bestaft--strafgefangene-ohne-rentenanspruch-fuer-jahrel.html> (дата обращения: 12.08.2015 г.).

⁵ См.: Strafgefangene fordern Mindestlohn [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bsbd-nrw.de/aktuelles/aktuelles-bsbd/366-strafgefangene-fordern-mindestlohn> (дата обращения: 10.08.2015 г.).

⁶ См.: Brunner F. Gewerkschaft Knast & Zelle.

⁷ См.: Баламут А.Н., Черкасова М.А. Опыт функционирования системы «социальных лифтов» в пенитенциарных учреждениях зарубежных государств (психологический аспект) // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2013. № 22. С. 94–98.

⁸ См.: Maelicke B. Gefängnis ist keine Lösung // Süddeutsche Zeitung. 5. Juni 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sueddeutsche.de/leben/resozialisierung-gefaengnis-ist-keine-loesung-1.2505479> (дата обращения: 22.08.2015 г.).

¹ См.: Brunner F. Gewerkschaft Knast & Zelle [Электронный ресурс]. URL: <http://zeitenspiegel.de/de/projekte/reportagen/gewerkschaft-knast-and-zelle/article/> (дата обращения: 31.08.2015 г.).

² См.: <http://Justizvollzug-2015-web.pdf> (дата обращения: 11.08.2015 г.).

³ См.: Brunner F. Gewerkschaft Knast & Zelle.

⁴ Doppelt bestraft: Strafgefangene ohne Rentenanspruch für jahrelange Arbeit im Knast [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rbb-online.de/kontraste/archiv/kontraste-vom-30-10-2014/doppelt-bestaft--strafgefangene-ohne-rentenanspruch-fuer-jahrel.html> (дата обращения: 12.08.2015 г.).

⁵ См.: Strafgefangene fordern Mindestlohn [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bsbd-nrw.de/aktuelles/aktuelles-bsbd/366-strafgefangene-fordern-mindestlohn> (дата обращения: 10.08.2015 г.).

⁶ См.: Brunner F. Gewerkschaft Knast & Zelle.

⁷ См.: Баламут А.Н., Черкасова М.А. Опыт функционирования системы «social'nyh liftov» v penitenciarных учреждениях зарубежных государств (psihologicheskij aspekt) // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2013. № 22. S. 94–98.

⁸ См.: Maelicke B. Gefängnis ist keine Lösung // Süddeutsche Zeitung. 5. Juni 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sueddeutsche.de/leben/resozialisierung-gefaengnis-ist-keine-loesung-1.2505479> (дата обращения: 22.08.2015 г.).

УДК 343.8

Первый исправительно-трудовой кодекс РСФСР об организации труда заключенных

А.М. ФУММ – начальник отдела НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

В статье анализируются нормы Исправительно-трудового кодекса РСФСР 1924 г. о трудоустройстве заключенных, подчеркивается его значение в совершенствовании процесса организации их труда.

К л ю ч е в ы е с л о в а : наказание; исправительно-трудовой кодекс; труд заключенных; исправительно-трудовое воздействие; организация работ в местах заключения.

The first Forced Labor Code of the RSFSR on the organization of prisoners labor

A.M. FUMM – Head of the Department of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor

The article analyzes the norms of the Forced Labour Code of 1924 on the using of prisoners labor, it emphasizes its importance in improving the process of organizing their work.

Key words: punishment; Forced Labor Code; prisoners labor; correctional labor treatment; organization of work in prisons.

Советское исправительно-трудовое законодательство в качестве основных средств перевоспитания лиц, осужденных к лишению свободы, неизменно рассматривало труд и воспитательную работу. По мнению многих советских исследователей, в процессе исполнения данного вида наказания должны быть созданы все необходимые условия для привития заключенному уважения к труду. Приучение к труду рассматривалось как мощный фактор воспитания, с одной стороны, и как средство подготовки человека к честной жизни на свободе – с другой. Советские пенитенциаристы справедливо отмечали, что труд – лучший способ исключить развращающее влияние праздности и бесконечных разговоров заключенных между собой¹. При этом элементы принуждения в организации и осуществлении трудоустройства заключенных должны быть сведены к минимуму. Привлечение осужденных к неквалифицированному тяжелому физическому труду допускалось только в случае необходимости и при отсутствии у них квалификации, позволяющей использовать их на другой работе². Усиление воспитательного значения таких элементов лишения свободы, как труд и воспитательная работа, рассматривалось в качестве главного направления повышения эффективности исполнения данного вида наказания.

Исходным основанием привлечения заключенных к труду в Советском государстве являлась конституционная обязанность всех граждан трудиться. В силу этого виды трудовой деятельности осужденных, условия производства, техники безопасности и охраны труда в местах лишения свободы должны были соответствовать общим требованиям, установленным на любом предприятии (8-часовой рабочий день, оплата сверхурочных работ, повышение продовольственного пайка для лиц, занятых тяжелым физическим тру-

дом). Администрация исправительно-трудовых учреждений обязана была обеспечить привлечение заключенных к общественно полезной деятельности с учетом их трудоспособности, а по возможности, и специальности. Труд спецконтингента оплачивался в соответствии с его количеством и качеством по нормам и расценкам, существующим в народном хозяйстве. Таким образом, при правильной организации труда заключенных содержание мест лишения свободы должно было окупаться, поскольку, как известно, и на свободе каждый человек сам обеспечивает свое существование.

Развитие пенитенциарной системы на всех этапах российской истории определялось социально-экономической ситуацией в стране. Кардинальные изменения, произошедшие в стране после Октябрьской революции 1917 г., требовали корректировки уголовной и уголовно-исполнительной политики государства³. Основной задачей советских исправительно-трудовых учреждений (ИТУ) правящая партия большевиков видела превращение тюрем в воспитательные учреждения. Однако в условиях хозяйственной разрухи и затянувшейся гражданской войны решить эту задачу было весьма трудно.

В таких условиях требовалось по возможности сократить расходы на пенитенциарные учреждения, перевести их на самоокупаемость, сделать принудительный труд прибыльным. Именно первый Исправительно-трудовой кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (далее – ИТК РСФСР 1924 г.) послужил нормативной базой для проведения указанных преобразований.

Бесспорным достоинством рассматриваемого документа стало его широкое обсуждение: в течение 1923–1924 гг. законопроект получил одобрение не только специалистов, но и практических работников пенитенциар-

ной системы, а также представителей ряда заинтересованных структур, в частности Народного комиссариата труда.

Проект ИТК РСФСР 1924 г. обсуждался на заседаниях проходившего в Москве с 18 по 24 октября 1924 г. I Всероссийского съезда работников пенитенциарного дела, в котором приняли участие делегаты практически от всех губерний, областей и автономных республик РСФСР, а также представители Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) других республик. Всего на съезде присутствовало 239 чел. из 38 губерний, 9 автономных областей и 9 республик.

Доклады делегатов съезда были посвящены различным аспектам пенитенциарного дела, в том числе и организации тюремного труда. Как видно из материалов съезда, на пленарных заседаниях и секциях обсуждались все предложения с мест и каждая статья проекта. Во многом именно поэтому участники единодушно признали проект кодекса «крупным событием и реальным достижением» и утвердили его, высказав пожелание «принять меры к скорейшему проведению его в законодательном порядке, а до этого разработать все необходимые к нему дополнения в виде специальных инструкций»⁴.

Выступавшие на съезде единогласно отмечали, что наилучшей формой работы производственной части ИТУ является ее децентрализация, поскольку учреждения сами смогут решать, как им поступать в той или иной ситуации, и будут отвечать за свои действия.

При этом тюрьма не должна являться сугубо хозяйственным учреждением, которое руководствуется исключительно производственными соображениями. Труд при исполнении наказания выступает только средством исправления заключенных. Работы должны быть организованы в интересах заключенного, а не производства. Даже в тяжелых экономических условиях исключалась безвозмездность труда, дабы сохранить мотивацию осужденных к труду и стимулировать их исправление. Поэтому работы заключенных по мере возможности должны оплачиваться. При этом чем выгоднее исправительному учреждению работа, тем выше должна быть заработная плата осужденного⁵.

На съезде было вынесено решение о том, что обеспечение заключенных производственной деятельностью должно быть основной задачей советской пенитенциарной политики. Каждое учреждение по возможно-

сти обязано компенсировать трудом осужденных расходы на их содержание. Труд заключенных предписывалось организовать по принципу хозрасчета, децентрализовать рабочие части в местах заключения. Этим вопросам посвящена гл. 2 «Работы заключенных, их цели, характер и организация» (ст. 53–81) первого Исправительно-трудового кодекса РСФСР⁶.

Учитывая пожелания присутствовавших на съезде практических работников, коллегия НКВД в конце 1923 – начале 1924 гг. начала организовывать работу мест заключения в соответствии с основными положениями проекта кодекса. Первым шагом в этом направлении стало решение об ускоренном развитии сельскохозяйственных и производственных колоний и распределении исправительных домов по рекомендуемым проектом кодекса видам мест заключения.

ИТК РСФСР 1924 г. стал первым в российской истории законодательным актом, закрепившим принципы организации работ в местах заключения.

Общее руководство производственной деятельностью в местах заключения осуществлялось в рассматриваемый период Главным управлением мест заключения (ГУМЗ) посредством прямых распоряжений, инструктажа, указаний, общих распоряжений, истребования отчетов, а также планового обследования⁷.

Вслед за Уголовным кодексом РСФСР 1922 г., закрепившим среди целей наказания «приспособление к условиям общежития путем исправительно-трудового воздействия» (ст. 8), ИТК РСФСР 1924 г. основой перевоспитания заключенных провозгласил целесообразный режим в сочетании с обязательным общественно полезным трудом и культурно-воспитательной работой (ст. 48).

Работы в местах заключения в соответствии с кодексом организовывались в целях обеспечения заключенных общественно полезной деятельностью, воспитания у них привычки к труду и формирования профессиональных навыков и знаний, способных обеспечить им трудовую жизнь при выходе на свободу (ст. 51), а также для получения возможности перевода мест заключения на самокупаемость (ст. 9).

Основными задачами при организации работ в пенитенциарных учреждениях являлись: максимальное развитие таких работ с привлечением к труду всех работоспособных заключенных; организация в местах заключения таких работ, на которых заключенный получил бы квалификацию, наиболее

обеспечивающую ему возможность применить свой труд и знания на свободе, для получения средств к существованию.

Согласно кодексу принципы организации работ в местах заключения сводились к следующему:

- полностью поглотить рабочую силу здоровых заключенных (ст. 51);
- дать заключенным квалификацию в той профессии, на которую имеется спрос на рынке труда (ст. 54, 65);
- давать наибольший результат в смысле их доходности как материальной базы для развития работ и самоокупаемости места заключения (ст. 9, 77).

Все работы в местах заключения делились на внутренние (в пределах территории колонии) и внешние (за ее пределами). По характеру все арестантские работы распределялись на следующие виды:

- производственные (на предприятиях и в мастерских);
- чернорабочие (лесозаготовки, земляные, по очистке и благоустройству, производящиеся вне мест заключения по договорам подряда с другими предприятиями и учреждениями);
- сельскохозяйственные;
- хозяйственные по обслуживанию места заключения и самообслуживанию (ст. 60 ИТК РСФСР 1924 г.).

Работы в местах заключения должны были вестись на хозрасчете, то есть на их организацию государственных средств не выделялось. Все расходы покрывались за счет доходов, поступавших от этих работ, отчетность по ним велась отдельно от общей бюджетной отчетности.

Внутренние работы по разнообразию не ограничивались, а перечень внешних работ подлежал согласованию с местными отделами труда во избежание срыва мероприятий по борьбе с безработицей. При этом следовало выбирать такие внешние работы (особо неудобные и тяжелые), в которых меньше были заинтересованы вольные безработные.

При назначении заключенных на работы необходимо было учитывать состояние их здоровья, профессиональную подготовку, склонность к тому или иному виду труда, социальное положение (ст. 54, 55). Важно отметить, что подследственным разрешалось самим выбирать работу из числа организованных при месте заключения, поскольку лишение свободы являлось для них мерой пресечения, в то время как осужденные, подвергавшиеся исправительно-трудовому

воздействию, были лишены такого права: работы им назначались начальником места заключения.

Рабочей частью являлись все предприятия и мастерские, организованные для занятия заключенных трудом, включая сельскохозяйственные колонии, отделения или фермы, находящиеся за пределами места заключения. В соответствии со ст. 78 кодекса такие части оформлялись как юридические лица: им предоставлялось право заключать всякого рода договоры, соглашения, приобретать необходимые для производства материалы, реализовывать свою продукцию, кредитоваться в государственных учреждениях. Более крупные рабочие части получали статус хозрасчетного госпредприятия, уставное оформление. На наш взгляд, подобный опыт было бы целесообразно использовать в пенитенциарной практике современной России.

Согласно кодексу (приложение к ст. 61) работы заключенных могли быть платными и бесплатными. Платными являлись все работы, организованные по принципу хозрасчета, а также работы по обслуживанию места заключения (особо тяжелые работы, работы, требовавшие специальных навыков или выполняемые одним и тем же лицом). Это, например, ремонт зданий, инвентаря, стирка белья, приготовление пищи, если заключенный занят ими больше двух недель подряд. Все остальные хозяйственные работы признавались бесплатными и организовывались по очереди и нарядам администрации места заключения (уборка помещений и территории, колка дров, носка воды, работы по благоустройству и несложные сельскохозяйственные работы). Как правило, труд заключенных оплачивался в размере 50% от оплаты труда свободных лиц, за исключением поочередного выполнения бесплатных работ по обслуживанию мест заключения⁸.

Учет работ производился по рабочим табелям и ведомости, а также по расчетной книжке, которая выдавалась заключенному для его осведомления о размере заработанных им средств, оценке его труда и для правильного учета отработанного времени (ст. 72).

ИТК РСФСР 1924 г. (ст. 130–133) устанавливал также порядок использования осужденными заработанных ими средств с определенными ограничениями.

Основными направлениями повышения производительности труда являлись обеспечение заинтересованности в этом заключенных и меры их поощрения. На ра-

ботах должно было применяться урочное и сдельное вознаграждение (ст. 73) с обязательным установлением норм выработки и тщательной проверки качества работы. Мерами повышения производительности труда признавались продвижение заключенного по различным стадиям прогрессивной системы оплаты труда, особенно зачет рабочих дней, и периодические отпуска. При небрежном отношении к труду было необходимо сначала применять меры разъяснительного характера, а в злостных случаях – меры дисциплинарного взыскания, в том числе в виде снижения размера заработка.

Столь тщательная законодательная регламентация общественно полезной деятельности заключенных (в общей сложности

ей посвящено более 30 статей кодекса) свидетельствует, на наш взгляд, о том, что советская власть придавала ей важное значение. При этом не следует видеть в массовом принудительном привлечении заключенных к труду лишь их беспощадную эксплуатацию. Развитие трудоиспользования способствовало получению осужденными профессии и образования, укреплению материально-технической базы исправительных учреждений, оказанию помощи семьям осужденных, погашению задолженностей. И хотя влияние экономического фактора на эволюцию тюремной системы не всегда было одинаковым, учет и использование положительного опыта организации труда спецконтингента поможет в будущем избежать ошибок и просчетов.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Тюремное дело в РСФСР. М., 1919. С. 9.

² См.: Доклады теоретической конференции, посвященной вопросам исправительно-трудового права. Томск, 1959. С. 11.

³ См.: Яковлева О.Н. Нормотворческая деятельность Главного тюремного управления как фактор развития пенитенциарной системы Российской империи // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе: Сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. Краснодар, 2013. С. 138.

⁴ Всероссийский съезд работников пенитенциарного дела (г. Москва, 18–24 октября 1923 г.): Стенографический отчет пленарных заседаний съезда с приложением проекта Исправительно-трудового кодекса. М., 1923. С. 250–251.

⁵ См.: Там же. С. 204–206.

⁶ См.: Детков М.Г. Содержание пенитенциарной политики Российского государства и ее реализация в системе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в период 1917–1930 гг.: Моногр. М., 1992. С. 37.

⁷ См.: Бехтерев Ю.Ю., Кесслер М.В., Утевский Б.С. Исправительно-трудовое дело в вопросах и ответах / Под ред. Е.Г. Ширвиндта. М., 1930. С. 62.

⁸ См.: Смыкалин А.С., Гребенщикова И.В., Старикова О.Н. Пенитенциарная система Российского государства в советский период: историко-юридическое исследование: Моногр.: В 2 ч. Екатеринбург, 2014. Ч. 1. С. 56.

¹ См.: Тюремное дело в РСФСР. М., 1919. С. 9.

² См.: Доклады теоретической конференции, посвященной вопросам исправительно-трудового права. Томск, 1959. С. 11.

³ См.: Яковлева О.Н. Нормотворческая деятельность Главного тюремного управления как фактор развития пенитенциарной системы Российской империи // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе: Сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. Краснодар, 2013. С. 138.

⁴ Всероссийский съезд работников пенитенциарного дела (г. Москва, 18–24 октября 1923 г.): Стенографический отчет пленарных заседаний съезда с приложением проекта Исправительно-трудового кодекса. М., 1923. С. 250–251.

⁵ См.: Там же. С. 204–206.

⁶ См.: Детков М.Г. Содержание пенитенциарной политики Российского государства и ее реализация в системе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в период 1917–1930 гг.: Моногр. М., 1992. С. 37.

⁷ См.: Бехтерев Ю.Ю., Кесслер М.В., Утевский Б.С. Исправительно-трудовое дело в вопросах и ответах / Под ред. Е.Г. Ширвиндта. М., 1930. С. 62.

⁸ См.: Смыкалин А.С., Гребенщикова И.В., Старикова О.Н. Пенитенциарная система Российского государства в советский период: историко-юридическое исследование: Моногр.: В 2 ч. Екатеринбург, 2014. Ч. 1. С. 56.

УДК 343.8

Проблемы реализации положений статьи 77.1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации

Е.В. ЧЕРНЫШЕНКО – преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук

В статье раскрываются основные проблемы реализации положений ст. 77.1 УИК РФ, в частности рассматриваются сроки перевода осужденных, привлекаемых для участия в следственных действиях или судебном разбирательстве, в следственный изолятор, особенности реализации их прав в зависимости от уголовно-процессу-

ального статуса, а также проблемы содержания данных лиц на территории следственных изоляторов.

Ключевые слова: осужденные; участие в следственных действиях или судебном разбирательстве; проблемы реализации прав осужденных; следственный изолятор; перемещение осужденных.

Problems of implementation of article 77.1 of the Penal Code of the Russian Federation

E.V. CHERNYSHENKO – Lecturer of the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with convicts of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

The article describes the main problems of implementation of the provisions of Art. 77.1 Penal Code, in particular there are considered transfer of convicts in the detention center attracted to participate in the investigation or proceeding, especially the realization of their rights, depending on the status of the criminal procedure, as well as the problem of creation conditions for such persons in the detention centers.

Keywords: convicts; participate in the investigation or proceedings; problems of the convicts rights realization; detention center; transfer of convicts.

Статья 77.1 УИК РФ предусматривает возможность привлечения осужденных к лишению свободы к участию в следственных действиях или судебном разбирательстве. С этой целью осужденный может быть оставлен в следственном изоляторе или переведен в него. Вместе с тем анализ положений данной статьи позволяет выявить ряд проблем в их реализации и несогласованность с иными нормами законодательства. В частности, законодатель установил, что оставлены или переведены в следственный изолятор могут быть осужденные к лишению свободы с отбыванием наказания в исправительной, воспитательной колонии или тюрьме. При этом нет указания на лечебные исправительные учреждения, в которых содержатся осужденные, больные открытой формой туберкулеза, наркоманией и алкоголизмом, хотя в следственной и судебной практике может возникнуть необходимость привлечения указанной категории осужденных для участия в следственных действиях и судебном разбирательстве. В связи с этим целесообразно дополнить положения ч. 1 ст. 77.1 УИК РФ, указав в числе исправительных учреждений также лечебные исправительные учреждения.

Еще одним упущением в рассматриваемой норме является ограниченный перечень процессуальных статусов, которые может иметь осужденный в период отбывания наказания в виде лишения свободы. В ч. 1 и 2 ст. 77.1 УИК РФ указывается на воз-

можность привлечения осужденного в качестве свидетеля, потерпевшего, подозреваемого (обвиняемого), однако не назван статус понятого. Согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству осуждение не является препятствием к привлечению лица в качестве понятого, тем более когда речь идет о преступлениях, совершенных на территории исправительных учреждений. Следовательно, законодательно это должно быть закреплено и в положениях ст. 77.1 УИК РФ. Однако, учитывая, что в УПК РФ постоянно вносятся изменения, что возможно появление новых следственных действий, форм предварительного расследования, скорее всего, следует изменить содержание ст. 77.1 УИК РФ не дополнением перечня, а исключением перечисления всех указанных статусов. В этом случае появится возможность оставления или перевода осужденного для участия в следственных действиях или судебном разбирательстве без указания на его конкретный процессуальный статус.

Следующая проблема – срок, на который может быть оставлен или переведен в следственный изолятор осужденный к лишению свободы для участия в следственных действиях или судебном разбирательстве. Согласно ч. 1 ст. 77.1 УИК РФ он составляет два месяца, а в исключительных случаях может быть продлен до трех месяцев. Вместе с тем не ясно, почему законодатель предусмотрел именно такие сроки, так как отсутству-

ет какая-либо согласованность со сроками предварительного расследования, установленными нормами УПК РФ. В частности, если предварительное расследование проводится в форме следствия, то его срок не превышает двух месяцев, а в исключительных случаях может быть продлен до 12 месяцев. Срок дознания составляет 30 суток с возможностью продления до двух месяцев, а сокращенного дознания – 15 суток с продлением до 20 суток. Оставление или перевод осужденного в следственный изолятор для участия в следственных действиях предусмотрены в интересах предварительного расследования, а значит, в законе должна быть согласованность норм относительно сроков, на которые могут переводиться осужденные. В связи с этим целесообразно внести изменения в ч. 1. ст. 77.1 УИК РФ, отразив возможность оставления или перевода осужденных к лишению свободы в следственный изолятор на срок, необходимый для предварительного расследования, предусмотренный положениями УПК РФ.

Наиболее проблемным вопросом реализации положений ст. 77.1 УИК РФ является определение правового положения рассматриваемой категории осужденных. С одной стороны, согласно ч. 3 ст. 77.1 УИК РФ такие осужденные содержатся в следственном изоляторе в порядке, установленном Федеральным законом от 15.07.1995 г. № 103-ФЗ (в ред. от 22.12.2014 г.) «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»¹, но при этом на условиях отбывания наказания в исправительном учреждении, определенных приговором суда. Значит, осужденным, привлекаемым к участию в следственных действиях и судебном разбирательстве, должны предоставляться все права, предусмотренные для них в зависимости от вида исправительного учреждения, назначенного судом. Однако сам законодатель в ст. 77.1 УИК РФ предусматривает ограничение для рассматриваемой категории осужденных, привлекаемых в качестве свидетелей или потерпевших, в части предоставления права на длительное свидание, которое может быть заменено на краткосрочное или телефонный звонок. Непонятно, на каком основании такие осужденные ограничиваются в правах. В частности, ст. 77 УИК РФ предусматривает возможность оставления в исключительных случаях осужденных для отбывания наказания в следственном изоляторе с выполнением работ по хозяйственному обслуживанию, и таким осужденным предоставляется пра-

во на длительное свидание на территории следственного изолятора. Соответственно, на территории следственных изоляторов должны быть созданы условия для реализации указанного права осужденных. В связи с этим целесообразно внести изменения в ч. 3. ст. 77.1 УИК РФ, предусматривающие возможность реализации права осужденных на длительное свидание в момент содержания в следственном изоляторе.

Кроме того, в ст. 77.1 УИК РФ отсутствуют какие-либо указания на то, в каких помещения должны размещаться данные осужденные. В частности, большинство исправительных учреждений предполагает содержание осужденных в общежитиях, а следственные изоляторы – покамерное содержание. Даже осужденные, оставленные для хозяйственного обслуживания, согласно ст. 77 УИК РФ, содержатся в камерах, но незапираемых. При этом практика деятельности следственных изоляторов свидетельствует о том, что осужденных, привлекаемых к участию в следственных действиях или судебном разбирательстве, содержат в запираемых камерах. Если относительно осужденных, привлекаемых в качестве подозреваемых, обвиняемых, это целесообразно, то не ясно, почему привлекаемые в качестве свидетелей и потерпевших должны содержаться в таких же условиях. Эта проблема должна быть урегулирована на законодательном уровне. В частности, следует внести дополнения в ч. 3 ст. 77.1 УИК РФ, указав категорию помещений, в которых могут содержаться осужденные, привлекаемые в качестве потерпевших и свидетелей, а также подозреваемых и обвиняемых.

На территории следственных изоляторов должны существовать изолированные участки с необходимыми элементами инфраструктуры и общежитиями, позволяющие размещать осужденных, привлекаемых в качестве потерпевших и свидетелей, а также организовывать мероприятия в рамках процесса исправления.

Организация воспитательных мероприятий в отношении рассматриваемой категории осужденных представляет еще одну проблему в реализации положений ст. 77.1 УИК РФ. Следует помнить о том, что процесс исправления осужденного начинается с момента его прибытия в исправительное учреждение и длится до момента освобождения. Вместе с тем осужденные, привлекаемые к участию в следственных действиях или судебном разбирательстве и переве-

денные для этого в следственный изолятор, длительный период не участвуют в мероприятиях воспитательного характера, что

негативно сказывается на достижении целей уголовно-исполнительного законодательства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: СЗ РФ. 1995. № 29. Ст. 2759.

¹ Sm.: SZ RF. 1995. № 29. St. 2759.

УДК 343.9

Уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты биометрической регистрации

И.В. ГЛАЗУНОВА – ведущий научный сотрудник отдела планирования, координации и ведения научной работы Российской таможенной академии (г. Люберцы), кандидат юридических наук, доцент

Статья посвящена изучению дактилоскопической регистрации, проводимой в криминалистических целях, и геномной регистрации, осуществляемой в интересах уголовно-процессуальной деятельности. Исследуются положения федеральных законов, регламентирующих биометрическую регистрацию в Российской Федерации, выявляются проблемы правового регулирования в данной сфере.

Ключевые слова: биометрическая регистрация; дактилоскопия; геномная регистрация; криминалистические учеты; установление личности; розыск пропавших без вести; раскрытие и расследование преступлений; персональные данные.

Criminal procedure and criminalistic aspects of the biometric registration

I.V. GLAZUNOVA – Leading Researcher of the Department of Planning, Coordination and Management of Scientific Work of the Russian Customs Academy (Lyubertsy), PhD. in Law, Associate Professor

The article is devoted to the fingerprinting registration carried out in forensic purposes and genomic registration carried out in the interests of criminal procedure. It studies the provisions of the federal laws governing the biometric registration in the Russian Federation, there are revealed problems of legal regulation in this area.

Key words: biometric registration; fingerprinting; genomic registration; forensic accounting; identification; search for missing persons; detection and investigation of crimes; personal information.

Выявление преступника во все времена являлось одной из важнейших задач правосудия. В начале XIX в. организатор французского полицейского расследования Ж.Ф. Видок для возможной идентификации преступников в последующем применял такой способ, как наблюдение и запоминание сыщиками лиц заключенных во время их прогулок в тюрьмах. Эти мероприятия приносили определенные результаты, однако

не были особо эффективны. С конца XIX – начала XX вв. в целях установления личности преступников следователи, дознаватели и сотрудники полиции в целом стали применять более совершенные средства, приемы и методы, в том числе позволяющие идентифицировать человека по оставленным им материальным и идеальным следам.

По данным Р.Е. Деминой, в настоящее время в Российской Федерации с исполь-

зованием информации, содержащейся в криминалистических и оперативных учетах, раскрывается от 19 до 30% совершаемых преступлений, причем наибольшую помощь в раскрытии оказывают дактилоскопический учет и картотека следов рук (следотека) с мест нераскрытых преступлений¹.

Следует отметить, что Российская Федерация первой среди государств СНГ приняла нормативный акт на уровне закона в сфере государственной дактилоскопической регистрации. Федеральный закон от 25.07.1998 г. № 128-ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации» вступил в силу 1 января 1999 г. Им предусматривается проведение государственной дактилоскопической регистрации в добровольном или обязательном порядке.

Дактилоскопическая информация, полученная в результате проведения государственной дактилоскопической регистрации, предназначена:

- 1) для розыска пропавших без вести граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства;
- 2) установления по неопознанным трупам личности человека;
- 3) установления личности граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства, не способных по состоянию здоровья или возрасту сообщить данные о своей личности;
- 4) подтверждения личности граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства;
- 5) предупреждения, раскрытия и расследования преступлений, а также предупреждения и выявления административных правонарушений.

В современных условиях каждому человеку, прошедшему дактилоскопическую регистрацию (обязательную или добровольную), гарантировано установление личности при порче документов, несчастных случаях, катастрофах, наводнениях, землетрясениях, пожарах, террористических актах, авиационных и железнодорожных катастрофах. Особое значение дактилоскопическая регистрация имеет для людей, страдающих потерей памяти. В случае когда человек не в состоянии сообщить о себе какие-либо сведения, дактилоскопия может помочь родственникам найти пропавшего члена семьи.

Таким образом, в соответствии с законом дактилоскопическая регистрация в криминалистических целях является только одним

из направлений государственной дактилоскопической регистрации.

В научной литературе обосновывается необходимость разработки не только дактилоскопических, но и дерматоглифических особенностей ладонной поверхности рук человека², высказывается мнение о справедливости развития этого направления и для так называемой общей дактилоскопической регистрации³ (осуществляемой в том числе для контроля въезда-выезда из России, установления личности лиц, не способных по состоянию здоровья или возрасту сообщить сведения о себе).

В соответствии со ст. 1 названного закона дактилоскопическая информация – это биометрические персональные данные об особенностях строения папиллярных узоров пальцев и (или) ладоней рук человека, позволяющие установить его личность.

Государственные органы и их должностные лица несут предусмотренную законодательством Российской Федерации ответственность за нарушение законодательства Российской Федерации в области персональных данных. Понятие «персональные данные» появилось в российском законодательстве в середине 1990-х гг., тогда же они были отнесены к категории конфиденциальной информации⁴.

В декабре 2005 г. Российская Федерация, ратифицировав Конвенцию Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных 1981 г., взяла на себя обязательства привести национальное законодательство в соответствие с этим международным договором. В результате этого были приняты Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», а также ряд подзаконных актов. Вместе с тем европейское законодательство после принятия конвенции активно развивалось. Формирование механизмов защиты прав личности при обработке персональных данных базировалось на том принципе, что юридические и технические требования, устанавливаемые в целях обеспечения защиты персональных данных, прав частных лиц и законных интересов юридических лиц, должны быть четко сбалансированы, чтобы не создавать помех для развития рынка. Сбалансированность означает соразмерность, обоснованность и выполнимость всех требований. Именно этого недостает в ряде случаев российскому законодательству⁵.

Статьей 11 федерального закона «О персональных данных» закрепляется норма об

обязательном наличии согласия субъекта биометрических персональных данных на их обработку оператором.

Практически все российские исследования построены на использовании физиологических биометрических персональных данных (характеристики, данные человеку от рождения и не изменяемые с течением времени, а также поведенческие характеристики, основанные на динамике подсознательных движений). Биологические биометрические персональные данные в российской практике – это новая категория. Зарубежные исследователи и практические специалисты используют более широкое понятие биометрических персональных данных⁶.

Требованием к обработке персональных данных является наличие согласия на это их субъекта. Исключения из данного правила предусмотрены ч. 2 ст. 11 ФЗ «О персональных данных». Анализ норм ст. 1 ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации» (о признании дактилоскопической информации биометрическими персональными данными) и ст. 11 ФЗ «О персональных данных» (о запрете на обработку биометрических персональных данных без согласия субъекта персональных данных) приводит к выводу о том, что обязательная дактилоскопическая регистрация лиц, подозреваемых в совершении преступления, обвиняемых в совершении преступления, осужденных за совершение преступления, подвергнутых административному аресту, совершивших административное правонарушение, если установить их личность иным способом невозможно (п. «ж» ч. 1 ст. 9 ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации»), в рамках уголовного процесса и административного производства может быть осуществлена только с согласия этих лиц.

Вместе с тем приведенное заключение отчетливо демонстрирует, что имеет место дисбаланс интересов личности и общества, безусловно, требующей законодательного разрешения.

Мировые тенденции свидетельствуют о том, что переход на документы, содержащие биометрические параметры (рисунок сетчатки глаза, дактилоскопическая информация), практически неизбежен⁷. Опыт же использования баз генетических данных в мире однозначно свидетельствует о том, что эффективность их для раскрытия и расследования преступлений исключительно высока.

В этой связи нельзя оставить без внимания относительно недавно появившийся вид криминалистической регистрации – геномную регистрацию. Британским генетиком А. Джеффрисом в 1984 г. было установлено, что ряды ДНК конкретного человека составляют его ДНК-профиль, или «генетический паспорт», который можно использовать для безошибочной идентификации личности.

В России экспертное применение ДНК-идентификации началось во второй половине 1980-х гг. 1 января 2009 г. вступил в силу Федеральный закон от 03.12.2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации». В соответствии с ним создана федеральная база данных ДНК, содержащая информацию об осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления, преступления против половой неприкосновенности, а также о неопознанных трупах и биологических следах, изъятых с мест совершения преступлений. Оператором базы данных является МВД России.

Согласно ч. 2. ст. 14 закона геномная информация, полученная в результате проведения государственной геномной регистрации, используется в следующих целях:

- 1) предупреждение, раскрытие и расследование преступлений, а также выявление и установление лиц, их совершивших;
- 2) розыск пропавших без вести граждан Российской Федерации, а также иностранных граждан и лиц без гражданства, проживающих или временно пребывающих на территории Российской Федерации;
- 3) установление личности человека, чей труп не опознан иными способами;
- 4) установление родственных отношений разыскиваемых (устанавливаемых) лиц.

Данный закон имеет особую важность как для субъектов криминалистической деятельности, органов правопорядка, так и для граждан Российской Федерации в целом. Вместе с тем должное отражение в нем нашли далеко не все положения, связанные с деятельностью по получению, учету, хранению, использованию, передаче и уничтожению биологического материала и обработке геномной информации. Так, профессор И.О. Перепечина указывает, в частности, на то, что данный федеральный закон не регламентирует таких важных аспектов, как:

- категории преступлений, по которым разрешено изымать биологический материал в ходе следственных действий;
- изъятие из федеральной базы данных геномной информации лица, признанного невиновным;

– определение категорий лиц, подлежащих геномной регистрации (что является важнейшим вопросом, имеющим правовое и криминалистическое значение);

– механизм получения образцов у лиц, подлежащих обязательной геномной регистрации⁸.

Применение данной системы в жизни общества обещает быть еще шире, так как во всем мире четко прослеживается тенденция к охвату геномной регистрацией все новых контингентов населения. В силу этого можно говорить и о необходимости установления единого правового регулирования деятельности по государственной биометрической регистрации. Следует отметить, что такие попытки законодателем уже предпринимались. Так, в 2014 г. на рассмотрение Государственной Думы Российской Федерации был представлен проект федерального закона «О государственной био-

метрической регистрации в Российской Федерации». К сожалению, нельзя не признать, что в нем остались нерешенными многие из тех вопросов, которые на сегодняшний день не урегулированы либо недостаточно полно урегулированы федеральными законами «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации», «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации», «О персональных данных».

Таким образом, требование обеспечения полноценного правового регулирования биометрической регистрации обуславливает потребность в комплексном подходе к исследованию института биометрической регистрации (его научного осмысления, анализа соответствующей практики применения, исследования достижений и направлений развития соответствующих базовых наук).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Демина Р.Е. К вопросу о расширении объектов криминалистического учета следов рук с мест нераскрытых преступлений // Вестник криминалистики. 2009. Вып. 1 (29). С. 124.

² См. подр.: Патрушева Т.В. Теория и практика применения цифровой фотографии при обнаружении и исследовании папиллярных узоров: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2005.

³ См.: Смушкин А.Б. Комментарий к Федеральному закону от 25 июля 1998 г. № 128-ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации» (постатейный) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ См.: Федеральный закон от 20.02.1995 г. № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации» (в настоящее время утратил силу).

⁵ См.: Терещенко Л.К., Тиунов О.И. Правовой режим персональных данных // Журнал российского права. 2014. № 12.

⁶ См.: Амелин Р.В. и др. Комментарий к Федеральному закону от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (постатейный) // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ См.: Бунаев К.В. Права человека и сроки хранения дактилоскопической информации: российский опыт // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Сер. «Юридические науки». Т. 21 (60). 2008. № 1. С. 211.

⁸ См.: Перепечина И.О. Федеральный закон «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации»: правовые и криминалистические аспекты // Вестник криминалистики. 2010. Вып. 1 (33). С. 16–22.

¹ См.: Demina R.E. K voprosu o rasshirenii ob#ektov kriminalisticheskogo ucheta sledov ruk s mest neraskrytyh prestuplenij // Vestnik kriminalistiki. 2009. Vyp. 1 (29). S. 124.

² См. подр.: Patrusheva T.V. Teorija i praktika primeneniya cifrovoj fotografii pri obnaruzhenii i issledovanii papilljarnyh uzorov: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Tjumen', 2005.

³ См.: Smushkin A.B. Kommentarij k Federal'nomu zakonu ot 25 ijulja 1998 g. № 128-FZ «O gosudarstvennoj daktiloskopicheskoj registracii v Rossijskoj Federacii» (postatejnij) // SPS «Konsul'tantPljus».

⁴ См.: Federal'nyj zakon ot 20.02.1995 g. № 24-FZ «Ob informacii, informatizacii i zashhite informacii» (v nastojashhee vremja utratil silu).

⁵ См.: Tereshhenko L.K., Tiunov O.I. Pravovoj rezhim personal'nyh dannyh // Zhurnal rossijskogo prava. 2014. № 12.

⁶ См.: Amelin R.V. i dr. Kommentarij k Federal'nomu zakonu ot 27 ijulja 2006 g. № 152-FZ «O personal'nyh dannyh» (postatejnij) // SPS «Konsul'tantPljus».

⁷ См.: Bunaev K.V. Prava cheloveka i sroki hraneniya daktiloskopicheskoj informacii: rossijskij opyt // Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Ser. «Juridicheskie nauki». T. 21 (60). 2008. № 1. S. 211.

⁸ См.: Perepechina I.O. Federal'nyj zakon «O gosudarstvennoj genomnoj registracii v Rossijskoj Federacii»: pravovye i kriminalisticheskie aspekty // Vestnik kriminalistiki. 2010. Vyp. 1 (33). S. 16–22.

УДК 343.01

О необходимости унификации целей наказания в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве

А.Л. САНТАШОВ – президент Фонда развития Северо-Западного института (филиала) Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент

В статье рассматривается соотношение целей наказания, уголовно-исполнительного законодательства и основных средств исправления осужденных. Автором предпринята попытка доказать необходимость и целесообразность их унификации в родственных отраслях законодательства криминального цикла.

Ключевые слова: цели наказания; цели уголовно-исполнительного законодательства; исправление осужденных; восстановление социальной справедливости; предупреждение совершения преступлений.

On the need for unification of the purposes of punishment in criminal and penal legislation

A.L. SANTASHOV – President of the Fund for the Development of the Northwest O.E. Kutafin Institute of the Moscow State Law University (branch), PhD. in Law, Associate Professor

The article considers the relation of the purposes of punishment, penal legislation and fundamental means of correction of convicts. The author attempts to prove the necessity and expediency of their unification in related areas of legislation.

Keywords: the purposes of punishment; purpose of penal legislation; correction of convicts; the restoration of social justice; prevention of crimes.

Рассматривая цели наказания, необходимо сразу подчеркнуть, что познание их сущности не является самоцелью, а имеет значительное теоретическое и прикладное значение. Как справедливо отметил И.С. Ной, смыслом такого познания является создание необходимых условий для дальнейшего исследования различных аспектов наказания, особенно его эффективности – наиболее сложной, но чрезвычайно важной на сегодняшний день проблемы¹. Цели наказания следует признать конечным мысленно предвосхищаемым результатом, которого стремится достичь государство применением наказания².

Цель и средства являются философскими, а не уголовно-правовыми категориями. Рассмотрим их подробнее.

В словаре русского языка С.И. Ожегова цель толкуется как «то, к чему стремятся, что надо осуществить»³, средство же определяется как «прием, способ действия для достижения чего-нибудь»⁴.

Цель всегда связана со способностью человека предвидеть будущее и результаты

своих действий. С одной стороны, это модель будущего, то, что нужно еще достичь, будущий результат деятельности, с другой – уже существующий образ желаемого результата. Данный системообразующий фактор как мысленный образ зафиксирован в действующем уголовном законодательстве⁵.

Формулировка целей наказания в отечественном праве уточнялась по мере развития уголовного законодательства, что вызывалось не только становлением уголовно-правовой науки, но и изменением социальной структуры общества, определившим эволюцию различного рода государственных институтов⁶.

В ч. 2 ст. 43 УК РФ 1996 г. к числу целей наказания отнесены: 1) восстановление социальной справедливости; 2) исправление осужденного; 3) предупреждение совершения новых преступлений.

В действующем УИК РФ цели института наказания вообще не обозначены. Однако ч. 1 ст. 1 содержит перечень целей уголовно-исполнительного законодательства, в

который входит исправление осужденных, предупреждение совершения новых преступлений осужденными (специальная превенция) и предупреждение совершения новых преступлений иными лицами (общая превенция). По этому поводу в правовой литературе встречаются справедливые замечания о том, что отсутствие унификации целей уголовного наказания в двух тесно взаимосвязанных отраслях свидетельствует о серьезном сбое в использовании средств законодательной техники⁷.

Правовой анализ перечисленных в УК РФ целей наказания позволяет прийти к выводу о том, что восстановление социальной справедливости признать одной из них достаточно трудно. В научной литературе последних лет высказывается мнение о необходимости восстановления социальной справедливости в ходе исполнения наказания, причем подобное воздаяние фактически призвано представлять собой кару для лица, совершившего преступление⁸. Другие же цели при этом выступают как факультативные и вспомогательные по отношению к цели воздаяния-кары⁹. Нами данный подход воспринимается весьма критично, поскольку, как представляется, не соответствует ни тенденциям развития отечественного уголовного законодательства¹⁰, ни существу целей наказания. В этой связи нельзя не согласиться с мнением Н.А. Беляева, Ф.Р. Сундунова и М.Д. Шаргородского о том, что месть и возмездие отвечают чувствам потерпевшего, но с государственной уголовно-правовой политикой не имеют ничего общего. Наказание лица, совершившего преступление, защищает порядок общественной жизни, что предоопределяет его общественную пользу, но никак не выступает в качестве средства отмщения или восстановления нарушенного преступником права¹¹.

Исправление осужденных как цель наказания тоже не бесспорна, и она получила свое закрепление не только в национальном, но и в международном законодательстве. В Европейских пенитенциарных правилах, принятых Комитетом министров Совета Европы 12.02.1987 г., в отличие от других источников права, достаточно глубоко и аргументированно раскрыто содержание исправления¹². «Цели исправительного воздействия на осужденных состоят в том, чтобы сохранить их здоровье и достоинство и в той степени, в которой это позволяет срок заключения, способствовать формированию у них чувства ответственности и

навыков, которые будут содействовать их реинтеграции в обществе, помогут им следовать требованиям законности и удовлетворять свои жизненные потребности собственными силами после освобождения»¹³.

Что же касается отечественного уголовно-исполнительного права, то трактовка категории исправления осужденных (ст. 9) достаточно созвучна легальному международно-правовому определению: это формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения.

В правовой литературе исправление рассматривается в трех аспектах: как цель наказания (и задача исправительного учреждения)¹⁴; исправительно-воспитательный процесс воздействия¹⁵; результат наиболее эффективного воздействия при помощи применения основных средств¹⁶.

Рассмотрение исправления осужденных в качестве самостоятельной цели наказания, на наш взгляд, вызывает определенные замечания. Следует согласиться с теми авторами, которые полагают, что оно конечной целью наказания не является, а представляет собой средство достижения его целей (промежуточную цель, или цель-средство)¹⁷.

Так, А.Л. Цветинович, оценивая проект УК РФ, опубликованный в январе 1992 г., писал: «Менее удачной представляется в проекте формулировка целей наказания. Многочисленные исследования специалистов позволяют сделать вывод: общей целью наказания является предупреждение преступлений»¹⁸. В этой связи он предлагал понимать под целями, во-первых, воспрепятствование осужденному продолжать преступную деятельность, а во-вторых, предупреждение совершения новых преступлений и осужденными, и третьими лицами. Цели же наказания достигаются, по его мнению, посредством исправления осужденного и оказания воспитательного воздействия на осужденного и других лиц¹⁹.

Э.С. Тенчов конкретизирует содержание общей цели следующим образом: «Если наказание – средство самозащиты общества от нарушения условий своего существования, то глобальной целью наказания, как и уголовного права в целом, выступает именно защита общества от преступных посягательств. При таком подходе зафиксированные в ст. 20 УК РСФСР 1960 г. и ст. 43 проекта нового уголовного кодекса цели исправления осужденных, специаль-

ной и общей превенции надо трактовать как промежуточные ради достижения указанной глобальной задачи»²⁰.

Подтверждением тезиса об исправлении осужденных как промежуточной цели наказания служат также законодательные предписания международного характера²¹. К примеру, в Минимальных стандартных правилах обращения с заключенными, принятых Первым конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями 30.08.1955 г., устанавливается, что целью наказания являются в конечном счете защита общества и предотвращение угрожающих обществу преступлений. Этого можно добиться только в том случае, если по отбытии срока заключения и по возвращении к нормальной жизни в обществе правонарушитель оказывается не только готовым, но и способным подчиниться законодательству и обеспечить свое существование. В этих целях учреждение должно использовать все исправительные, воспитательные, моральные и духовные силы в виде помощи, которыми оно располагает и которые оно считает подходящими, применяя их с учетом потребностей перевоспитания каждого заключенного²².

Оценивая степень разработанности проблемы исправления осужденных с точки зрения полноты раскрытия содержания его понятия, авторы высказывают крайне противоречивые мнения. Так, например, В.Ф. Ширяев отмечает, что в российской нормативной базе и научных трудах ученых-правоведов цель исправления пока не находит должного отражения, а некоторыми даже отрицается как таковая²³. А.А. Рябинин, напротив, относит к заслугам законодателя достаточно интересную формулировку понятия исправления в уголовно-исполнительном законе²⁴.

Взгляды некоторых ученых ограничиваются изложением цели исправления как цели далекой, не осуществимой в отдельных случаях, достижение которой гарантировано законом не полностью²⁵. В то же время О.Ф. Шишов, раскрывая цель исправления осужденного, приводит короткое суждение о том, что «исправление достигается тогда, когда человек, понесший наказание, понимает недостойность своего поведения, недопустимость совершения преступлений и не совершает их хотя бы уже потому, что боится наказания»²⁶.

По мнению А.А. Игнатьева, «цель исправления предполагает искоренение антиобщественных установок осужденного, которые

привели его к совершению преступления, с тем чтобы сделать из него полезного члена общества, способного честно трудиться и соблюдать законы»²⁷. Его позицию в целом разделяют В. Худолей и И. Черевко²⁸.

Как считают А.И. Зубков и А. Перегудов, юридическое значение цели исправления осужденных состоит в том, что на ее основании законодатель формулирует понятие исправления осужденных, определяет средства исправления и регламентирует их применение. Все это в свою очередь способствует грамотному юридическому пониманию процесса исправления осужденных и его результата²⁹. Он означает не только определение границ, пределов поведения осужденного, позволяющее кроме изменения вида исправительного учреждения, условий отбывания наказания, применения конкретных мер поощрения или взыскания, условно-досрочного освобождения или замены наказания обеспечивать законность применения средств исправления, как этого требует ч. 1 ст. 10 УИК РФ³⁰. Рассматривая исправление осужденных в качестве процесса, А. Перегудов охарактеризовал его как «формирование у осужденных уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование их правопослушного поведения посредством воспитательной работы, общественно полезного труда, получения общего образования, профессиональной подготовки и общественного воздействия, осуществляемых в условиях, создаваемых установленным порядком исполнения и отбывания наказания (режимом)»³¹. Подобных взглядов придерживаются также В.И. Аминов, В.П. Ревин³² и В.И. Селиверстов³³.

Мы также отдаем предпочтение предложенному выше определению, поскольку оно, помимо того что обладает теоретической убедительностью, вполне оправданно получило закрепление в нормах действующего уголовно-исполнительного законодательства, которые содержат как трактовку понятия исправления осужденных, так и перечень его основных средств (ч. 1, 2 ст. 9 УИК РФ).

Наконец, общепризнанным в науке уголовного права является отнесение общей и частной превенции к основным целям наказания³⁴. Мы также разделяем это суждение, поскольку без достижения данной цели вообще теряется смысл применения как наказания, так и иных мер уголовно-правового воздействия.

В правовой литературе, как представляется, делается справедливое замечание о том, что наказание как крайняя форма реализации уголовной ответственности³⁵ является собой правоограничение, в содержание которого входят такие элементы, как режим, труд, воспитательное и общественное воздействие на лицо, в отношении которого вынесен обвинительный приговор³⁶.

Высказанный тезис, несомненно, справедлив и в целом согласуется с действующими нормами уголовно-исполнительного законодательства. Вместе с тем имеются определенные трудности в уяснении смысла ч. 2 ст. 9 «Исправление осужденных и его основные средства» УИК РФ, согласно которой «основными средствами исправления осужденных являются установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим), воспитательная работа, общественно полезный труд, получение общего образования, профессиональная подготовка и общественное воздействие». Возникает вопрос о предназначении данных средств: служат они лишь для достижения цели исправления осужденных либо с их помощью достигаются и иные обозначенные в УК и УИК цели наказания?

По результатам проведенного нами анкетирования практических работников по данному вопросу складывается следующая картина: 91% респондентов считает, что эти средства призваны обеспечивать достиже-

ние всех целей уголовного наказания (восстановление социальной справедливости, исправление осужденного, а также предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами), 5% опрошенных указали лишь на исправление осужденного и 4% не смогли или не желали дать ответа³⁷.

Думается, что для обеспечения унификации норм уголовного и уголовно-исполнительного права и достижения единства юридической терминологии данные средства следует именовать основными средствами исполнения наказания. По этим соображениям наименование рассматриваемой статьи, а также ее вторая и третья части требуют новой редакции, а именно:

«Статья 9. Исправление осужденного и средства исполнения наказания

1. ...

2. Основными средствами исполнения наказания являются: установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим), воспитательная работа, общественно полезный труд, получение общего образования, профессиональная подготовка и общественное воздействие.

3. Средства исполнения наказания применяются с учетом его вида, характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности осужденного и его поведения».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Ной И.С. Сущность и функции уголовного наказания в советском государстве. Саратов, 1973. С. 78.

² См.: Уголовное право России. Часть Общая: Учеб. для вузов / Отв. ред. Л.Л. Кругликов. М., 2005. С. 347.

³ Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1984. С. 758.

⁴ Там же. С. 660.

⁵ См.: Ширяев В.Ф. Наказание в системе мер уголовно-правового воздействия: содержание, проблемы совершенствования: Дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2001. С. 54–55.

⁶ См.: Ной И.С. Сущность и функции уголовного наказания в советском государстве. С. 52–53.

⁷ См.: Кругликов Л.Л. Проблемы теории уголовного права: Избранные статьи. 1982–1999 гг. Ярославль, 1999. С. 122–127; Он же. Использование средств законодательной техники при регламентации процесса применения наказания // Проблемы пенитенциарной теории и практики: Щорічний бюлетень Київського інституту внутрішніх справ / Голов. ред. О.Ф. Штанько. Київ, 2004. № 9. С. 60; Жидков Э.В. Частное предупреждение преступлений как цель применения уголовного наказания: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2005. С. 14, 21–22; Сантатов А.Л. Вопросы законодательной техники и дифференциации исполнения лишения свободы в отношении несовершеннолетних. Вологда, 2013. С. 42.

⁸ См.: Истомин А.Ф., Лопаткин Д.А. Понятие и цели наказания // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2005. № 4. С. 184; Кашуба Ю.А., Скиба А.П. Проблемы определения целей уголовно-исполнительного законодательства // Человек: преступление и наказание. 2005. № 3. С. 46–50; Королева Е.В. Лишение свободы в аспекте достижения целей

¹ См.: Ной И.С. Сущность и функции уголовного наказания в советском государстве. Саратов, 1973. С. 78.

² См.: Уголовное право России. Часть Общая: Учеб. для вузов / Отв. ред. Л.Л. Кругликов. М., 2005. С. 347.

³ Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1984. С. 758.

⁴ Там же. С. 660.

⁵ См.: Ширяев В.Ф. Наказание в системе мер уголовно-правового воздействия: содержание, проблемы совершенствования: Дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2001. С. 54–55.

⁶ См.: Ной И.С. Сущность и функции уголовного наказания в советском государстве. С. 52–53.

⁷ См.: Кругликов Л.Л. Проблемы теории уголовного права: Избранные статьи. 1982–1999 гг. Ярославль, 1999. С. 122–127; Он же. Использование средств законодательной техники при регламентации процесса применения наказания // Проблеми пенитенциарної теорії і практики: Щорічний бюлетень Київського інституту внутрішніх справ / Голов. ред. О.Ф. Штанько. Київ, 2004. № 9. С. 60; Жидков Э.В. Частное предупреждение преступлений как цель применения уголовного наказания: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2005. С. 14, 21–22; Сантатов А.Л. Вопросы законодательной техники и дифференциации исполнения лишения свободы в отношении несовершеннолетних. Вологда, 2013. С. 42.

⁸ См.: Истомин А.Ф., Лопаткин Д.А. Понятие и цели наказания // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2005. № 4. С. 184; Кашуба Ю.А., Скиба А.П. Проблемы определения целей уголовно-исполнительного законодательства // Человек: преступление и наказание. 2005. № 3. С. 46–50; Королева Е.В. Лишение свободы в аспекте достижения целей наказания: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. С. 19; Карамышев С.В. Восстановление

наказания: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. С. 19; Карамышев С.Б. Восстановление справедливости как цель уголовного наказания: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004. С. 6; Липинский Д.А. Проблемы юридической ответственности. СПб., 2003. С. 251; Перминов О.Г. Проблемы реализации уголовного наказания: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. С. 15.

⁹ См. подр.: Зубкова В.И. Уголовное наказание и его социальная роль: законодательство, теория и практика: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2002. С. 10–11; Панкратов Р.И., Тарло Е.Г., Ермаков В.Д. Дети, лишённые свободы. М., 2003. С. 93–94; Якимович Ю.К. Назначение изменения условий содержания осуждённых // Якимович Ю.К. Избранные труды. СПб., 2011. С. 33–34.

¹⁰ Если УК РСФСР 1960 г. однозначно рассматривал наказание в качестве кары, то ныне действующий уголовный закон отказался от подобного отождествления (см.: Уголовный кодекс Российской Федерации: Науч.-практ. комментарий / Под ред. Л.Л. Кругликова, Э.С. Тенчова. Ярославль, 1994. С. 47).

¹¹ См. подр.: Личность преступника и применение наказания. Казань, 1980. С. 181; Сундуков Ф.Р. Сущность уголовного наказания // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 144. Юридические науки. Казань, 2003. С. 319–320, 326; Шаргородский М.Д. Избранные работы по уголовному праву. СПб., 2003. С. 254, 256.

¹² См.: Антипов А.Н. и др. О возможности и целесообразности имплементации некоторых положений Европейских тюремных правил в российское законодательство // Вестник Томского государственного университета. Сер. «Право». 2015. № 1. С. 13–20.

¹³ Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. М., 1998. С. 197–268.

¹⁴ См., напр.: Никонов В.А. Уголовное наказание и его общепредупредительное воздействие на преступность: Учеб. пособие. Тюмень, 1992. С. 12–16; Иمامов М.М. Виды наказаний и принципы формирования их системы: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004. С. 7; Ширяев В.Ф. Наказание в системе мер уголовно-правового воздействия: теория и практика. Вологда, 2004. С. 50.

¹⁵ См.: Ременсон А.Л. Теоретические вопросы исполнения лишения свободы и перевоспитания заключённых: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 1965. С. 14–17; Рябинин А.А. Основы исправительно-трудового (уголовно-исполнительного права) Российской Федерации. Вопросы дифференциации и индивидуализации наказания. М., 1995. С. 62; Перегудов А. Юридическое значение цели исправления осуждённых к лишению свободы // Преступление и наказание. 1998. № 4. С. 25–27; Бабаян С.Л. Правовое регулирование применения мер поощрения и взыскания в воспитательном воздействии на осуждённых к лишению свободы: Дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2003. С. 53–65.

¹⁶ См.: Шамис А.В. Основные средства воздействия на осуждённых и механизм их реализации. Домодедово, 1996. С. 106.

¹⁷ См., напр.: Тенчов Э.С. Цели наказания и их конкретизация при построении и применении санкций за преступления против собственности // Проблемы наказания и исполнения приговора в уголовном, уголовно-исполнительном и уголовно-процессуальном законодательстве. Кемерово, 1992. С. 39; Уголовное право России. Часть Общая: Учеб. для вузов / Отв. ред. Л.Л. Кругликов. М., 2000. С. 341–343 (авт. гл. – А.Л. Цветинович); Маликов Б.З. Теоретические проблемы сущности и содержания лишения свободы и их выражение в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве России: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2004. С. 12.

¹⁸ Цветинович А.Л. Проблемы наказания в новом законодательстве // Проблемы наказания и исполнения приговора в уголовном, уголовно-исполнительном и уголовно-процессуальном законодательстве. С. 4.

¹⁹ См.: Там же. С. 4–5.

²⁰ Тенчов Э.С. Цели наказания и их конкретизация при построении и применении санкций за преступления против собственности. С. 39.

²¹ См. подр.: Уткин В.А. Факторы пенализации и международное уголовное право // Вестник Томского госу-

справедливости как цель' уголовного наказания: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004. С. 6; Липинский Д.А. Проблемы юридической ответственности. СПб., 2003. С. 251; Перминов О.Г. Проблемы реализации уголовного наказания: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. С. 15.

⁹ См. подр.: Зубкова В.И. Уголовное наказание и его социальная роль: законодательство, теория и практика: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2002. С. 10–11; Панкратов Р.И., Тарло Е.Г., Ермаков В.Д. Дети, лишённые свободы. М., 2003. С. 93–94; Якимович Ю.К. Назначение изменения условий содержания осуждённых // Якимович Ю.К. Избранные труды. СПб., 2011. С. 33–34.

¹⁰ Если УК РСФСР 1960 г. однозначно рассматривал наказание в качестве кары, то ныне действующий уголовный закон отказался от подобного отождествления (см.: Уголовный кодекс Российской Федерации: Науч.-практ. комментарий / Под ред. Л.Л. Кругликова, Э.С. Тенчова. Ярославль, 1994. С. 47).

¹¹ См. подр.: Личность преступника и применение наказания. Казань, 1980. С. 181; Сундуков Ф.Р. Сущность уголовного наказания // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 144. Юридические науки. Казань, 2003. С. 319–320, 326; Шаргородский М.Д. Избранные работы по уголовному праву. СПб., 2003. С. 254, 256.

¹² См.: Антипов А.Н. и др. О возможности и целесообразности имплементации некоторых положений Европейских тюремных правил в российское законодательство // Вестник Томского государственного университета. Сер. «Право». 2015. № 1. С. 13–20.

¹³ Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. М., 1998. С. 197–268.

¹⁴ См., напр.: Никонов В.А. Уголовное наказание и его общепредупредительное воздействие на преступность: Учеб. пособие. Тюмень, 1992. С. 12–16; Иمامов М.М. Виды наказаний и принципы формирования их системы: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004. С. 7; Ширяев В.Ф. Наказание в системе мер уголовно-правового воздействия: теория и практика. Вологда, 2004. С. 50.

¹⁵ См.: Ременсон А.Л. Теоретические вопросы исполнения лишения свободы и перевоспитания заключённых: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 1965. С. 14–17; Рябинин А.А. Основы исправительно-трудового (уголовно-исполнительного права) Российской Федерации. Вопросы дифференциации и индивидуализации наказания. М., 1995. С. 62; Перегудов А. Юридическое значение цели исправления осуждённых к лишению свободы // Преступление и наказание. 1998. № 4. С. 25–27; Бабаян С.Л. Правовое регулирование применения мер поощрения и взыскания в воспитательном воздействии на осуждённых к лишению свободы: Дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2003. С. 53–65.

¹⁶ См.: Шамис А.В. Основные средства воздействия на осуждённых и механизм их реализации. Домодедово, 1996. С. 106.

¹⁷ См., напр.: Тенчов Э.С. Цели наказания и их конкретизация при построении и применении санкций за преступления против собственности // Проблемы наказания и исполнения приговора в уголовном, уголовно-исполнительном и уголовно-процессуальном законодательстве. Кемерово, 1992. С. 39; Уголовное право России. Часть Общая: Учеб. для вузов / Отв. ред. Л.Л. Кругликов. М., 2000. С. 341–343 (авт. гл. – А.Л. Цветинович); Маликов Б.З. Теоретические проблемы сущности и содержания лишения свободы и их выражение в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве России: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2004. С. 12.

¹⁸ Цветинович А.Л. Проблемы наказания в новом законодательстве // Проблемы наказания и исполнения приговора в уголовном, уголовно-исполнительном и уголовно-процессуальном законодательстве. С. 4.

¹⁹ См.: Там же. С. 4–5.

²⁰ Тенчов Э.С. Цели наказания и их конкретизация при построении и применении санкций за преступления против собственности. С. 39.

²¹ См. подр.: Уткин В.А. Факторы пенализации и международное уголовное право // Вестник Томского государственного университета. Серия «Право». 2015. № 2. С. 128–138.

²² См.: Международная защита прав и свобод человека. М., 1990. С. 290–318.

²³ См.: Ширяев В.Ф. Наказание в системе мер уголовно-правового воздействия: теория и практика. С. 45.

дарственного университета. Серия «Право». 2015. № 2. С. 128–138.

²² См.: Международная защита прав и свобод человека. М., 1990. С. 290–318.

²³ См.: Ширяев В.Ф. Наказание в системе мер уголовно-правового воздействия: теория и практика. С. 45.

²⁴ См.: Рябинин А.А. Проблемы наказания на новом этапе совершенствования уголовного и уголовно-исполнительного законодательства. Домодедово, 2000. С. 92.

²⁵ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. М., 1996. С. 125.

²⁶ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. О.Ф. Шишова. М., 1998. Т. 1. С. 135.

²⁷ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации с постатейными материалами и судебной практикой / Под общ. ред. С.И. Никулина. М., 2000. С. 196.

²⁸ См.: Худoley В., Черевко И. Новый подход к исправлению осужденных // Преступление и наказание. 1998. № 8. С. 25.

²⁹ См.: Зубков А.И. Законодательство как гарант реализации цели исправления // Там же. № 4. С. 27–29; Перегудов А. Юридическое значение цели исправления осужденных к лишению свободы. С. 27.

³⁰ См.: Зубков А.И. Законодательство как гарант реализации цели исправления. С. 29; Чубраков С.В. Дифференциация и индивидуализация исполнения наказания как принцип уголовно-исполнительного права: проблема интерпретации в современной науке // Уголовная юстиция. 2014. № 2. С. 53–59.

³¹ Перегудов А. Юридическое значение цели исправления осужденных к лишению свободы. С. 25.

³² См.: Аминов В.И., Ревин В.П. Задачи, схемы и алгоритмы квалификации по уголовному праву. Общая и Особенная части. М., 1999. С. 111.

³³ См.: Уголовно-исполнительное право: Учеб. для юрид. вузов / Под ред. В.И. Селиверстова. М., 2002. С. 59.

³⁴ См.: Васильев И.М. Наказание по советскому уголовному праву. М., 1973. С. 9–10; Карпец И.И. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы. М., 1973. С. 139; Шаргородский М.Д. Избранные работы по уголовному праву. СПб., 2003. С. 260; Уголовное право России: Учеб. для вузов / Под общ. ред. Л.Л. Кругликова. М., 1999. С. 341–343; Гришко А.Я. Предупредительная функция норм уголовно-исполнительного права и законные интересы осужденного // Вестник Томского государственного университета. Сер. «Право». 2015. № 3. С. 12–23.

³⁵ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: постатейный / Отв. ред. Л.Л. Кругликов. М., 2005. С. 97 (авт. комментария к ст. 43 – В.К. Дуюнов).

³⁶ См.: Уголовное право России. Часть Общая: Учеб. для вузов / Отв. ред. Л.Л. Кругликов. М., 2005. С. 346.

³⁷ В 2013–2015 гг. нами было проведено анкетирование 493 сотрудников исправительных и воспитательных колоний УФСИН России по Алтайскому и Пермскому краям, Архангельской, Астраханской, Владимирской, Вологодской, Ленинградской, Орловской, Оренбургской, Свердловской областям, Республике Коми, г. Москве и Санкт-Петербургу.

²⁴ См.: Rjabinin A.A. Problemy nakazaniya na novom jetape sovershenstvovaniya ugolovnogo i ugolovno-ispolnitel'nogo zakonodatel'stva. Domodedovo, 2000. S. 92.

²⁵ См.: Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii / Pod obshh. red. Ju.I. Skuratova, V.M. Lebedeva. M., 1996. S. 125.

²⁶ Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii / Pod red. O.F. Shishova. M., 1998. T. 1. S. 135.

²⁷ Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii s postatejnymi materialami i sudebnoj praktikoj / Pod obshh. red. S.I. Nikulina. M., 2000. S. 196.

²⁸ См.: Hudoley V., Cherevko I. Novyj podhod k ispravleniju osuzhdennyh // Prestuplenie i nakazanie. 1998. № 8. S. 25.

²⁹ См.: Zubkov A.I. Zakonodatel'stvo kak garant realizacii celi ispravlenija // Tam zhe. № 4. S. 27–29; Peregudov A. Juridicheskoe znachenie celi ispravlenija osuzhdennyh k lisheniju svobody. S. 27.

³⁰ См.: Zubkov A.I. Zakonodatel'stvo kak garant realizacii celi ispravlenija. S. 29; Chubrakov S.V. Differenciacija i individualizacija ispolnenija nakazaniya kak princip ugolovno-ispolnitel'nogo prava: problema interpretacii v sovremennoj nauke // Ugolovnaja justicija. 2014. № 2. S. 53–59.

³¹ Peregudov A. Juridicheskoe znachenie celi ispravlenija osuzhdennyh k lisheniju svobody. S. 25.

³² См.: Aminov V.I., Revyn V.P. Zadachi, shemy i algoritmy kvalifikacii po ugolovnomu pravu. Obshhaja i Osobennaja chasti. M., 1999. S. 111.

³³ См.: Ugolovno-ispolnitel'noe pravo: Ucheb. dlja jurid. vuzov / Pod red. V.I. Seliverstova. M., 2002. S. 59.

³⁴ См.: Vasil'ev I.M. Nakazanie po sovetскому ugolovnomu pravu. M., 1973. S. 9–10; Karpec I.I. Nakazanie. Social'nye, pravovye i kriminologicheskie problemy. M., 1973. S. 139; Shargorodskij M.D. Izbrannye raboty po ugolovnomu pravu. SPb., 2003. S. 260; Ugolovnoe pravo Rossii: Ucheb. dlja vuzov / Pod obshh. red. L.L. Kruglikova. M., 1999. S. 341–343; Grishko A.Ja. Predupreditel'naja funkcija norm ugolovno-ispolnitel'nogo prava i zakonnye interesy osuzhdennogo // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. «Pravo». 2015. № 3. S. 12–23.

³⁵ См.: Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii: postatejnyj / Otv. red. L.L. Kruglikov. M., 2005. S. 97 (авт. комментария к ст. 43 – В.К. Дуюнов).

³⁶ См.: Ugolovnoe pravo Rossii. Chast' Obshhaja: Ucheb. dlja vuzov / Otv. red. L.L. Kruglikov. M., 2005. S. 346.

³⁷ В 2013–2015 гг. нами было проведено анкетирование 493 сотрудников исправительных и воспитательных колоний УФСИН России по Алтайскому и Пермскому краям, Архангельской, Астраханской, Владимирской, Вологодской, Ленинградской, Орловской, Оренбургской, Свердловской областям, Республике Коми, г. Москве и Санкт-Петербургу.

УДК 343.85

Некоторые аспекты профилактики пенитенциарной преступности

С.А. ХОХРИН – заместитель начальника отдела организации службы охраны управления охраны и конвоирования ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

В статье затрагиваются некоторые аспекты профилактики преступности осужденных в исправительных учреждениях и выработки мер по предупреждению пени-

пенитенциарных преступлений, анализируются специальные причины совершения преступлений в местах лишения свободы с учетом результатов опроса осужденных и сотрудников уголовно-исполнительной системы. Автор обращает особое внимание на влияние таких факторов, как невыполнение требований нормативных правовых актов и организационно-распорядительных документов, ухудшение состояния инженерно-технического обеспечения деятельности исправительных учреждений.

Ключевые слова: пенитенциарная преступность; меры предупреждения; преступление; осужденный; исправительные учреждения; режим; техническое оснащение объектов.

Some aspects of the penal crime prevention

S.A. KHOKHRIN – Deputy Head of the Department of Security Organization of the Security and Convoy Department of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor

The article raises some aspects of the prevention of convicts crimes in penal institutions and to develop measures to prevent the penal crimes, are analyzed specific causes of committing crimes in penal institutions, taking into account the results of the survey of convicts and employees of the correctional system. The author pays particular attention to the impact of factors such as the failure to comply with regulations and organizational and administrative documents, the deterioration of the technical maintenance of penal institutions.

Keywords: prison crime; preventive measures; a crime; convicted; penal institutions; regime; technical equipment facilities.

По справедливому утверждению Ч. Беккариа, «лучше предупреждать преступления, чем карать за них»¹. Для того чтобы предупреждать преступления, совершаемые осужденными в исправительных учреждениях, прежде всего необходимо выявить причины и условия, способствующие их совершению. Доказано, что любое преступление (или преступность как более глобальное социальное явление) реализуется при достаточной совокупности необходимых условий – явлений, обстоятельств, которые образуют его среду, сопутствуют ему и обеспечивают его определенное развитие. В механизме причинности преступности причина порождает следствие, условие этому способствует. Поэтому речь всегда идет о совместном их действии, необходимой связи в качестве элементов единой действующей системы.

Анализ следственной и судебной практики (были обобщены материалы приговоров 1217 уголовных дел о преступлениях, совершенных осужденными в исправительных учреждениях, возбужденных в 49 субъектах Российской Федерации в 2005–2014 гг.), а также проведенное нами социологическое исследование² показали, что причины и условия совершения преступлений в исправительных учреждениях условно можно раз-

делить на специальные, связанные с самой сутью лишения свободы, и общие, находящиеся как внутри, так и за пределами исправительного учреждения.

Именно специальные причины в первую очередь приводят к совершению пенитенциарных преступлений. Интерес представляют все возможные меры профилактики, но обязательным элементом этих мер должна быть направленность их воздействия на пенитенциарную преступность. Учитывая специфику учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, а также противоправных действий, совершаемых в них, допустимо, на наш взгляд, утверждение о том, что, предупреждая одно преступление, мы пресекаем возможность совершения нескольких иных противоправных деяний.

Не рассматривая теоретические аспекты профилактики, перейдем к анализу практических мер, направленных на предупреждение пенитенциарной преступности. Следует сразу оговориться, что специфика предмета исследования заметно сужает проблематику общей и специальной профилактики в местах лишения свободы, которой посвящено значительное количество работ отечественных и зарубежных криминологов³.

Уголовно-исполнительная система, прежде всего в лице оперативных, режимных и

воспитательных служб, обязана не допускать противоправных действий со стороны лиц, находящихся в местах лишения свободы. Тем не менее для указанных служб характерны такие проблемы, как неукомплектованность штата, недостаточная квалификация отдельных сотрудников, текучесть кадров, а в отдельных случаях – преступные связи с уголовным миром и даже участие в его деятельности. Как отмечают специалисты, одной из болевых точек является вопрос качества подготовки руководящего и оперативного составов в учреждениях и органах УИС⁴. Все это происходит на фоне постоянной оптимизации личного состава исправительных учреждений. В рамках реализации поручения Президента Российской Федерации от 12.12.2011 № Пр-3726, предусматривающего сокращение численности УИС к 2016 г., в период с 2011 г. по настоящее время количество штатных должностей сотрудников уменьшено на 22%. В результате только с 2012 по 2015 гг. на объектах УИС сокращено 1739 постов⁵, что способствовало ослаблению контроля за осужденными, снижению уровня физической защиты подведомственных объектов и возникновению различного рода недостатков в системе предупреждения пенитенциарных преступлений. Данные обстоятельства, в свою очередь, приводят к сокращению плотности надзора за осужденными, росту чувства вседозволенности у осужденных, увеличению числа жалоб на работу исправительных учреждений и сходного рода стремлений со стороны общественности и надзорных органов, ухудшению оперативной обстановки в связи с постоянным нахождением большей части трудоспособных осужденных в жилой зоне. Безусловно, это лишь часть тех проблем, которые не позволяют в полной мере осуществлять профилактическую функцию в условиях изоляции.

Косвенно это подтверждается результатами проведенного нами социологического исследования⁶. Опрос осужденных, совершивших преступления в период отбывания наказания, выявил следующее: более 61% из них уверены, что преступления, имеющие место в исправительных учреждениях, раскрываются только в одном случае из пяти. Основной причиной этого опрашиваемые считают неэффективность работы оперативных подразделений. Сходное мнение высказывают сами сотрудники данных подразделений. Показательным является объяснение этой неэффективности. Осужденные уверены, что сотрудники УИС стремятся

скрыть сам факт преступления, чтобы не портить статистической отчетности (44,9%).

С точки зрения опрошенных сотрудников, основными причинами указанного положения являются:

1. Сложность получения информации, обусловленная спецификой исправительных учреждений («закон молчания») – 38,1%.

2. Недостаточность кадров (как сотрудников, так и лиц, оказывающих содействие оперативным работникам) – 23,7%.

3. Слабое финансирование – 14,9%.

Респондентами перечислены лишь основные проблемы. Естественно, их гораздо больше. Именно поэтому для профилактики пенитенциарных преступлений необходимо определить тот уровень информации, который может способствовать данному процессу. Так, мы считаем, что важно обращать внимание на следующую информацию:

- увеличение попыток проноса спиртосодержащих жидкостей, а также фактов изъятия данных жидкостей при проведении обысковых мероприятий;

- активизация использования запрещенных сотовых телефонов на территории исправительного учреждения;

- совершение массовых членовредительств среди осужденных;

- увеличение совершения осужденными дисциплинарных нарушений;

- увеличение конфликтных ситуаций между осужденными и сотрудниками или между самими осужденными.

Полагаем необходимым также указать на наличие следующих проблем:

1. Слабая оснащенность инженерно-техническим оборудованием охраняемых объектов либо несвоевременное его совершенствование, затрудняющие переход на прогрессивные способы несения службы.

2. Ухудшение качественного состояния инженерных средств охраны и надзора, являющихся главным фактором обеспечения изоляции осужденных. Так, если в 2010 г. ремонта, реконструкции и замены требовали 14% инженерных средств охраны, то в 2013 г. этот показатель увеличился до 16,9% (рост на 2,9%), в 2014 г. – до 19,8% (рост на 2,9% в сравнении с предыдущим годом), а в первом полугодии 2015 г. – до 24,2% (рост на 4,4% в сравнении с 2014 г.). Таким образом, к настоящему времени практически четверть оборудования охраняемых объектов утратила свои сдерживающие свойства. Например, с 2006 по 2015 гг. количество побегов и покушений на побеги из-под охраны, совершенных при несрабатывании «нулевых»

рубежей обнаружения, увеличилось в 9 раз (с 1 до 9 случаев).

Данные сведения указывают на снижение качества проведения регламентных работ по обслуживанию инженерно-технических средств охраны и надзора (ИТСОН) и поддержанию их в рабочем состоянии. В числе проблемных моментов также можно назвать длительное отключение охранной сигнализации при профилактических работах, недостаточное оснащение контрольно-пропускных пунктов техническими средствами досмотра, слабое перекрытие системой видеонаблюдения жилых и производственных объектов либо отсутствие таковой.

Перечисленные проблемы приводят, по нашему мнению, к недостаткам в служебной деятельности, повышению уровня негативного влияния человеческого фактора на состояние оперативной обстановки в исправительном учреждении. В этой связи следует упомянуть:

- недостаточное качество мероприятий по выявлению и перекрытию побегоопасных, тараноопасных и подкопоопасных направлений, контролю за оперативно-служебной деятельностью подчиненных учреждений УИС службы караулов и дежурных смен;

- слабое проведение воспитательной работы и мероприятий по морально-психологическому обеспечению службы караулов и служебных нарядов;

- просчеты в работе обыскowo-маневренных групп по противодействию проникновению запрещенных предметов в исправительное учреждение;

- слабый контроль за осужденными, состоящими на профилактическом учете, на рабочих местах и в жилой зоне;

- нарушения пропускного режима;
- низкую квалификацию инженерно-технического персонала отделов охраны.

В целом необходимо, на наш взгляд, предусмотреть осуществление комплекса мероприятий, направленных на повышение технической оснащенности служб охраны и безопасности исправительных учреждений. Правильное применение технических средств, несомненно, повышает эффективность воздействия на процессы, происходящие в учреждении, поскольку техника позволяет свести к минимуму время, затрачиваемое на сбор, обработку и передачу необходимой для профилактической работы информации.

Таким образом, причинный комплекс пенитенциарной преступности обладает определенными отличительными признаками. В первую очередь, необходимо отметить негативное влияние так называемого человеческого фактора: именно невыполнение требований нормативных правовых актов и организационно-распорядительных документов, регламентирующих деятельность исправительного учреждения, как правило, создает условия для совершения осужденными преступлений. Серьезной проблемой также является ухудшение состояния инженерно-технического обеспечения деятельности исправительных учреждений (состояние средств ИТСОН, квалификация инженерно-технического персонала и др.).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1995. С. 230.

² Результаты анкетирования руководящего состава сотрудников исправительных учреждений (всего опрошено 418 респондентов).

³ См., напр.: Михлин А.С. Личность осужденных к лишению свободы и проблемы их исправления и перевоспитания. Фрунзе, 1980; Антонян Ю.М. Психологическое отчуждение личности и преступное поведение. Ереван, 1987; Абельцев С.Н. Личность преступника и проблемы криминального насилия. М., 2000; Расторопов С.В. Борьба с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью граждан в исправительных колониях. М.; Рязань, 2000; Tard G. La criminalite compare. P., 1886; Кларк Р. Преступность в США. М., 1975.

⁴ См.: Горяинов К.К., Зайченко Е.Ю. Направления развития оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2014. № 25. С. 24.

⁵ См.: Хабаров А.В. Некоторые аспекты совершенствования работы с личным составом // II Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление». Рязань, 2015.

⁶ В рамках изучения вопросов совершения осужденными преступлений в период отбывания наказания нами были опрошены 1763 чел. в 37 территориальных органах ФСИН России.

¹ Bekkaria Ch. O prestuplenijah i nakazaniyah. M., 1995. S. 230.

² Rezul'taty anketirovanija rukovodjashhego sostava sotrudnikov ispravitel'nyh uchrezhdenij (vsego oprosheno 418 respondentov).

³ Sm., napr.: Mihlin A.S. Lichnost' osuzhdennyh k lisheniju svobody i problemy ih ispravlenija i perevospitanija. Frunze, 1980; Antonjan Ju.M. Psihologicheskoe otchuzhdenie lichnosti i prestupnoe povedenie. Erevan, 1987; Abel'cev S.N. Lichnost' prestupnika i problemy kriminal'nogo nasilija. M., 2000; Rastoropov S.V. Bor'ba s umyshlennym prichineniem tjazhkogo vreda zdorov'ju grazhdan v ispravitel'nyh kolonijah. M.; Rjazan', 2000; Tard G. La cpiminalite compare. P., 1886; Klark R. Prestupnost' v SShA. M., 1975.

⁴ Sm.: Gorjainov K.K., Zajchenko E.Ju. Napravlenija razvitiya operativno-rozysknoj dejatel'nosti v ugovlovno-ispolnitel'noj sisteme // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2014. № 25. S. 24.

⁵ Sm.: Habarov A.V. Nekotorye aspekty sovershenstvovaniya raboty s lichnym sostavom // II Mezhduнародный penitencijarnyj forum «Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie». Rjazan', 2015.

⁶ V ramkah izuchenija voprosov sovershenija osuzhdennymi prestuplenij v period otbyvanija nakazaniya nami byli oprosheny 1763 chel. v 37 territorial'nyh organah FSIN Rossii.

Проблема создания и обеспечения функционирования института помощников начальников территориальных органов ФСИН России по организации работы с верующими

Д.О. МАТВЕЕВ – преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Пермского института ФСИН России

Статья посвящена проблеме введения должности помощника начальника территориального органа Федеральной службы исполнения наказаний по организации работы с верующими. В ней представлены и рассмотрены противоречивые точки зрения на содержание деятельности данного должностного лица и ее обеспечение.

Ключевые слова: институт помощников начальников территориальных органов Федеральной службы исполнения наказаний по организации работы с верующими; тюремное служение; пенитенциарная система; осужденные; духовенство.

The problem of the establishment and functioning of the institution assistant chief of the territorial bodies of the Federal Penal Service of Russia for the organization of work with spirituals

D.O. MATVEEV – Lecturer of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the Perm Institute of the Federal Penal Service of Russia

The article deals with the introduction of the post of assistant chief of the territorial body of the Federal Penal Service for the organization of work with the spirituals. It presents and discusses controversial points of view on the content of activities of official and its support.

Key words: institute assistant chief of the territorial bodies of the Federal Penal Service for the organization of work with spirituals; prison ministry; the penal system; convict; clergy.

Проблема включения представителей духовенства в штат исправительных учреждений (по примеру стран Европы и США) давно является предметом активных дискуссий среди отечественных ученых и общественных деятелей. Так, известный правозащитник Л.И. Алексеева, выступающая против инициативы создания в государственных структурах службы капелланов, принадлежащих к какой-либо конфессии, утверждает, что наличие данного института противоречит принципу поликонфессиональности российского государства, его светскому характеру. Иного мнения придерживается В.Г. Лещенко, считающая, что без службы пенитенциарных священнослужителей невозможны обновление, гуманизация и совершенствование отечественной системы исполнения наказаний. При этом доводы о нарушении принципов светского государства, по ее мнению, являются необоснован-

ными, так как удовлетворение религиозных потребностей и духовных нужд осужденных должно быть добровольным и деятельность тюремного пастыря не может быть основана на прозелитизме или установлении какого-либо культа в качестве обязательного¹.

Учитывая богатый исторический опыт, а также высокие показатели работы тюремных капелланов в отдельных странах, руководство ФСИН России с 2010 г. ведет планомерную работу по созданию в структуре уголовно-исполнительной системы службы пенитенциарного духовенства, важным этапом которой стала реализация с февраля 2010 г.² по декабрь 2013 г.³ пилотного проекта по включению священнослужителей Русской православной церкви в деятельность исправительных учреждений на штатной основе⁴.

12 июня 2014 г. Президентом Российской Федерации было дано поручение прави-

тельству № Пр-1408 о создании в уголовно-исполнительной системе института тюремного духовенства. Во исполнение его 17 октября 2014 г. в Постановление Правительства Российской Федерации «Об оплате труда работников федеральных государственных органов, замещающих должности, не являющиеся должностями федеральной государственной гражданской службы»⁵ были внесены изменения, согласно которым в структуру уголовно-исполнительной системы была введена должность помощника начальника территориального органа Федеральной службы исполнения наказаний по организации работы с верующими⁶. Оклад по указанной должности составляет 4070 руб. Лицам, замещающим такого рода должности, также полагаются дополнительные выплаты, такие как «ежемесячная надбавка за сложность, напряженность и высокие достижения в труде в размере от 50 до 100 процентов должностного оклада», «ежемесячная надбавка к должностному окладу за выслугу лет», «премии по результатам работы» и др.

Нововведения в отечественной пенитенциарной системе вызвали массу неоднозначных оценок со стороны экспертов. Так, зампред общественного совета при МВД России по г. Москве Антон Цветков считает, что необходимости вводить новые должности в территориальные органы ФСИН России не было. По его словам, за взаимодействие пенитенциарной системы со священниками мог бы отвечать имеющийся в каждом региональном управлении помощник начальника по соблюдению прав человека в УИС⁷.

Противники реализуемого подхода в качестве аргумента приводят также следующее обстоятельство. В большинстве религиозных объединений, сотрудничающих с уголовно-исполнительной системой, созданы структурные подразделения, ответственные за организацию тюремного служения во главе с руководителем. По их мнению, введение должности помощника сформирует систему двойного управления со смешением полномочий, что приведет к ухудшению результатов.

Вместе с тем опыт европейских стран по организации тюремного служения свидетельствует об обратном. Во главе Службы тюремных капелланов Великобритании стоит генеральный капеллан, который одновременно носит сан архидиакона англиканской церкви и является государственным служащим⁸. Он имеет заместителей по регионам (Англия и Уэльс), принадлежащих

к различным христианским конфессиям. Помимо этого, в иерархии англиканской церкви существует должность епископа по тюрьмам, полномочия которого близки с полномочиями генерального капеллана, но не тождественны им. В итоге действует достаточно сложная система, согласно которой религиозным служением в британских тюрьмах руководят два должностных лица, одно из которых является представителем англиканской церкви и государства, а второе – только представителем церкви. Как показала практика, такая система имеет ряд преимуществ. Во-первых, разделение полномочий между названными субъектами помогает более качественному выполнению ими своих обязанностей, способствует достижению поставленных целей, во-вторых, отсутствие принадлежности одного из субъектов к властным структурам (епископ по тюрьмам) служит гарантией независимости всей службы тюремных капелланов от воли каких-либо должностных лиц⁹.

К сожалению, на данный момент окончательно не решен вопрос о том, кто должен замещать должность помощника начальника территориального органа ФСИН России по организации работы с верующими. Приверженцы Русской православной церкви видят на должности помощника наиболее подготовленного священнослужителя, обладающего большим опытом духовно-пастырской работы с осужденными в исправительных учреждениях. Представители остальных конфессий, в частности мусульмане, считают, что помощником «должен быть светский человек, специалист с соответствующим образованием, универсальный для всех конфессий»¹⁰. Полагаем, что последняя точка зрения является более обоснованной, так как назначение на должность помощника начальника территориального органа ФСИН России лица, принадлежащего к какой-либо из зарегистрированных религиозных организаций, приведет к системе двойного подчинения, что при определенных обстоятельствах может стать причиной возникновения конфликта интересов.

Следует отметить, что институт помощников по организации работы с верующими не является новым для отечественной правовой системы. На протяжении нескольких лет в Вооруженных Силах Российской Федерации успешно функционируют помощники командиров по работе с верующими¹¹. Изначально данные должности создавались в подразделениях Минобороны России, дислоцированных за рубежом. В дальнейшем нововведения коснулись всех структурных

подразделений армии на территории нашей страны (до бригады включительно). Примечательно, что в вооруженных силах должности помощников по работе с верующими занимают священнослужители той конфессии, которая наиболее широко представлена в данном воинском подразделении.

За время действия данного института в армии среди личного состава произошли большие положительные изменения: возросло число верующих военнослужащих, значительно снизилось количество совершаемых ими дисциплинарных проступков. Вместе с тем исследование деятельности помощников командиров по работе с верующими позволило выявить ряд проблемных моментов, которые следует учитывать при организации деятельности такого рода помощников в территориальных органах УИС.

Во-первых, большие сложности в процессе повседневной деятельности помощников вызывают непонимание со стороны командиров (начальников), низкий духовно-педагогический уровень офицерского состава, принижение роли богослужений. Трудность оптимизации военно-конфессиональных отношений во многом определена годами складывающейся порочной практикой, когда приоритет боевой подготовки идет в ущерб работе с личным составом.

Во-вторых, отмечается низкая вовлеченность военных священнослужителей в повседневную жизнедеятельность воинской части (корабля). Безусловно, нет острой необходимости в постоянном присутствии помощника по работе с верующими военнослужащими на совещаниях, проводимых командиром, и построениях личного состава. Тем не менее неофициальное звание полкового священника в какой-то мере обязывает находиться в курсе дел, происходящих в воинской части.

В-третьих, трудности в организации богослужений, просветительской и воспитательной деятельности вызывает отсутствие (удаленность) храма и духовной атрибутики. У подавляющего большинства помощников по работе с верующими военнослужащими нет оборудования для походного храма, или оно имеется не в полном объеме¹².

По мнению О.Н. Маркеловой, кандидат на должность помощника начальника территориального органа ФСИН России по организации работы с верующими должен соответствовать следующим требованиям:

1) гражданство Российской Федерации, отсутствие двойного гражданства;

2) дееспособность и отсутствие судимости (лицо ранее не привлекалось к уголовной ответственности);

3) высшее профессиональное гуманитарное образование, подтвержденное дипломом государственного образца по направлениям подготовки бакалавриата (магистратуры);

4) способность по своим деловым, личным и нравственным качествам, а также состоянию здоровья выполнять служебные обязанности;

5) успешное прохождение тестирования на отсутствие алкогольной, наркотической и иной токсической зависимости;

6) своевременное представление достоверных документов и сведений, необходимых для поступления на работу в уголовно-исполнительную систему;

7) соответствие утвержденным квалификационным требованиям к должности помощника начальника территориального органа ФСИН России по организации работы с верующими¹³.

Представляется, что кандидат на должность помощника также должен владеть профессиональными навыками практического обеспечения государственно-конфессионального и общественно-конфессионального взаимодействия; участия в межрелигиозном и межэтническом диалоге, в том числе в международном контексте; участия в разработке вопросов в области разрешения конфликтов на религиозной, этнической и национальной почве, в сфере профилактики и противодействия экстремизму, терроризму и иной деструктивной деятельности религиозных групп; осуществления социально-правовой защиты, отстаивания интересов осужденных во всех сферах их жизнедеятельности; организации взаимодействия с государственными, общественными, благотворительными, религиозными организациями; рассмотрения поступающих в учреждения и органы УИС обращений и формулирования квалифицированных ответов на них; конструктивного общения в процессе профессиональной деятельности, выстраивания социальных и профессиональных взаимодействий с учетом этнокультурных и конфессиональных различий; владения методами поддержания, восстановления и формирования социально полезных связей осужденных; анализа психологических особенностей основных средств исправления осужденных; оптимизации социально-психологического климата в коллективе сотрудников; веде-

ния деловых переговоров, взаимодействия с органами государственной власти, представителями субъектов Российской Федерации, муниципальных образований; планирования работы, пользования современной оргтехникой и программными продуктами, осуществления подготовки внутренних и исходящих документов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Лещенко В.Г. Пути совершенствования правовой регламентации религиозной деятельности, осуществляемой в местах лишения свободы // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2012. № 1 (17). С. 20.

² См.: Письмо заместителя директора Федеральной службы исполнения наказаний начальникам территориальных органов ФСИН России по списку от 26.02.2010 г. № 10/15-160 // Архив УФСИН России по Вологодской области.

³ См.: Письмо заместителя директора Федеральной службы исполнения наказаний начальникам территориальных органов ФСИН России по списку от 02.12.2013 г. № 03-43693 // Там же.

⁴ См.: Мельникова Н.А., Матвеев Д.О. К вопросу о взаимодействии Федеральной службы исполнения наказаний с Русской православной церковью в рамках реабилитации лиц, освободившихся из мест лишения свободы // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2012. № 3 (27). С. 38.

⁵ См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 24.03.2007 г. № 176 (ред. от 17.10.2014 г.) «Об оплате труда работников федеральных государственных органов, замещающих должности, не являющиеся должностями федеральной государственной гражданской службы» // СЗ РФ. 2007. № 14. Ст. 1689.

⁶ См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 17.10.2014 г. № 1063 «О внесении изменения в приложение к постановлению Правительства Российской Федерации от 24 марта 2007 г. № 176» // Там же. 2014. № 43. Ст. 5899.

⁷ См.: В тюрьмах появятся штатные специалисты по работе с верующими [Электронный ресурс]. URL: <http://izvestia.ru/news/576459> (дата обращения: 30.10.2015 г.).

⁸ См.: Мурзин Е. Мы служим Христу в единстве, но не уподобляясь друг другу [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pobeda.ru/content/view/3722> (дата обращения: 20.03.2014 г.).

⁹ См.: Скоморох О. Капелланы – опыт тюремного служения в европейских государствах // Мир всем. 2011. № 4–5 (94–95). С. 6.

¹⁰ См.: В тюрьмах появятся штатные специалисты по работе с верующими.

¹¹ См.: Указ Президента Российской Федерации от 12.07.2012 г. № 969 «О предоставлении священнослужителям права на получение отсрочки от призыва на военную службу» // СЗ РФ. 2012. № 29. Ст. 4068; Постановление Правительства Российской Федерации от 04.10.2012 г. № 1004 «Об утверждении Правил предоставления священнослужителям права на получение отсрочки от призыва на военную службу и Правил прохождения священнослужителями специальной подготовки, необходимой для исполнения обязанностей по должности помощника командира (начальника) по работе с верующими военнослужащими» // Там же. № 4. Ст. 5626.

¹² См.: Особенности функционирования института военных священнослужителей на современном этапе строительства вооруженных сил Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=11481165@cmsArticle (дата обращения: 12.11.2015 г.).

¹³ См.: Маркелова О.Н. Особенности назначения на должность помощника начальника территориального органа ФСИН России по организации работы с верующими // Роль духовенства в ресоциализации и социальной адаптации осужденных в местах лишения свободы и после освобождения: Сб. материалов III Междунар. науч.-практ. конф. по взаимодействию Русской православной церкви и уголовно-исполнительной системы России (Рязань, 29–30 сентября 2015 г.). Рязань, 2015. С. 178.

Таким образом, становление института помощников начальников территориальных органов Федеральной службы исполнения наказаний по организации работы с верующими осужденными на сегодняшний день является перспективным направлением взаимодействия между уголовно-исполнительной системой и религиозными организациями.

¹ Sm.: Leshhenko V.G. Puti sovershenstvovaniya pravovoy reglamentacii religioznoj dejatel'nosti, osushhestvlyаемой v mestah lisheniya svobody // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2012. № 1 (17). s. 20.

² Sm.: Pis'mo zamestitelja direktora Federal'noj sluzhby ispolnenija nakazanij nachal'nikam territorial'nyh organov FSIN Rossii po spisku ot 26.02.2010 g. № 10/15-160 // Arhiv UFSIN Rossii po Vologodskoj oblasti.

³ Sm.: Pis'mo zamestitelja direktora Federal'noj sluzhby ispolnenija nakazanij nachal'nikam territorial'nyh organov FSIN Rossii po spisku ot 02.12.2013 g. № 03-43693 // Tam zhe.

⁴ Sm.: Mel'nikova N.A., Matveev D.O. K voprosu o vzaimodejstvii Federal'noj sluzhby ispolnenija nakazanij s Russkoj pravoslavnoj cerkov'ju v ramkah reabilitacii lic, osvobodivshiesja iz mest lisheniya svobody // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2012. № 3 (27). s. 38.

⁵ Sm.: Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 24.03.2007 g. № 176 (red. ot 17.10.2014 g.) «Ob oplate truda rabotnikov federal'nyh gosudarstvennyh organov, zameshchajushih dolzhnosti, ne javljajushiesja dolzhnostjami federal'noj gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhby» // SZ RF. 2007. № 14. St. 1689.

⁶ Sm.: Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 17.10.2014 g. № 1063 «O vnesenii izmenenija v prilozhenie k postanovleniju Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 24 marta 2007 g. № 176» // Tam zhe. 2014. № 43. St. 5899.

⁷ Sm.: V tjur'mah pojavjatsja shtatnye specialisty po rabote s verujushimi [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://izvestia.ru/news/576459> (data obrashhenija: 30.10.2015 g.).

⁸ Sm.: Murzin E. My sluzhim Hristu v edinstve, no ne upodobljajas' drug drugu [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.pobeda.ru/content/view/3722> (data obrashhenija: 20.03.2014 g.).

⁹ Sm.: Skomoroх O. Kapellany – opyt tjuremnogo sluzhenija v evropejskih gosudarstvah // Mir vsem. 2011. № 4–5 (94–95). S. 6.

¹⁰ Sm.: V tjur'mah pojavjatsja shtatnye specialisty po rabote s verujushimi.

¹¹ Sm.: Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 12.07.2012 g. № 969 «O predostavlenii svjashhennosluzhiteľjam prava na poluchenie otsrochki ot prizyva na voennuju sluzhbu» // SZ RF. 2012. № 29. St. 4068; Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 04.10.2012 g. № 1004 «Ob utverzhdenii Pravil predostavlenija svjashhennosluzhiteľjam prava na poluchenie otsrochki ot prizyva na voennuju sluzhbu i Pravil prohozhdenija svjashhennosluzhiteľjami special'noj podgotovki, neobhodimoj dlja ispolnenija objazannostej po dolzhnosti pomoshhnika komandira (nachal'nika) po rabote s verujushimi voennosluzhashimi» // Tam zhe. № 4. St. 5626.

¹² Sm.: Osobennosti funkcionirovaniya instituta voennyh svjashhennosluzhiteľej na sovremennom jetape stroitel'stva vooruzhennyh sil Rossijskoj Federacii [Jelektronnyj resurs]. URL: http://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=11481165@cmsArticle (data obrashhenija: 12.11.2015 g.).

¹³ Sm.: Markelova O.N. Osobennosti naznachenija na dolzhnost' pomoshhnika nachal'nika territorial'nogo organa FSIN Rossii po organizacii raboty s verujushimi // Rol' duhovenstva v resocializacii i social'noj adaptacii osuzhdennyh v mestah lisheniya svobody i posle osvobozhdenija: Sb. materialov III Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. po vzaimodejstviju Russkoj pravoslavnoj cerkvi i ugovolno-ispolnitel'noj sistemy Rossii (Rjazan', 29–30 sentjabrja 2015 g.). Rjazan', 2015. S. 178.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 343

Психологические аспекты границ гуманизации уголовного и уголовно-исполнительного законодательства в отношении несовершеннолетних правонарушителей

В.М. ПОЗДНЯКОВ – профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов, профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор психологических наук, профессор

В статье рассматриваются психологические аспекты границ гуманизации уголовного и уголовно-исполнительного законодательства в отношении несовершеннолетних правонарушителей. Отмечается недостаточный учет судами личностных особенностей несовершеннолетних правонарушителей, факт непринятия судами решений по применению медицинских мер к несовершеннолетним с аддиктивными зависимостями, неоправданно активное применение условного осуждения в отношении несовершеннолетних преступников без учета степени психической зрелости. Обосновывается необходимость внедрения новых технологий по социальному контролю за несовершеннолетними правонарушителями и психологическому прогнозированию рецидивных преступлений.

Ключевые слова: гуманизация уголовного и уголовно-исполнительного законодательства; несовершеннолетние правонарушители; психологические аспекты; личностные особенности; медицинские меры; социальный контроль; психологическое прогнозирование.

Psychological aspects of the humanization limits of juvenile criminal and criminal-executive legislation

V.M. POZDNYAKOV – Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Russian University of Friendship of Peoples, Professor of the Department of Law Psychology and Pedagogics of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Psychology, Professor

The article discusses the psychological aspects of the humanization of criminal and criminal-executive legislation on juvenile offenders. There is insufficient consideration by the courts of personal features of juvenile offenders, the fact of not making court decisions on the application of health measures to minors with addictive dependencies, unreasonably extensive use of probation for juvenile offenders without regard to the degree of mental maturity. The necessity of introduction of new technologies for social control of juvenile offenders and psychological forecasting recidivism is substantiated.

Keywords: humanization of criminal and criminal-executive legislation; juveniles; the psychological aspects of personality traits; health measures; social control; psychological prediction.

Несмотря на произошедшую в последнее десятилетие гуманизацию норм Уголовного кодекса Российской Федерации, применяемых к несовершеннолетним, а также реализацию Концепции реформирования уголовно-исполнительной системы России до 2020 г., до сих пор не зафиксировано снижения повторности преступных деяний среди данной категории лиц. В этой связи специалистами по уголовному и уголовно-исполнительному праву дискутируется вопрос о границах применения принципа гуманности при внесении изменений в уголовное и уголовно-исполнительное законодательство в отношении несовершеннолетних, с тем чтобы оптимально обеспечивались дифференциация уголовной ответственности и исправительный процесс¹.

Проведенные под нашим руководством диссертационные исследования (М.М. Калашникова, 2012; Д.Е. Дикопольцев, 2013; Е.А. Дядченко, 2015) свидетельствуют о том, что несовершеннолетние осужденные, несмотря на мягкость мер наказания и условий их отбытия, не воспринимают гуманность действующих законов как предоставляемую им возможность избрания ориентации на просоциальное поведение. В чем кроются причины этого, рассмотрим подробнее.

По данным исследований психологов и педагогов (Л.Н. Костина, 2009; Е.В. Васкэ, 2012; Е.А. Горьковая, 2013; О.Б. Панова, 2013; Е.Ю. Стрижов, 2011; Д.В. Сочивко, 2014; Н.М. Романова, 2015 и др.), значительной части несовершеннолетних правонарушителей присущи дефекты правосознания, обусловленные инфантилизацией при развитии личности или в силу вовлеченности в неформальные молодежные объединения, которые контркультурно противопоставляют себя ценностям и нормам социума.

Анализ практики отечественного судопроизводства позволяет констатировать, что при избрании меры наказания несовершеннолетним правонарушителям, в том числе и в случае повторного совершения ими преступлений в статусе условно осужденного, до сих пор определяющим фактором выступает степень общественной опасности преступных деяний и недостаточно учитываются личностные особенности². Обеспокоенность вызывает и факт непринятия судами решений о применении медицинских мер к несовершеннолетним с аддиктивными зависимостями, которых среди осуждаемых в последние годы становится все больше³. В этой связи представляется целесообразным при назначении наказа-

ния в качестве условия вновь ввести обязательное лечение несовершеннолетних от алкоголизма и наркомании, если внимание на это обращается в экспертном заключении. Поэтому представляется необходимым восстановить норму ст. 97 УК РФ, закрепив в ней применение принудительных мер медицинского характера к несовершеннолетним в виде амбулаторного наблюдения или лечения в специальных учреждениях. Данное предложение, думается, будет соответствовать и содержанию Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г., в которой подчеркивается важность создания лечебно-профилактических учреждений для осужденных. Однако включение таких учреждений лишь в систему мест лишения свободы представляется спорным. Нами разделяется позиция В.С. Ишигеева о необходимости наделения их иным правовым статусом в силу наличия специфики функционирования подсистем наказания, осуществляющих изоляцию от общества и предусматривающих ограничение свободы⁴.

Как известно, специальные правила назначения наказания, которые продиктованы принципом гуманизма и в соответствии с которыми можно индивидуализировать наказание, исходят из характеристик личности виновного лица. Мы разделяем мнение М.В. Ююкиной о том, что необходимо внести изменения в ч. 3 ст. 60 УК РФ, расположив личность виновного на первом месте и изложив текст в следующей редакции: «3. При назначении наказания учитываются личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, влияние наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи, а также характер и степень общественной опасности преступления»⁵. Кроме того, с учетом роста числа преступлений несовершеннолетних, совершаемых в групповой форме, актуальным с точки зрения индивидуализации наказания является учет социально-психологического статуса и субъектной активности подростка, выявленных в результате судебно-психологической экспертизы⁶.

Сегодня в развитых странах мира реализуется более дифференцированный, чем в России, подход к законодательному регулированию возрастного диапазона уголовной ответственности несовершеннолетних, а также применяется расширенный перечень альтернативных лишению свободы мер уголовно-правового воздействия, в том числе и на основе регламентации их в специальных

законах⁷. Именно в таком сравнении становится понятным, что пока неэффективно используется ст. 96 УК РФ, устанавливающая право суда в исключительных случаях с учетом характера совершенного деяния и личности применять положения гл. 14 и в отношении лиц, совершивших преступление в возрасте от 18 до 20 лет. В качестве примера можно отметить, что в ФРГ, где действует специальный закон «Об отправлении правосудия по делам несовершеннолетних» (JGG – «Jugendgerichtsgesetz») от 04.08.1953 г. (в редакции от 11.12.1974 г.), возрастной диапазон индивидуализации наказания расширен до 21 года и две трети лиц молодежного возраста судами земель осуждаются с учетом применения специальных условий наказания⁸.

Активное применение в России условного осуждения в отношении несовершеннолетних преступников без учета степени психической зрелости их личности и субкультурной групповой активности ведет к игнорированию такой ситуации, когда в отношении части из них, по своему уровню развития опережающей биологический возраст, то есть вполне осознающей фактический характер общественной опасности своего поведения и в полной мере способной руководить своими действиями, судами не применяется правило возможности опровержения возрастной презумпции в обратном направлении⁹. В этой связи нами поддерживается мнение В.В. Смирнова о том, что «возраст, указанный в ч. 4 ст. 18 УК РФ, представляется разумным привести в соответствие с возрастом, указанным в ч. 1 ст. 20 УК РФ, то есть при рецидиве преступлений не учитывать только судимости за преступления, совершенные в возрасте до 16 лет»¹⁰. Кроме того, вследствие акцента на личность преступника возникает необхо-

димость внесения изменений в ст. 73 УК РФ посредством расширения перечня обязанностей при назначении несовершеннолетним наказания в виде условного осуждения. Например, в соответствии с решением суда могут быть нормативно регламентированы передача их под надзор родителей или лиц, их заменяющих, возложение обязанности загладить причиненный ущерб, обязательное участие в требуемых коррекционно-реабилитационных программах и др.

Нами поддерживается позиция И.Н. Самылиной, считающей, что «высокая общественная опасность рецидивиста заключается в обнаружении особой стойкости криминогенных качеств личности, проявляющаяся во взаимосвязи ряда поступков»¹¹. С учетом выводов, изложенных в докторских диссертациях психологов А.Н. Пастушени¹² и Л.В. Алексеевой¹³, представляется важным ввести в ст. 86 УК РФ примечание в следующей редакции: «Рецидив преступлений несовершеннолетних, осужденных без изоляции от общества, – это совершение лицом указанной категории после постановки на учет уголовно-исполнительной инспекции нового повторного преступного деяния, в котором в достаточной мере проявился криминогенный потенциал личности». Кроме того, считаем, что указание на рецидив преступлений несовершеннолетних необходимо добавить в ст. 18 УК РФ. Это позволит ввести в организационно-правовые рамки деятельности психологов по выявлению среди несовершеннолетних представителей группы лиц рецидивного риска уже на этапе постановки их на учет в УИИ. Для повышения эффективности УИИ также важно внедрить новые технологии социального контроля за несовершеннолетними подопечными¹⁴ и психологического прогнозирования рецидивных преступлений¹⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Гуманизация современного уголовного законодательства: Моногр. / Под общ. ред. В.П. Кашепова. М., 2015; Рарог А.И. Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам: Моногр. М., 2015; Сундуров Ф.Р., Талан М.В. Наказание в уголовном праве: Учеб. пособие. Казань, 2015.

² См. подр.: Поздняков В.М., Дядченко Е.А. Проблема квалификации рецидива у несовершеннолетних осужденных условно и совершивших новые преступления // Актуальные проблемы квалификации преступлений по уголовному законодательству России: Материалы межвуз. науч. конф. (Москва, РГУНиГ им. И.М. Губкина, 3 декабря 2013 г.). М., 2014.

³ См.: Лелеков В.А., Кошелева Е.В. Ювенальная криминология. М., 2014. С. 286–288; Савельева Т.И. Психодинамика аддиктивного поведения осужденных в местах лишения свободы: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Рязань, 2009; Жарких А.А. Психологические особенности мотивационной сферы наркозависимых осужденных: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Рязань, 2013.

¹ См.: Gumanizacija sovremennogo ugovornogo zakonodatel'stva: Monogr. / Pod obshh. red. V.P. Kashhepova. M., 2015; Rarog A.I. Problemy kvalifikacii prestuplenij po sub#ektivnym priznakam: Monogr. M., 2015; Sundurov F.R., Talan M.V. Nakazanie v ugovornom prave: Ucheb. posobie. Kazan', 2015.

² См. подр.: Pozdnjakov V.M., Djadchenko E.A. Problema kvalifikacii recidiva u nesovershennoletnih osuzhdennyh uslovno i sovershivshih novye prestuplenija // Aktual'nye problemy kvalifikacii prestuplenij po ugovornomu zakonodatel'stvu Rossii: Materialy mezhvuz. nauch. konf. (Moskva, RGUNiG im. I.M. Gubkina, 3 dekabrja 2013 g.). M., 2014.

³ См.: Lelekov V.A., Kosheleva E.V. Juvenal'naja kriminologija. M., 2014. S. 286–288; Savel'eva T.I. Psihodinamika addiktivnogo povedenija osuzhdennyh v mestah lishenija svobody: Avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk. Rjazan', 2009; Zharkih A.A. Psihologicheskie osobennosti motivacionnoj sfery narkozavisimyh osuzhdennyh: Avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk. Rjazan', 2013.

⁴ См.: Ишигеев В.С. Современная система наказаний в России и пути повышения их эффективности // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2011. № 4. С. 20.

⁵ См.: Ююкина М.В. Принцип гуманизма в уголовном, уголовно-исполнительном праве и уголовной политике и его реализация при назначении наказания: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2006.

⁶ См.: Воронин В.Н. Индивидуализация наказания: понятие, критерии, значение: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015; Васкэ Е.В., Сафанов Ф.С. Психологический анализ мотивации преступного действия несовершеннолетних правонарушителей при совершении групповых и индивидуальных деликтов // Прикладная юридическая психология. 2010. № 2.

⁷ См.: Кашуба Ю.А., Бакаева Ю.В. Уголовные наказания, применяемые в отношении несовершеннолетних. СПб., 2009.

⁸ См.: Бахвалова Л.А. Особенности уголовной ответственности несовершеннолетних в уголовном праве России и Германии: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 17.

⁹ См.: Селезнева Н.А. Ответственность несовершеннолетних по уголовному праву России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004; Давыденко А.В. Дифференциация ответственности несовершеннолетних в зависимости от возраста: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2013.

¹⁰ Смирнов В.В. Предупреждение рецидива насильственных преступлений против личности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 11.

¹¹ Самылина И.Н. Назначение наказания при рецидиве преступлений: Дис. ...канд. юрид. наук. СПб., 2005. С. 80.

¹² См.: Пастушеня А.Н. Криминогенная сущность личности (психологический аспект): Дис. ... д-ра психол. наук. М., 2000.

¹³ См.: Алексеева Л.В. Психологическая характеристика субъекта преступления: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 2006.

¹⁴ См.: Ваандеринг Д. Окно отношений. Критические размышления на базе современной теории восстановительного правосудия // Медиация и право. 2014. № 3. С. 60–80.

¹⁵ См.: Дядченко Е.А., Поздняков В.М. Психологическое прогнозирование рецидивных преступлений несовершеннолетних, осужденных без лишения свободы: Моногр. Самара, 2014.

⁴ Sm.: Ishigeev V.S. Sovremennaja sistema nakazanij v Rossii i puti povyshenija ih jeffektivnosti // Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta jekonomiki i prava. 2011. № 4. S. 20.

⁵ Sm.: Jujukina M.V. Princip gumanizma v ugovolnom, ugovolno-ispolnitel'nom prave i ugovolnoj politike i ego realizacija pri naznachenii nakazanija: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Tambov, 2006.

⁶ Sm.: Voronin V.N. Individualizacija nakazanija: ponjatje, kriterii, znachenie: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2015; Vaskje E.V., Safuanov F.S. Psihologicheskij analiz motivacii prestupnogo dejstvija nesovershennoletnih pravonarushitelej pri sovershenii gruppovyh i individual'nyh deliktov // Prikladnaja juridicheskaja psihologija. 2010. № 2.

⁷ Sm.: Kashuba Ju.A., Bakaeva Ju.V. Ugovolnye nakazanija, primenjaemye v otnoshenii nesovershennoletnih. SPb., 2009.

⁸ Sm.: Bahvalova L.A. Osobennosti ugovolnoj otvetstvennosti nesovershennoletnih v ugovolnom prave Rossii i Germanii: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2002. S. 17.

⁹ Sm.: Selezneva N.A. Otvetstvennost' nesovershennoletnih po ugovolnomu pravu Rossii: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2004; Davydenko A.V. Differenciacija otvetstvennosti nesovershennoletnih v zavisimosti ot vozrasta: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Rjazan', 2013.

¹⁰ Smirnov V.V. Preduprezhdenie recidiva nasil'stvennyh prestuplenij protiv lichnosti: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2006. S. 11.

¹¹ Samylina I.N. Naznachenie nakazanija pri recidive prestuplenij: Dis. ...kand. jurid. nauk. SPb., 2005. S. 80.

¹² Sm.: Pastushenja A.N. Kriminogennaja sushhnost' lichnosti (psihologicheskij aspekt): Dis. ... d-ra psihol. nauk. M., 2000.

¹³ Sm.: Alekseeva L.V. Psihologicheskaja harakteristika sub#ekta prestuplenija: Avtoref. dis. ... d-ra psihol. nauk. SPb., 2006.

¹⁴ Sm.: Vaandering D. Okno otnoshenij. Kriticheskie razmyshlenija na baze sovremennoj teorii vosstanovitel'nogo pravosudija // Mediacija i pravo. 2014. № 3. S. 60–80.

¹⁵ Sm.: Djadchenko E.A., Pozdnjakov V.M. Psihologicheskoe prognozirovanie recidivnyh prestuplenij nesovershennoletnih, osuzhdennyh bez lishenija svobody: Monogr. Samara, 2014.

УДК 343.85

Совершенствование воспитательной, социальной и психологической работы в уголовно-исполнительной системе: интеграция теории и практики

С.В. БАБУРИН – начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

В статье анализируются проблемы, имеющиеся в практике воспитательной, социальной и психологической работы с осужденными, предлагаются пути дальнейшего совершенствования данного направления деятельности исправительных учреждений, приводятся результаты опроса сотрудников территориальных органов ФСИН России, обосновывается необходимость укрепления статуса психологической работы с осужденными, развития психотерапевтического направления деятельности пенитенциарных психологов, повышения качества существующих программ психолого-педагогической работы с осужденными.

Ключевые слова: воспитательная, социальная и психологическая работа с осужденными; правовой статус; программы психолого-педагогической работы; научно-методическое обеспечение.

Improving the educational, social and psychological work in the penal system: integration of theory and practice

S.V. BABURIN – Head of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Psychology, Associate Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

The paper analyzes the problems existing in the practice of educational, social and psychological work with convicts, the ways of the further improvement of this work in penal institutions, it presents the results of employees interview of territorial bodies of the Federal Penal Service of Russia, it substantiates the necessity of strengthening the status of psychological work with convicts, development psychotherapeutic work of prison psychologists, improvement the quality of existing programs of psycho-pedagogical work with convicts.

Key words: educational, social and psychological work with convicts; legal status; the program of psychological and pedagogical work; scientific and methodological support.

Проводимая на современном этапе уголовно-исполнительная политика направлена на гуманизацию исполнения наказания. Ее задача – изменение концепции исправительного учреждения, его преобразование в эффективную реабилитационную систему, нацеленную на ресоциализацию личности осужденных, профилактику совершаемых ими правонарушений¹. В связи с этим совершенствование воспитательной, социальной и психологической работы, проводимой в исправительных учреждениях, представляет собой задачу первостепенной важности.

Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. предусматривается ряд мер, направленных на повышение эффективности данного направления работы, в частности поиск и внедрение новых форм и механизмов работы с осужденными, совершенствование системы мотивации осужденных к законопослушному поведению, оптимизация психодиагностического инструментария психолога, применение базовых программ психологической коррекции личности осужденных, развитие психотерапевтического направления работы психолога, дальнейшее совершенствование условий для получения осужденными образования. Особое внимание уделяется повышению роли и активному использованию научного потенциала ведомственных научно-исследовательских и образовательных организаций в проведении научно-прикладных исследований по психолого-педагогической тематике².

Проведенное нами исследование позволило выявить ряд проблем, имеющих в практике воспитательной, социальной и психологической работы с осужденными, а

также наметить пути дальнейшего совершенствования данного направления деятельности исправительных учреждений³. Так, по мнению опрошенных нами сотрудников территориальных органов ФСИН России, система нормативно-правового регулирования воспитательной, социальной и психологической работы с осужденными нуждается в дополнительной оценке и корректировке (41,4% респондентов).

Учитывая современные тенденции развития уголовно-исполнительной системы России, такие как планируемое постепенное снижение количества осужденных, содержащихся в жилых помещениях исправительных учреждений, создание центров исправления осужденных, можно предположить, что Положение об отряде осужденных исправительного учреждения потребует в перспективе переработки либо отмены с соответствующей разработкой нового нормативного правового акта, регламентирующего вопросы организации воспитательной работы в уголовно-исполнительной системе. Данного мнения придерживаются 20,1% опрошенных.

Более 20% респондентов предлагают юридически закрепить в УИК РФ статус психологической работы с осужденными, дополнив кодекс соответствующей главой (среди опрошенных психологов данный процент еще выше – 41,7%). При этом 17,4% анкетированных считают необходимым рассмотреть вопрос о возможности включения психологической работы в перечень основных средств исправления осужденных, установленный ч. 2 ст. 9 УИК РФ. С учетом сказанного предлагается также переработать нормативный акт, регламентирующий

вопросы организации психологической работы в уголовно-исполнительной системе⁴.

Анализируя данные предложения, хотелось бы отметить, что в настоящее время вопросы проведения психологической работы с осужденными в правовом отношении практически не урегулированы. Отсутствуют какие-либо стандарты и правила оказания психологической помощи в пенитенциарной сфере, утвержденные перечни сертифицированных психокоррекционных методик, адаптированных и разрешенных к использованию в уголовно-исполнительной системе. В связи с этим считаем, что вести речь о законодательном закреплении психологической работы в качестве средства исправления возможно только при условии решения названных вопросов. Учитывая активное развитие психотерапевтического (клинического) направления психологической работы, целесообразным представляется также рассмотреть вопрос о введении института обязательной сертификации деятельности пенитенциарных психологов, что позволит повысить качество оказываемой осужденным психологической помощи, исключить возможность причинения вреда их психическому здоровью.

Треть опрошенных (34,4%) предлагает переработать нормы уголовно-исполнительного законодательства, регламентирующие систему стимулирования осужденных к законопослушному, социально активному и социально ответственному поведению. Изменения должны коснуться как содержания самой системы (с учетом расширения возможностей для последовательного перехода от закрытых к более открытым условиям отбывания наказания), так и вопросов ее функционирования (например, критерии, порядок и субъекты оценки осужденных). Данные изменения потребуют предварительного психолого-педагогического и криминологического обоснования, изучения отечественного и зарубежного пенитенциарного опыта.

Около трети респондентов (29,6%) предлагает закрепить в УИК РФ подробный и исчерпывающий перечень критериев исправления осужденных, что также потребует значительной исследовательской работы. На наш взгляд, юридическое решение данного вопроса проблематично, необходимым видится совершенствование самой системы оценки, ее процедур и субъектного состава, уточнение правового значения разрабатываемых заключений и проводимых психолого-педагогических экспертиз.

Свыше половины опрошенных сотрудников (54,5%) полагает целесообразным принятие федерального закона, регламентирующего вопросы социальной адаптации лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы, и разработку подзаконных нормативных правовых актов, определяющих механизм его реализации.

В числе наиболее актуальных мер по совершенствованию социальной, воспитательной и психологической работы в уголовно-исполнительной системе респонденты также выделили следующие:

- установление оптимального баланса между психолого-педагогическим и иными направлениями работы в зависимости от вида исправительного учреждения (42,8%);
- повышение психолого-педагогической компетентности сотрудников, реализующих свои функции в непосредственном контакте с осужденными (32,4%);
- совершенствование программных и технических средств автоматизации воспитательной, социальной и психологической работы с осужденными (средства профессионального взаимодействия, автоматизированные рабочие места, специальные программы) при одновременной оптимизации документооборота и системы отчетности (32,4%);
- совершенствование научно-методического обеспечения воспитательной, социальной и психологической работы в уголовно-исполнительной системе (22,4%);
- разработка и внедрение единой педагогической концепции исполнения наказания в виде лишения свободы, определяющей базовые принципы и подходы к осуществлению педагогического воздействия на осужденных и формированию в исправительном учреждении реабилитирующей социальной среды (21,3%);
- совершенствование правовых и организационных основ взаимодействия подразделений уголовно-исполнительной системы с государственными и муниципальными органами и учреждениями, общественными объединениями и религиозными организациями (18,1%).

Отдельно следует сказать о развитии психотерапевтического направления деятельности пенитенциарных психологов. Анализ научной литературы и уголовно-исполнительной практики свидетельствует о наличии большого опыта применения психотерапевтических методик в работе психолога с осужденными. Развитие психотерапевтического направления в практике исправитель-

ных учреждений возможно как посредством дополнительной психотерапевтической (клинической) подготовки пенитенциарных психологов, так и за счет увеличения штатной численности медицинских работников психотерапевтического профиля (врачи-психиатры и врачи-психотерапевты). Большинство опрошенных практических психологов (52,6%) предлагает развивать оба эти направления.

По их мнению, пенитенциарных психологов в первую очередь необходимо обучать психотерапевтическим программам (методикам) работы с осужденными, склонными к суицидальному поведению (76,8%), проявлению агрессии (46%), страдающими наркотической зависимостью (42,7%), осужденными за преступления сексуального характера (24,6%).

Особое значение имеет совершенствование научно-методического обеспечения воспитательной, социальной и психологической работы в уголовно-исполнительной системе.

В числе наиболее значимых мероприятий опрошенные сотрудники указали следующие:

- создание централизованных банков данных отечественного пенитенциарного опыта, результатов научно-исследовательских работ и психологических исследований, рекомендованных к использованию, с возможностью доступа с рабочих мест (50,7%);

- разработку научных рекомендаций для практических работников по различным аспектам организации воспитательной, социальной и психологической работы с осужденными и личным составом (40,3%);

- участие представителей научно-исследовательских и образовательных организаций ФСИН России в проведении занятий в рамках служебной подготовки практических сотрудников (34,8%);

- проведение ФСИН России конкурсов лучших практик (опыта) в области совершенствования воспитательной, социальной и психологической работы с осужденными (наряду с ежегодно проводимыми конкурсами профессионального мастерства пенитенциарных психологов и начальников отряда) (10,4%).

Кроме того, отмечается необходимость повышения качества существующих программ психолого-педагогической работы с осужденными.

Проведенное нами исследование позволяет говорить о возросшем в последние

годы уровне научно-методического обеспечения деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы. Федеральной службой исполнения наказаний при участии подведомственных научных и образовательных организаций был проведен ряд научно-практических экспериментов, целью которых стали поиск и апробация новых эффективных моделей организационного построения работы с осужденными в условиях исправительного учреждения (эксперименты по созданию центров исправления осужденных исправительных учреждений, воспитательных центров, внедрению системы «социального лифта», созданию службы пенитенциарных капелланов, внедрению аутсорсинга пенитенциарных психологов и др.).

Вологодский институт права и экономики ФСИН России принял участие в научно-методическом сопровождении эксперимента по созданию воспитательного центра для лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте; мониторинге апробации модели центра исправления осужденных; разработке и апробации базовых типовых программ работы с различными категориями осужденных; разработке программы психолого-педагогического воздействия на осужденных, имеющих экстремистские установки, программы обучения пенитенциарных капелланов.

Увеличилось количество проводимых научных исследований по проблемам совершенствования воспитательной, социальной и психологической работы в пенитенциарной сфере, научных разработок прикладного характера, направляемых в исправительные учреждения. Так, в 2015 г. научными и образовательными организациями ФСИН России по заявкам управлений центрального аппарата и территориальных органов ФСИН России проводятся психолого-педагогические исследования по 40 научным темам, в рамках которых предусмотрена подготовка 55 научных разработок. Еще примерно такое же количество исследований осуществляется образовательными организациями инициативно. Кроме того, в научно-исследовательскую работу вовлечены межрегиональные отделы психологической работы территориальных органов ФСИН России.

Наиболее востребованными, по мнению практических сотрудников, в настоящее время являются научно-методические разработки:

- по профилактике психологического стресса и профессионального выгорания

сотрудников уголовно-исполнительной системы (36,7%);

– методическому обеспечению психотерапевтического направления работы пенитенциарного психолога (33,3%);

– психологической коррекции ценностно-смысловой сферы осужденных (26,5%);

– организации профессионального взаимодействия субъектов процесса исправления и ресоциализации осужденных к лишению свободы (16,3%);

– психолого-педагогическому воздействию на осужденных, имеющих экстремистские установки (15,8%);

– технологическому обеспечению социальной работы с различными категориями осужденных к лишению свободы (15,6%);

– психолого-педагогическому сопровождению правовой социализации осужденных (15,4%).

Эффективность исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы во многом зависит от уровня профессиональной подготовки персонала. В современных условиях, когда отмечаются ухудшение криминогенного состава осужденных, рост численности педагогически запущенных осужденных и лиц, имеющих психические расстройства, очевидна необходимость для сотрудника быть готовым действовать в неустойчивых, быстро меняющихся условиях, сопряженных с действием экстремальных, психотравмирующих факторов. В связи с этим большое значение должно придаваться повышению психолого-педагогической компетентности персонала исправительных учреждений, обучению навыкам бесконфликтного общения с осужденными, противодействия их негативному влиянию.

Проведенное нами исследование показало, что среди мероприятий, которые необходимо реализовать в целях совершенствования профессиональной подготовки кадров психолого-педагогического профиля, практические сотрудники отдадут приоритет:

– обучению пенитенциарных психологов по направлению клинической психологии и вопросам применения психотерапевтических методик работы с осужденными (45,2%);

– прохождению комплексной психолого-педагогической подготовки всеми сотрудниками, реализующими свои функции в непосредственном контакте с осужденными (44,6%)⁵;

– дальнейшему расширению перечня программ повышения квалификации для

сотрудников психолого-педагогического профиля (26,7%).

На наш взгляд, определяющая роль в решении данных задач должна принадлежать образовательным организациям ФСИН России, осуществляющим подготовку пенитенциарных психологов. В связи с этим необходимым представляется обучение преподавательского состава психотерапевтическим методикам работы с осужденными. Целесообразно дальнейшее развитие программ повышения квалификации, более широкое привлечение практиков к их реализации, применение дистанционных и иных информационных образовательных технологий.

Итоги проведенного нами исследования позволяют сделать следующие основные выводы:

1. Основой совершенствования воспитательной, социальной и психологической работы в уголовно-исполнительной системе должен стать профессионализм (компетентность) сотрудников исправительных учреждений, их готовность к психолого-педагогической деятельности и тесное профессиональное взаимодействие на основе единых педагогических принципов работы. Решению данной задачи будет способствовать повышение качества обучения специалистов психолого-педагогического профиля с учетом разработанных к настоящему времени перечней профессиональных специализированных компетенций выпускников.

2. Необходимо продолжить поиск и экспериментальную отработку эффективных моделей организационного построения работы с осужденными с целью создания в исправительных учреждениях действенной социализирующей среды, развития их социальной инфраструктуры, позволяющей реализовывать широкий спектр исправительных программ и программ подготовки осужденных к освобождению.

3. Требуется повышение качества проводимых научно-прикладных исследований психолого-педагогического профиля, систематизация работы по разработке, адаптивированию и централизованному внедрению в практику разрешенных к использованию программ психологической коррекции личности и поведения осужденных.

4. Нуждается в корректировке система нормативно-правового регулирования воспитательной, социальной и психологической работы с осужденными. Изменения

должны коснуться в первую очередь правового обеспечения оказания психологической помощи осужденным и организации взаимодействия с внешними субъектами их ресоциализации.

5. Совершенствование данного направления деятельности должно опираться на существующие традиции, отечественный и зарубежный опыт работы с лицами, преступившими закон.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Голодов П.В. Проблемы применения системы «социального лифта» в условиях исправительного учреждения для лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2012. № 2 (18). С. 26.

² См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 14.10.2010 г. № 1772-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г.» // СЗ РФ. 2010. № 43. Ст. 5544.

³ Исследование проводилось в сентябре 2015 г. методом анкетирования сотрудников отделов по воспитательной работе с осужденными и психологических служб территориальных органов ФСИН России (442 респондента из 70 территориальных органов ФСИН России).

⁴ См.: Приказ Минюста России от 12.12.2005 г. № 238 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности психологической службы уголовно-исполнительной системы».

⁵ Например, обучение приемам психического самоуправления, саморегуляции для поддержания психического здоровья в процессе профессиональной деятельности; психологическим приемам противодействия манипулятивному воздействию со стороны осужденных; преодоления конфликтных ситуаций и др.

¹ См.: Golodov P.V. Problemy primeneniya sistemy «social'nogo lifta» v uslovijah ispravitel'nogo uchrezhdenija dlja lic, sovershivshih prestuplenija v nesovershennoletnem vozraste // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2012. № 2 (18). S. 26.

² См.: Rasporjazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 14.10.2010 g. № 1772-r «O koncepcii razvitija ugovovno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii do 2020 g.» // SZ RF. 2010. № 43. St. 5544.

³ Issledovanie provodilos' v sentjabre 2015 g. metodom anketirovanija sotrudnikov otdelov po vospitatel'noj rabote s osuzhdennymi i psihologicheskikh sluzhb territorial'nyh organov FSIN Rossii (442 respondentov iz 70 territorial'nyh organov FSIN Rossii).

⁴ См.: Prikaz Minjusta Rossii ot 12.12.2005 g. № 238 «Ob utverzhdenii Instrukcii po organizacii dejatel'nosti psihologicheskoi sluzhby ugovovno-ispolnitel'noj sistemy».

⁵ Naprimer, obuchenie priemam psihicheskogo samoupravlenija, samoreguljaciei dlja podderzhanija psihicheskogo zdorov'ja v processe professional'noj dejatel'nosti; psihologicheskimi priemami protivodejstvija manipuljativnomu vozdejstviju so storony osuzhdennyh; preodolenija konfliktnyh situacij i dr.

УДК 343.846

К вопросу о социально-психологической реабилитации осужденных с пожизненными сроками отбывания наказания в рамках подготовки к освобождению (с учетом предоставления условно-досрочного освобождения)

А.Н. БАЛАМУТ – доцент кафедры организации психологической службы в уголовно-исполнительной системе ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент;

О.Н. СТАРОДУБЦЕВА – преподаватель кафедры организации психологической службы в уголовно-исполнительной системе ВИПЭ ФСИН России

В статье анализируется имеющийся положительный зарубежный и отечественный опыт социально-психологической реабилитации в пенитенциарной практике. Рассматриваются вопросы использования системы критериев оценки личности осужденного к пожизненному лишению свободы с учетом возможности предоставления условно-досрочного освобождения.

Ключевые слова: социально-психологическая реабилитация; исправление; пожизненное лишение свободы; условно-досрочное освобождение.

On the question of social and psychological rehabilitation of convicts to life imprisonment in preparation for release (including grant of parole)

A.N. BALAMUT – Associate Professor of the Department of Organization of Psychological Work in Penal System of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Psychology, Associate Professor

O.N. STARODUBTSEVA – Lecturer of the Department of Organization of Psychological Work in the Penal System of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

The article analyzes the existing positive foreign and domestic experience of social and psychological rehabilitation in the penal practice. There are concerned the issues of the use of the evaluation criteria of the person sentenced to life imprisonment with the possibility of parole.

Key words: social and psychological rehabilitation; correction; life imprisonment; grant of parole.

Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. предусмотрено решение задач по развитию социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными в направлении обеспечения ресоциализации осужденных, освоения ими основных социальных функций как необходимого условия исправления и успешной адаптации в обществе после освобождения. В связи с этим актуальными представляются исследование закономерностей поведения и трансформации личности осужденных к пожизненному лишению свободы на различных этапах отбывания наказания, разработка рекомендаций по совершенствованию психологического сопровождения данной категории лиц в рамках подготовки к условно-досрочному освобождению.

В современных условиях реформирования уголовно-исполнительной системы особое значение приобретают вопросы подготовки осужденных к жизни на свободе и их дальнейшего постпенитенциарного сопровождения. Причем специфика рассматриваемой категории лиц с учетом длительного и сверхдлительного сроков отбывания наказания требует дифференцированного применения наиболее адекватных форм, методов и технологий профессиональной деятельности помогающего специалиста.

Депривационные ограничения, свойственные осужденным к пожизненному лишению свободы, обусловлены не только неблагоприятным воздействием внешних факторов, но и личностными особенностями, что в целом препятствует личностной самоорганизации и развитию. В этой связи разработка механизма и технологии со-

циально-психологической реабилитации может способствовать устранению депривационных ограничений и их последствий и рассматриваться как направление социально-психологической реабилитации, ориентированной на сохранение устойчивого развития личности в заданных условиях.

Именно поэтому использование достижений психологии в пенитенциарной практике органов и учреждений, исполняющих наказания, представляется весьма актуальным не только ввиду необходимости создания системы оценки степени готовности осужденных пожизненно к условно-досрочному освобождению для установления прогноза и правильного построения реабилитационной программы, но и для адекватной организации реабилитационного процесса.

В настоящее время в отношении данной категории осужденных вопросов значительно больше, чем ответов. Защищенные в последнее время диссертационные исследования по юриспруденции прямо указывают на несоответствие термина «условно-досрочное освобождение» сущности и правовой природе пожизненного осуждения. Рядом авторов (П.М. Малин, 2000; Д.В. Горбач, 2012 и др.) отмечается, что более правильным было бы говорить об условном освобождении с испытательным сроком от данного вида наказания с необходимостью установления критериев, определяющих основание такого освобождения. При этом наиболее часто испытательный срок исчисляется временным периодом в 10 лет. Однако, по нашему мнению, указанный интервал является чрезмерно длинным, и наиболее оптимальным будет постпенитенциарное сопровождение осужденных с пожизненны-

ми сроками отбывания наказания (до 5 лет) с учетом неотбытой части наказания по истечении 20 лет пребывания в условиях длительной социальной изоляции.

Также отмечается, что термин «исправление осужденного» (ч. 1 ст. 79 УК РФ) ввиду многоаспектности его толкования является малопригодным для законодательной техники. В ст. 9 УИК РФ под исправлением подразумевается формирование у осужденных уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения. Содержательная характеристика используемого термина выступает чрезмерно обобщенной, поэтому в данном случае было бы уместным раскрыть рассматриваемое понятие в контексте юридико-психологических комментариев с уточнением и научным обоснованием системы критериев оценки степени исправления осужденного.

При оценке личности осужденного к пожизненному лишению свободы с учетом принципов эффективности, целесообразности, системности, постоянства и последовательности важно учитывать следующие факторы риска:

1) социальные (отсутствие образования, семьи (родственников), жилья, профессиональной квалификации; наличие признаков социальной дезадаптации);

2) криминологические (наличие криминальных наклонностей; категоризация преступлений: насильственные, сексуальные и т.д.);

3) медицинские (наличие аномалий психики, невротических расстройств, социально значимых заболеваний, травм, алкогольной, наркотической аддикций);

4) психологические (наличие деструктивных коммуникативных установок, взглядов, позиций, эмоционального неблагополучия (депрессивные состояния, фобии), отсутствие мотивации к работе над своим противоправным поведением, стремления к условно-досрочному освобождению, духовных ориентиров) и т.д.

Категоризация преступлений подразумевает необходимость учета отдельных видов преступлений и определения перечня лиц, в отношении которых условно-досрочное освобождение нецелесообразно применять, а именно: а) осужденные за террористическую деятельность; б) осужденные за сексуальные виды преступлений (серийный характер); в) осужденные, организовавшие преступные сообщества и участвовавшие

в них; г) осужденные, совершившие умышленное преступление в период отбывания наказания в виде пожизненного лишения свободы; д) осужденные, кому смертная казнь в порядке помилования заменена пожизненным лишением свободы (за исключением ряда преступлений, совершенных на бытовой почве еще в советский период времени).

При рассмотрении вопроса об условно-досрочном освобождении также важно учитывать принадлежность к таким категориям, как осужденные пенсионного возраста и осужденные инвалиды. Когда речь идет об условно-досрочном освобождении данных лиц, нами применяется термин «социально-психологическая реабилитация». Понятие «реабилитация» происходит от латинского слова «rehabilis» – «восстановление способности». А.В. Чоговадзе, определяя реабилитацию, подчеркивает, что в ходе нее «особо важно восстановление физического, психологического и социального статуса человека»¹. Согласно Р.В. Овчаровой, социально-психологическая реабилитация как комплексное явление представляет собой многоуровневую, поэтапную и динамическую систему взаимосвязанных действий, направленных на восстановление осужденного в правах, статусе, здоровье, дееспособности в собственных глазах и перед лицом окружающих. Она включает в себя аспекты профилактики и коррекции. Конечной и основной целью процесса социально-психологической реабилитации являются развитие в человеке стремления к самостоятельному преодолению трудностей, способности к сопротивлению негативным влияниям среды и мобилизация своих возможностей с ориентацией на собственное «Я»².

Субъективное переживание наличия собственного «Я» выражается прежде всего в том, что человек понимает свою тождественность самому себе в настоящем, прошлом и будущем. Один из симптомов некоторых психических заболеваний состоит в утрате человеком такой тождественности³.

Психологическая реабилитация может рассматриваться как психологическое сопровождение перестройки личности осужденного в процессе исполнения наказания. Она включает психопрофилактику, психокоррекцию, психологическую поддержку и психотерапию в кризисных и критических ситуациях и базируется на психологической диагностике.

По мнению инициаторов тюремной реформы, самым экономичным, гуманным, практичным и эффективным решением в отношении длительного пребывания в заключении является внедрение программ, направленных на подготовку к условному освобождению ранее, чем через 25 лет, посредством последовательного снижения степени изоляции в период отбывания наказания и постепенного освобождения. Так, в частности, канадский опыт досрочного освобождения лиц, отбывающих пожизнен-

ное заключение, показал, что подавляющее большинство из них становятся законопослушными гражданами, если участвуют в программе постепенного, подконтрольного освобождения⁴.

В целом необходимо отметить, что каждая модель требует реализации определенного содержания, форм и методов работы, включает круг заинтересованных и компетентных участников, предполагает соответствующие технологии и ориентирована на конкретные результаты реабилитации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит. по: Социальная реабилитация: Учеб. / Под общ. ред. Н.Ш. Валеевой. М., 2012. С. 6–7.

² См. подр.: Овcharова Р.В. Психологическое сопровождение родительства. М., 2003.

³ См.: Петровский А.В. Введение в психологию: Учеб. пособие. М., 1995. С. 407.

⁴ См.: Казакова Е.Н. Опыт ресоциализации и социальной реабилитации пожизненно заключенных в Канаде // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2008. № 3. С. 53.

¹ Cit. po: Social'naja rehabilitacija: Ucheb. / Pod obshh. red. N.Sh. Valeevoj. M., 2012. S. 6–7.

² Sm. podr.: Ovcharova R.V. Psihologicheskoe soprovozhdenie roditel'stva. M., 2003.

³ Sm.: Petrovskij A.V. Vvedenie v psihologiju: Ucheb. posobie. M., 1995. S. 407.

⁴ Sm.: Kazakova E.N. Opyt resocializacii i social'noj rehabilitacii pozhiznenno zakljuchennyh v Kanade // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2008. № 3. S. 53.

УДК 159.9:343.8

Сравнительный анализ психопатизации и проявлений расстройств личности у осужденных женского пола, отбывающих наказания в местах лишения свободы

О.И. СОЧИВКО – преподаватель кафедры психологии профессиональной деятельности в уголовно-исполнительной системе Академии ФСИН России;

А.В. ДИДЕНКО – заместитель начальника по учебной работе Томского института повышения квалификации работников ФСИН России, доктор медицинских наук, доцент

В статье рассматриваются психологические особенности осужденных женского пола с расстройствами личности (психопатиями).

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система; исправительное учреждение; персонал исправительного учреждения; расстройства личности; осужденные женщины.

Comparative analysis of psychopatization and personality disorders among female convicts serving sentences in prisons

O.I. SOCHIVKO – Lecturer of the Department of Psychology of Professional Activity in the Penal System of the Academy of the Federal Penal Service of Russia;

A.V. DIDENKO – Deputy Head on Study of the Tomsk Institute of Advanced Training of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Medicine, Associate Professor

The article deals with the psychological characteristics of female convicts with personality disorders (psychopathy).

Key words: correctional system; penal institution; the staff of the penal institution; personality disorders; female convicts.

На современном этапе развития уголовно-исполнительной системы большое значение приобретает работа с осужденными женского пола, страдающими личностной патологией. По состоянию на 1 октября 2015 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 642 470 чел., в том числе 52 157 женщин¹. Распространенность психических расстройств в пенитенциарных учреждениях значительно превышает соответствующий показатель по России. На 01.01.2015 г. более 124,9 тыс. чел. (18,5% всех лиц, находящихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы) имели психическую патологию, из них 54,8 тыс. чел. – расстройства личности².

Сложность и неоднозначность проблемы диагностики личностной патологии у осужденных женщин в местах лишения свободы определяются мощным влиянием пенитенциарных стрессовых факторов, социокультуральных особенностей среды на личностные характеристики, что затрудняет дифференциацию невротических и характерологических реакций с позиций нормы и патологии³. Большую роль в клиническом оформлении и динамике личностной патологии играет наличие коморбидных психических расстройств в виде зависимости от психоактивных веществ и аффективных нарушений⁴.

В местах лишения свободы возрастает актуальность проблемы дифференциальной диагностики личностной патологии и непатологических девиаций личности, психогенных, реактивных состояний в связи с выделяемыми явлениями так называемой «психопатизации» личности осужденных. В зарубежной литературе выделяются ее характерные поведенческие проявления, например в виде феномена «bullying»⁵, агрессии к окружающим, запугиваний, напоминающие расстройства личности эмоционально неустойчивого типа.

С точки зрения отечественных психиатров П.Б. Ганнушкина⁶ и О.В. Кербикова⁷, расстройство личности – сложный конструкт, который должен обладать основными важными критериями: тотальностью (личность аномальна в целом, весь ее строй, характер, эмоциональная сфера, мышление, ценност-

но-потребностная сфера и пр.); стабильностью (проявления аномальных черт встречаются на протяжении длительного времени начиная с детско-подросткового возраста); выраженностью (аномальные черты настолько выражены, что личность испытывает дезадаптацию в социальной среде).

По оценкам американских специалистов, 15–25% осужденных, отбывающих наказания в местах лишения свободы, соответствуют критериям расстройства личности по оригинальному опроснику Psychopathy Checklist-Revised (PCL-R, – анкета психопатии, пересмотренный вариант)⁸.

Одной из проблем, связанной с оценкой личностной патологии у осужденных, является определение границ такого расстройства, как «психопатия», определяемого в англоязычной литературе (США, Канада, Великобритания) в качестве кластера расстройства личности, включающего в себя наиболее выраженные и тяжелые с точки зрения адаптации в социальной среде свойства, связанные с неспособностью испытывать чувство вины, низким уровнем тревожности, неспособностью извлекать уроки из наказания, эмоциональной односторонностью, неспособностью формировать длительные эмоциональные связи, эгоцентризмом и поверхностным шармом в поведении⁹. Эти характеристики соответствуют диссоциальному расстройству личности, выделяемому в МКБ-10. Сторонники социологического подхода критикуют диагностику, базирующуюся на личностных характеристиках, считая, что психопатия должна определяться с точки зрения наличия антисоциального поведения¹⁰. С другой стороны, критерии антисоциального расстройства личности по DSM являются поведенческими и включают в себя нарушение закона, социальную безответственность, опрометчивость, безрассудство. Из-за акцентов при диагностике на асоциальных поступках большинство осужденных, преступников будет соответствовать критериям антисоциального расстройства личности, хотя некоторые из них не удовлетворяют критериям психопатии, диагностированной с позиции анализа личностных характеристик. Роберт Хейр соединил оба

подхода – поведенческий и личностный – в свой опросник для диагностики психопатии – Psychopathy Checklist-Revised (PCL-R), состоящий из 20 пунктов, рассматриваемый в литературе как один из наиболее чувствительных в отношении диагностики личностной патологии (психопатии), связанной с асоциальным поведением.

Нередко в местах лишения свободы у осужденных женского пола с расстройствами личности возникают динамические сдвиги и поведенческие изменения под влиянием психогенных, социокультуральных факторов. Проведение воспитательных мероприятий с такими осужденными предполагает развитие у них умений и навыков по преодолению трудностей при реализации своих действий и поступков, что требует от специалистов-психологов знаний и умений по прогнозированию поведения осужденных. Таким образом, сложность, неоднозначность проблемы личностной патологии постоянно притягивает к себе исследователей, пытающихся найти общий механизм нарушений на психологическом уровне, характерный для расстройства личности, отличающийся от непатологических характерологических девиаций и ситуационно обусловленного реагирования личности на характерологическом уровне.

При организации исследования психологических и поведенческих особенностей осужденных женского пола с расстройствами личности, отбывающих наказание в виде лишения свободы, нами были использованы следующие методы:

1) анкетирования, направленного на сбор социально-демографических сведений о личности осужденных женского пола, отбывающих наказание в виде лишения свободы;

2) стандартизированной беседы;

3) тестирования с использованием методик:

– теста М. Люшера с использованием метода расчета психодинамических коэффициентов Д.В. Сочивко;

– теста-опросника «Индекс жизненного стиля» LSI (Р. Плутчика, Г. Келлермана, Х. Конте);

– методики определения типа личности и вероятностных расстройств» (PSP);

– методики «Опросник выраженности психопатологической симптоматики» (SCL-90-R) в адаптации Н.В. Тарабрина;

– методики «Гуманистическая направленность» (Н.А. Полянин);

– методики «Шкала экзистенции» (А. Лэнгле, К. Орглер).

Также в рамках исследования были использованы следующие понятия:

– расстройство личности – тяжелое нарушение характера и поведения индивидуума, сопровождающееся личностной и социальной дезадаптацией, представляющее собой комплекс глубоко укоренившихся, ригидных и дезадаптивных личностных черт, обуславливающих специфическое восприятие и отношение к себе и окружающим, снижение социального приспособления и субъективный дистресс;

– диссоциальное расстройство личности – расстройство личности, характеризующееся игнорированием социальных норм, импульсивностью, агрессивностью и крайне ограниченной способностью формировать привязанности, бессердечным равнодушием к чувствам других и неспособностью к эмпатии¹¹,

– психопатизация – проявление характерологических черт различной степени выраженности, не носящих синдромального характера и не входящих в структуру медицинского диагноза (например, лживость, жестокость, импульсивная агрессивность, манипулятивное поведение). Психопатизация в местах лишения свободы представляет собой процесс, имеющий стадии первичных реакций личности на пенитенциарную среду и существующие в ней межличностные отношения и последующего формирования относительно устойчивых состояний, выражающихся в определенных характерологических проявлениях личности, изменяющихся при смене социальной среды и окружения.

Для диагностики психических расстройств использована Американская классификация DSM-IV-TR, согласно которой расстройства личности делятся на три кластера:

1. С преимущественными нарушениями в сфере мышления (кластер «А» с проявлениями эксцентричности, странностей в поведении) – параноидные, шизоидные, шизотипические.

2. С преимущественными эмоциональными расстройствами (кластер «В» с проявлениями театральности, эмоциональности, лабильности аффектов) – эмоционально неустойчивые личности, импульсивный и пограничный подтипы, диссоциальные, истерические и нарциссические.

3. С преимущественными волевыми и тревожными нарушениями (кластер «С» – с проявлениями тревоги, страха) – избегающие, обсессивно-компульсивные и зависимые личности.

Помимо перечисленных расстройств личности широко распространены сочетания различных личностных черт, образующие так называемые смешанные расстройства личности¹².

Обработка данных осуществлялась с помощью методов многомерного статистического анализа с использованием программы Statistika 10.

Выделены три исследовательских группы по критериям установленного или отсутствующего профилактического или диспансерного наблюдения осужденных, поскольку предполагалось, что отбор в группы наблюдения изначально связан с объективно фиксированными специфическими поведенческими различиями. Указанные группы были представлены осужденными женского пола:

1) не состоящими ни на одном из видов учета (наблюдения) в исправительном учреждении;

2) состоящими на профилактическом учете в отделе режима и надзора;

3) состоящими под диспансерным наблюдением психиатра в медицинской части в связи с установленным диагнозом расстройства личности.

Диагноз расстройства личности был установлен в соответствии с Международной

классификацией болезней десятого пересмотра (F.6 «Специфические расстройства личности»).

При проведении анализа факторной психодинамической структуры личности осужденных в период отбывания наказания в местах лишения свободы были получены оценки выраженности психопатизации личности по использованным методикам. Каждый из психодиагностических методов направлен на оценку отдельной совокупной латентной переменной, которая отражает в психодинамической типологии определенный полюс пятифакторной структуры. Факторы – это психодинамические силы субъективного интрапсихического пространства, в зависимости от веса которых и выстраивалось реальное поведение осужденных женского пола с расстройствами личности в местах лишения свободы. Характеристика выявленных факторов:

1. Тревожно-депрессивный.
2. Антисоциальное позиционирование.
3. Защитный.
4. Отчуждение.
5. Свобода.

Среди всех шкал определяются три кластера: индивидуалистичный (35,1%), депрессивный (33%), защитный (31,9%).

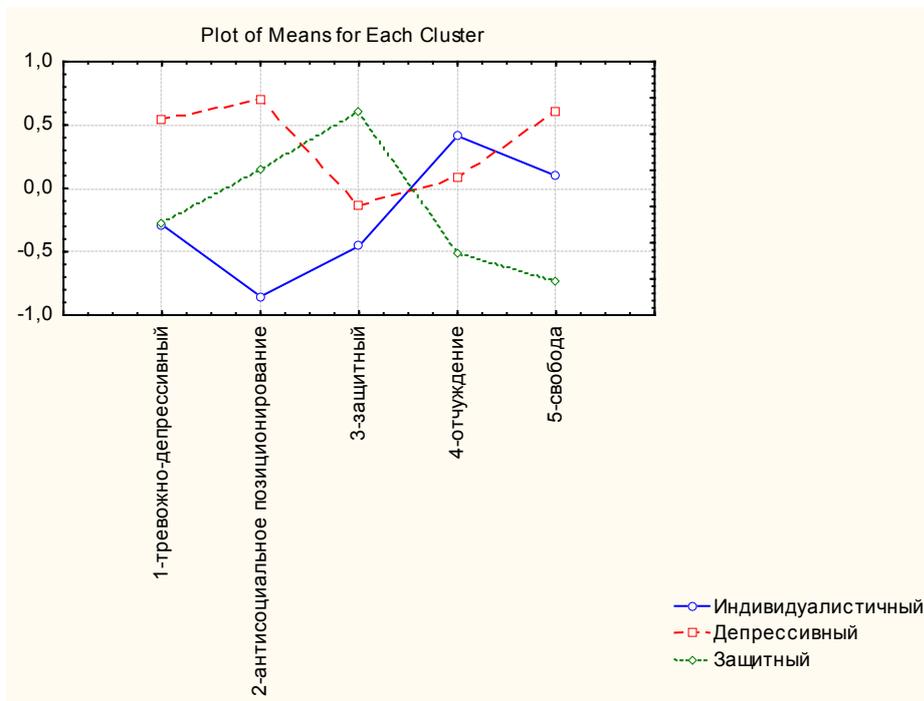

Рис. Результаты трехкластерного анализа факторного решения латентной структуры психопатизации личности осужденных женского пола (по всем испытуемым общей выборки)

На рисунке выделены три группы осужденных женского пола, близких по определенному критерию объектов, то есть три

кластера. Первый кластер составляет 35,1% из всей выборки испытуемых, второй кластер – 33% и третий – 31,9% соответственно.

Первый поведенческий кластер – «Индивидуалистичный». Осужденные, относящиеся к этому кластеру, отличаются озабоченностью деталями, правилами до такой степени, что начинают терять цель всей своей деятельности, не отличаются гибкостью в вопросах морали и этики, экономичны в средствах, не могут адаптироваться к требованиям реальной жизни и поражениям. Это обусловлено тем, что данные лица не обогащают и не контролируют свою жизнь, а наоборот, искажают ее, что нередко приводит к нарушениям режима и неподчинению администрации исправительного учреждения. Указанные осужденные характеризуются повышенной сексуальной активностью, склонностью к провокационным реакциям, эмоциональной неустойчивостью, отличаются чрезмерно эмоциональным, экспрессивным стилем речи, склонностью к самодраматизации, театральности; демонстративны в поведении, быстро реагируют на все происходящее. Отношения с окружающими носят поверхностный, изменчивый характер с частой сменой партнеров и эксцентричным поведением, не переносят одиночества и испытывают страх отвержения.

Второй поведенческий кластер – «Депрессивный» – характеризуется преобладанием в аффективной сфере эмоциональных нарушений в виде сниженного настроения, пессимистического взгляда на мир. Черты, соответствующие данному кластеру, связаны с озабоченностью к деталям, правилам, проявлениям тяги к уединению, сложностями в установлении близких отношений, сознательным искажением, нежеланием соответствовать социальным нормам, агрессивностью, неспособностью выдерживать определенный режим работы, безразличием к другим, низким уровнем эмпатии и паранойяльной идеацией в плане потенциальной угрозы. В то же время склонны проявлять зависимость в поведении и идти навстречу администрации, теряя свой авторитет.

Третий поведенческий кластер – «Защитный». Осужденным свойственны тревожное состояние, игнорирование травмирующей информации, отрицательные, внутренне неприемлемые для них свойства, черты и негативные чувства к субъекту переживания. У данной категории лиц имеются повышенная внушаемость и доверчивость в силу действия механизма отрицания, который реализуется в конфликтах любого рода и характеризуется внешне отчетливым искажением восприятия действительности.

В процессе сбора информации, анализа поведения осужденных, несмотря на наличие характерологических, невротических и аффективных проявлений, отмечаемых во всех группах, мы обратили внимание на следующие проявления, присущие осужденным первой группы (лица, не состоящие под каким-либо наблюдением): стремление забыть о своем пребывании в колонии, избавиться от неприятных переживаний, нахождения в заключении, объясняемое негативным восприятием осужденных-женщин в обществе. Проявление психологического защитного поведения в виде вытеснения являлось наиболее характерным для осужденных данной группы.

Кроме того, данной группе осужденных свойственно снижение установки на какую-либо аналитическую работу над собой, поиск компенсаторных выходов из сложившейся ситуации, исправление и изменение своего поведения. Они имеют самый высокий уровень защиты. Вероятно, что указанные примитивные защиты при их высокой выраженности придают поведению человека импульсивные, истероидные черты. При этом наиболее выраженные примитивные защиты наблюдаются у осужденных женского пола, не состоящих ни на одном из видов учета, которым свойственны отрицание некоторых фрустрирующих, вызывающих тревогу обстоятельств, внутренних импульсов и тревоги.

Осужденные женского пола вытесняют из своего сознания психотравмирующие обстоятельства либо нежелательную информацию, хотя внешне это нередко выглядит как активное противодействие самоанализу и воспоминаниям. Неприемлемые для них импульсы, желания, чувства, мысли, вызывающие тревогу, становятся бессознательными.

Осужденные указанной группы при влиянии на них фрустрирующих факторов часто заменяли решение субъективно более сложных задач на решение относительно более простых и доступных в имеющейся ситуации, компенсаторно предотвращали выражение неприемлемых или просто неприятных для них мыслей, поступков или чувств путем преувеличенного развития противоположных стремлений. Следовательно, происходило некое изменение внутренних импульсов в субъективно понимаемую их противоположность.

Таким образом, с позиций проведенного анализа психопатизации личности испытуемых осужденных женского пола предложен-

ная трехкластерная психодинамическая типология личности и поведения может стать модельной основой для формулирования научно-психологических и функционально-

психодинамических направлений оказания практической психологической помощи в форме психологического консультирования, психокоррекции и психотерапии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы. Количество осужденных женщин [Электронный ресурс]. URL: <http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 22.10.2015 г.).

² См.: Доклад о результатах и основных направлениях деятельности на 2015–2017 годы ФСИН России [Электронный ресурс]. URL: <http://fsin.su/structure/inspector/iao/Doklad/> (дата обращения: 22.10.2015 г.).

³ См.: Качнова Н.А. Особенности психогенных факторов в условиях мест лишения свободы для женщин и варианты социально-психологической дезадаптации // Российский психиатрический журнал. 1999. № 5. С. 39–42.

⁴ См.: Она же. Клинико-психопатологические и социальные характеристики осужденных женщин с психическими расстройствами: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. М., 1999.

⁵ См.: Ireland J.L. Bullying in prisons // *The Psychologist*. 2002. Vol. 15 (3). P. 130–133.

⁶ См.: Ганнушкин П.Б. Клиника психопатий: их статика, динамика, систематика. М., 1933.

⁷ См.: Кербиков О.В. Избранные труды. М., 1971.

⁸ См.: Hare R.D. Psychological instruments in the assessment of psychopathy // *International Handbook on Psychopathic Disorders and the Law*. N.Y., 2007. P. 41–67.

⁹ См.: Blackburn R. An empirical classification of psychopathic personality // *British Journal of Psychiatry*. № 127. P. 456–460.

¹⁰ См.: Lilienfeld S.O. Conceptual problems in the assessment of psychopathy // *Clinical Psychology Review*. № 14. P. 17–38.

¹¹ См.: Диденко А.В., Аksenov M.M. Сравнительная характеристика клинических проявлений диссоциального и эмоционально неустойчивого расстройства личности у осужденных, находящихся в местах лишения свободы // Российский психиатрический журнал. 2010. № 1. С. 4–11.

¹² См.: Шостакович Б.В. Клинические варианты расстройств личности (психопатические расстройства) // *Пограничные психические расстройства* / Под ред. Ю.А. Александровского. М., 2000. С. 189–216.

¹ См.: Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы. Количество осужденных женщин [Электронный ресурс]. URL: <http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 22.10.2015 г.).

² См.: Доклад о результатах и основных направлениях деятельности на 2015–2017 годы ФСИН России [Электронный ресурс]. URL: <http://fsin.su/structure/inspector/iao/Doklad/> (дата обращения: 22.10.2015 г.).

³ См.: Качнова Н.А. Особенности психогенных факторов в условиях мест лишения свободы для женщин и варианты социально-психологической дезадаптации // Российский психиатрический журнал. 1999. № 5. С. 39–42.

⁴ См.: Она же. Клинико-психопатологические и социальные характеристики осужденных женщин с психическими расстройствами: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. М., 1999.

⁵ См.: Ireland J.L. Bullying in prisons // *The Psychologist*. 2002. Vol. 15 (3). P. 130–133.

⁶ См.: Ганнушкин П.Б. Клиника психопатий: их статика, динамика, систематика. М., 1933.

⁷ См.: Кербиков О.В. Избранные труды. М., 1971.

⁸ См.: Hare R.D. Psychological instruments in the assessment of psychopathy // *International Handbook on Psychopathic Disorders and the Law*. N.Y., 2007. P. 41–67.

⁹ См.: Blackburn R. An empirical classification of psychopathic personality // *British Journal of Psychiatry*. № 127. P. 456–460.

¹⁰ См.: Lilienfeld S.O. Conceptual problems in the assessment of psychopathy // *Clinical Psychology Review*. № 14. P. 17–38.

¹¹ См.: Диденко А.В., Аksenov M.M. Сравнительная характеристика клинических проявлений диссоциального и эмоционально неустойчивого расстройства личности у осужденных, находящихся в местах лишения свободы // Российский психиатрический журнал. 2010. № 1. С. 4–11.

¹² См.: Шостакович Б.В. Клинические варианты расстройств личности (психопатические расстройства) // *Пограничные психические расстройства* / Под ред. Ю.А. Александровского. М., 2000. С. 189–216.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 378.6

К вопросу о формировании у курсантов ведомственного вуза личностной позиции сотрудника уголовно-исполнительной системы

О.С. БОРОЗДИНА – доцент кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, кандидат педагогических наук

Статья посвящена актуальной проблеме формирования у курсантов ведомственного вуза личностной позиции сотрудника уголовно-исполнительной системы. В качестве эффективного средства формирования указанной личностной позиции рассматривается социально-педагогическая волонтерская деятельность курсантов на базе детского дома.

Ключевые слова: личностная позиция сотрудника уголовно-исполнительной системы; социокультурная среда вуза; волонтерская деятельность.

On the formation by cadets of the departmental institute of personal position of the employee of the penal system

O.S. BOROZDINA – Associate Professor of the Department of the Legal Psychology and Pedagogy of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Pedagogics

The article is devoted to the actual problem of formation by cadets of departmental institute of personal position of the employee of the penal system. As an effective means of forming this personal position is social and educational volunteering of students on the basis of the children's home.

Key words: personal position of the employee of the penal system; socio-cultural environment of the institute; volunteering.

В Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. особое внимание уделяется сокращению рецидива преступлений за счет повышения эффективности социальной и психологической работы в местах лишения свободы. В этой связи особую актуальность приобретает подготовка сотрудников, в частности формирование у курсантов ведомственного вуза ФСИН России личностной позиции, необходимой для достижения поставленной цели.

В современной отечественной психологии личность определяется как сложное

психическое новообразование духовной сферы человека, необходимое для обретения своего места в социуме и формирующееся в процессе социализации¹. В концепции персонализации личность понимается как субъект межличностных отношений в единстве ее интраиндивидуальных свойств (мотивы, направленность), межиндивидуальных связей и «идеальной представленности» в жизнедеятельности других людей². Личностная позиция – одно из ведущих подсистемных новообразований личности. Под личностной позицией сотрудника уголовно-исполнительной системы мы понимаем систему от-

ношений к людям, миру, которые являются источником и мотивом профессиональной активности сотрудника в процессе достижения цели исправления осужденных и выражаются в направленности его личности.

Для целенаправленного решения проблемы формирования у курсантов ведомственного вуза личностной позиции сотрудника уголовно-исполнительной системы необходимы выявление сущностной характеристики личностной позиции и факторов социокультурной среды вуза, оказывающих влияние на процесс формирования у курсантов указанной позиции; выбор и реализация стратегии педагогического взаимодействия, способной усилить влияние позитивных и снизить влияние негативных средовых факторов.

Сущностная характеристика личностной позиции сотрудника уголовно-исполнительной системы обусловлена его деятельностью, направленной на достижение цели исправления осужденных. Общей особенностью осужденных является высокая степень девиантности (преступное поведение) и аномальное (деструктивное) развитие личности. В современной отечественной психологии характеристика личности, ее «нормальность» или «аномальность» связываются с выбором и осуществлением человеком главного, системообразующего отношения – отношения к людям и каждому отдельному человеку³. Б.С. Братусь отмечает, что, как и всякий жизненный процесс, отношение к другому несет в себе исходное, движущее противоречие: с одной стороны, рассмотрение человека как самооценности, как непосредственно родового существа, а с другой – понимание его как «вещи», средства реализации внешней для него цели. Приближение к первому и противостояние второму есть, по мысли ученого, основное условие нормального развития человека, его личности. Основываясь на данных исследований, ученые пришли к выводу, что деструктивное развитие личности тесно связано с эгоцентрической ориентацией человека, в то время как наиболее благоприятные условия для развития создает противоположная эгоцентрической просоциальная ориентация.

Деятельность сотрудника, содействующая исправлению осужденных, состоит в создании условий, побуждающих их к самоизменению и формированию в исправительном учреждении сообществ просоциальной направленности, участие в которых может сформировать у осужденных желание к обу-

стройству своей жизни на свободе честным трудом. Очевидно, что сотрудник с эгоцентрической личностной позицией таких условий обеспечить не сможет, а следовательно, не сможет способствовать и исправлению осужденных. По нашему мнению, сущность личностной позиции сотрудника уголовно-исполнительной системы должна определяться следующими критериями: отношение к другому человеку как к самооценности (центральное системообразующее отношение); способность к децентрации, самоотдаче и любви к другим людям как способу реализации этого отношения; творческий, целетворящий характер жизнедеятельности; потребность в позитивной свободе; способность к свободному волепроявлению; возможность самопроектирования будущего; вера в осуществимость намеченного; внутренняя ответственность перед собой и другими⁴. Интегрирующей основой такой личностной позиции является способность отодвинуть себя, свои сиюминутные желания, удовольствия на второй план, а на первый план поставить бескорыстную помощь нуждающемуся⁵.

На наш взгляд, одним из наиболее значимых факторов, оказывающих влияние на процесс формирования у курсантов ведомственного вуза личностной позиции сотрудника уголовно-исполнительной системы, является определенная закрытость социокультурной среды ведомственного вуза. Есть все основания рассматривать данную среду как «закрытое сообщество добровольно-вынужденной изоляции» (термин М.Ю. Кондратьева). Поступив в вуз, курсанты оказываются в достаточно замкнутом круге общения и на несколько лет должны значительно ограничить свои контакты с привычным окружением. Если стремление к избранной профессиональной перспективе берет верх, неудобства изоляции рассматриваются ими, как правило, в качестве неприятного, но необходимого и добровольно принимаемого условия достижения своих целей.

При формировании у курсантов личностной позиции сотрудника уголовно-исполнительной системы необходимо учитывать риск актуализации эгоцентрической личностной позиции. По нашему мнению, для минимизации этого риска необходим анализ социокультурной среды, в которой осуществляется жизнедеятельность и профессиональная подготовка курсантов ведомственного вуза, с целью осознанного выбора педагогической стратегии преду-

преждения и коррекции формирования деструктивных качеств личности.

Н. Тюгаева отмечает, что в процессе обучения курсантов ведомственных вузов «акцент переносится на самостоятельность и ответственность обучающихся», необходимо «не просто расширить зону их самостоятельности, но и превратить это в важнейший принцип»⁶. Но как раз ситуаций самостоятельного и ответственного выбора и недостает в служебной, учебной и бытовой деятельности курсантов, вся жизнь которых подчинена установленному распорядку и жестко координируется. Это значительно затрудняет формирование у курсантов таких необходимых для сотрудника уголовно-исполнительной системы личностных качеств, как самостоятельность и ответственность, самоорганизация и способность к сотрудничеству в реализации совместно избранной цели.

К числу значимых проблем личностного развития курсантов следует отнести неорганизованность, разобщенность членов учебных групп, низкий уровень сотрудничества и взаимопомощи, индивидуализм. По нашему мнению, с целью коррекции личностной позиции курсантов необходимо целенаправленно создавать в образовательном процессе ситуации самостоятельного и ответственного выбора обучающимися целей своей деятельности и реализации этих целей в сотрудничестве с единомышленниками. Насыщенная такими ситуациями практико-ориентированная деятельность курсантов, позволяющая направлять их воспитание и самовоспитание, должна стать ведущим средством воспитательной работы в вузе.

Условием реализации данного средства является построение открытого воспитательного пространства, способствующего формированию у будущего сотрудника уголовно-исполнительной системы активного отношения к жизни и избранной профессии, самостоятельного и ответственного выбора и реализации личностной позиции в социуме. Обобщение нашего опыта работы в данном направлении на базе психологического факультета ВИПЭ ФСИН России позволяет сделать вывод, что основным средством построения такого воспитательного пространства может стать волонтерская деятельность социально-педагогического содержания.

Институт волонтерства широко распространен во многих странах. Волонтеры – это добровольцы, люди, бесплатно работающие

в государственной или негосударственной организации. Данное направление деятельности в России законодательно начало оформляться лишь с середины 90-х гг. (федеральный закон «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» 1995 г.)⁷. Волонтерство основывается на добровольном труде, не требующем оплаты, его мотивы не в материальном поощрении, а в удовлетворении духовных потребностей самих волонтеров. Отношения между волонтерами и организацией, выступающей адресатом оказываемой помощи, регулируются, как правило, договорами, определяющими виды и объем работ.

Организация волонтерского педагогического отряда курсантов ВИПЭ ФСИН России началась с заключения в феврале 2012 г. соглашения о сотрудничестве между институтом и Вологодским детским домом № 1, предусматривающего оказание различных видов социально-педагогической помощи воспитанникам детского дома, в частности кураторство курсантов над воспитанниками с девиантным поведением. Решение стать участниками волонтерского отряда принималось курсантами индивидуально и добровольно.

В работе с «трудными» воспитанниками детского дома была поставлена цель – помочь им самостоятельно преодолеть негативные личностные деформации, преобразовать деструктивный способ существования в конструктивный. Перед каждым участником волонтерского отряда стояла сложная задача: выполняя социальную роль старшего друга, быть для подростков ценностными ориентирами в реальных жизненных обстоятельствах.

Считаем, что «соучастование» курсантов в судьбах воспитанников детского дома – эмоциональное и действенное включение в дела другого человека, активная помощь, сопереживание, действенное сострадание бедам другого человека и активное содействие его успехам – способствует формированию «доминанты на другом» как интегрирующей основы личностной позиции сотрудника уголовно-исполнительной системы. При «соучастовании» отношение одного человека к другому в своих деятельностных проявлениях совпадает с его отношением к самому себе. По сути, речь идет о нравственном императиве: защищать интересы другого, как если бы это были интересы свои. В этой ситуации между воспитанниками детского дома и курсантами возникают отношения взаимной значимости. Курсанты

являются для воспитанников «эмоционально значимыми другими». Но и воспитанники становятся для курсантов «значимыми другими» в качестве объектов заботы и «педагогического попечительства».

Важным является и то, что статусное место каждого участника волонтерского отряда в сообществе определяется его уникальными индивидуальными способностями, личностным вкладом в реализацию общих самостоятельно поставленных и значимых для каждого целей, а не властными полномочиями. Сами курсанты оценили значение волонтерской социально-педагогической деятельности для своего личностного и индивидуального развития следующим образом: «Во-первых, очень важно быть нужным, знать, что тебя ждут, что ты можешь кому-то помочь в жизни. Во-вторых, роль “ориентира” для другого человека вынуждает посмотреть критически на самого себя, осознать свои реальные жизненные установки и ценности, корректировать собственное поведение. В-третьих, именно в общении с воспитанниками детского дома мы, возможно впервые, осознали себя специалистами, ставящими профессиональные задачи и несущими ответственность за способы и результаты их решения»⁸.

Волонтерская деятельность курсантов на базе детского дома способствовала решению многих задач воспитательной работы в ведомственном вузе: установлению вза-

имосвязи учебной, исследовательской и общественной деятельности курсантов, повышению познавательной мотивации учебных занятий, их практической ориентации, формированию профессионально ценных личностных качеств сотрудника уголовно-исполнительной системы – самостоятельности, способности к совершению ответственного выбора, профессиональной и нравственной рефлексии. В этой связи важным представляется решение вопроса о месте волонтерской деятельности курсантов в образовательном процессе вуза. Существует достаточно много убедительных примеров, подтверждающих, что, именно пройдя школу общественных организаций, объединений, творческих коллективов в вузе, молодые люди приобретают профессионально значимые ориентиры, умения и личностные качества. Нужны поддержка исследовательской и гражданской активности обучающихся, поощрение их социально ответственных действий. Для этого должна быть выстроена система взаимосвязей волонтерской и учебной деятельности курсантов с использованием позитивного потенциала внутренней и внешней среды вуза.

Таким образом, одним из значимых средств формирования у курсантов ведомственного вуза личностной позиции сотрудника уголовно-исполнительной системы является социально-педагогическая деятельность в составе волонтерского отряда.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Основы психологической антропологии. Психология человека. Введение в психологию субъективности: Учеб. пособие. М., 1995.

² См.: Петровский В.А. Системно-деятельностный подход к личности: концепция персонализации // Психология развивающейся личности. М., 1987.

³ См.: Братусь Б.С. Аномалии личности. М., 1988. С. 27–29.

⁴ См.: Там же. С. 50.

⁵ См.: Флоренская Т.А. Диалог в практической психологии: Моногр. М., 2002. С. 25–28.

⁶ Тюгаева Н. Акцент на самостоятельность // Преступление и наказание. 2012. № 1. С. 11.

⁷ См.: Шелокова Е. Добровольческие трудовые отношения: основные определения // Человек и труд. 2003. № 4. С. 38.

⁸ См. подр.: Бороздина О.С., Костоев М.Б. Опережающая педагогическая поддержка как средство предупреждения преступного поведения воспитанников детского дома // Проблемы выбора средств предупреждения преступности несовершеннолетних в условиях реформирования УИС: Материалы междунар. науч.-практ. конф. Вологда, 2012.

¹ См.: Slobodchikov V.I., Isaev E.I. Osnovy psihologicheskoj antropologii. Psihologija cheloveka. Vvedenie v psihologiju sub#ektivnosti: Ucheb. posobie. M., 1995.

² См.: Petrovskij V.A. Sistemno-dejatel'nostnyj podhod k lichnosti: koncepcija personalizacii // Psihologija razvivajushhejsja lichnosti. M., 1987.

³ См.: Bratus' B.S. Anomalii lichnosti. M., 1988. S. 27–29.

⁴ См.: Tam zhe. S. 50.

⁵ См.: Florenskaja T.A. Dialog v prakticheskoj psihologii: Monogr. M., 2002. S. 25–28.

⁶ Tjugajeva N. Akcent na samostojatel'nost' // Prestuplenie i nakazanie. 2012. № 1. S. 11.

⁷ См.: Shelokova E. Dobrovol'cheskie trudovye otnoshenija: osnovnye opredelenija // Chelovek i trud. 2003. № 4. S. 38.

⁸ См. подр.: Borozdina O.S., Kostoev M.B. Operezhajushaja pedagogicheskaja podderzhka kak sredstvo preduprezhdenija prestupnogo povedenija vospitannikov detskogo doma // Problemy vybora sredstv preduprezhdenija prestupnosti nesovershennoletnih v uslovijah reformirovanija UIS: Materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Vologda, 2012.

УДК 316.61

Связь понятия «опережающая педагогическая поддержка» с процессом развития личности студента

Е.В. СЫСОЕВА – аспирант кафедры педагогики Вологодского государственного университета

В статье рассматриваются проблемы педагогической поддержки студента вуза на начальном этапе обучения, когда обучающийся (особенно в военном учебном заведении) проходит болезненную адаптацию, связанную с ломкой привычного стереотипа поведения и учебной работы в школе; делается акцент на опережающей педагогической поддержке личностного развития первокурсника как способе разрешения его адаптационных проблем.

Ключевые слова: военный вуз; опережающая педагогическая поддержка; развитие личности; начальный период обучения.

Relations between the notion of «anticipatory pedagogical support» and the process of development of the personality of student

E.V. SYSOEVA – Graduate Student of the Department of Pedagogy of the Vologda State University

The article deals with the problems of pedagogical support of students of high school at an early stage of learning when the student (especially in the military-training school) passes the painful adaptation associated with breaking of usual stereotype of behavior and academic work in the school; focuses on the advanced pedagogical support of personal development as a way to solve adaptation problems.

Keywords: military college; anticipatory pedagogical support; personal development; the initial training period.

Высшее образование предназначено создавать условия для наращивания и проявления личностных функций обучающихся, что помогает им расставить мировоззренческие и поведенческие приоритеты и, в конечном счете, стать специалистами высокого уровня.

Время учебы в вузе параллельно второму периоду юности или первому периоду зрелости, который отличается сложностью становления личностных качеств. Характерной особенностью нравственного развития в этом возрасте является усиление сознательных мотивов поведения. Заметно развиваются те черты, которых в полной мере не хватало в старшей школе, – целеустремленность, решительность, настойчивость, инициативность, самостоятельность, умение владеть собой. Повышается интерес к моральным проблемам (цели, образу жизни, долгу, любви, верности и др.).

Однако, как показывает практика, на начальный этап обучения в вузе приходится

наибольший отсев студентов, связанный с их неспособностью адаптироваться к новым для себя условиям. Резкая ломка многолетнего привычного рабочего состояния школьника иногда приводит к нервным срывам или стрессовым реакциям.

Проведенный нами в сентябре-октябре 2013 г. опрос студентов первого курса технологического и экономического факультетов (120 чел.) сельскохозяйственной академии показал, что низкая адаптация зависит от ряда факторов, связанных с неудовлетворенностью студентов:

- учебным процессом (его организацией, качеством преподавания и др.);
- социально-психологическими отношениями (с преподавателями, группой и др.);
- условиями для проведения свободного времени (бытовыми условиями вуза и общества, техническим оснащением вуза, организацией массовых мероприятий, условиями для полноценного проведения досуга и др.).

Адаптация студентов-первокурсников становится важной формой их личностного развития, так как адаптированный студент более других готов к полноценному развитию физической, психологической, интеллектуальной и других сторон своей личности в новой среде.

Опережающая педагогическая поддержка, осуществляемая кураторами и тьюторами на младших курсах вуза, по нашему мнению, способна реализовать одно из направлений педагогического процесса – осознанный личностный рост студента. Данное направление деятельности способно эффективно решать задачи изменения личностных качеств и студента, и преподавателя, построения «пространства сотрудничества»¹. Можно предположить, что грамотно организованная опережающая педагогическая поддержка более полно раскрывает возможности обучающегося как субъекта образовательного процесса, обеспечивает полноценное функционирование его как личности, способной к самосовершенствованию, саморегуляции, жизненному и профессиональному самоопределению.

Многие известные ученые (К.Н. Вентцель, Э. Кей, Я.А. Коменский, Я. Корчак, М. Монтессори, И.Г. Песталоцци, Ф. Фребель, С. Френе, К.Д. Ушинский и др.) в своих работах делают акцент на необходимости педагогической поддержки детей и молодежи.

Основы теории педагогической поддержки были разработаны О.С. Газманом и его научной школой (Т.В. Анохиной, В.П. Бедерхановой, Н.Б. Крыловой, Н.Н. Михайловой, С.Д. Поляковым, С.М. Юсфиним Т.А. Строковой, И.Д. Фруминим и др.).

Изучение работ О.С. Газмана убеждает, что теоретической основой рассматриваемой поддержки является педагогика свободы, которая отличается от педагогики необходимости направленностью на внутренний мир человека. Механизмом ее реализации является индивидуализация. Под индивидуализацией личности, по О.С. Газману, следует понимать выявление, развитие и совершенствование неповторимости личности, своеобразия, заложенного в человеке или приобретенного им в процессе жизнедеятельности. Результатом индивидуализации является «свободоспособность как характеристика нового измерения личности»².

О.С. Газману удалось определить сущность педагогической поддержки как осуществление процессов «СО- и САМО-» (самосознания, самодеятельности, саморегуляции, самоопределения и т.д.), ко-

торые позволяют ребенку успешно решать постоянно возникающие проблемы. По его мнению, педагогическая поддержка – это профессиональная деятельность педагогов, направленная на оказание превентивной и оперативной помощи детям в различной деятельности³.

Соратники О.С. Газмана по научной школе развивают его идеи. Так, Т.В. Анохина трактует понятие «педагогическая поддержка» как систему средств, которые обеспечивают помощь детям в самостоятельном индивидуальном выборе – нравственном, гражданском, профессиональном, экзистенциальном самоопределении, а также помощь в преодолении препятствий (трудностей, проблем) самореализации в учебной, коммуникативной, трудовой и творческой деятельности⁴.

Н.Б. Крылова рассматривает понятие «педагогическая поддержка» как элемент любого сотрудничества и взаимодействия, так как она является проявлением позитивного отношения к деятельности человека и готовности содействия его начинаниям и самореализации, что предполагает товарищеские отношения⁵. Следовательно, педагогическая поддержка осуществляется в условиях свободной творческой деятельности. От творческого выбора учащимися направления и содержания своей индивидуальной образовательной программы прямо зависит продуктивность как показатель качества самоопределения, самообразования и самореализации ученика.

Н.Н. Михайлова под педагогической поддержкой понимает «механизм автономизации личности». Он заключается в «присвоении ребенком права на уникальность... и самореализацию как выстраивание собственной жизненной траектории»⁶. В этом смысле автор очень близок к обоснованию опережающего характера педагогической поддержки. Педагог сопровождает ребенка на его пути к обретению автономии личности, помогая сформировать навыки самоопределения, самооценку, самоконтроль, то есть самопознание.

Ф.И. Кевля, исследуя возможности педагогической поддержки, подчеркивает ее опережающий (прогностический) характер. По мнению ученого, опережающая педагогическая поддержка личностного развития ребенка представляет собой деятельность педагога по моделированию условий и траектории развития личности воспитанника в перспективе его жизненного и профессионального самоопределения. Такая

деятельность основывается на развитии субъектности всех участников образовательного процесса, взаимодополняемости комплексного диагноза, авансированного прогноза, индивидуализации помощи ребенку в процессах «САМО-» (оздоровления, обучения, воспитания, осознания). Базой опережающей педагогической поддержки является выход на более высокий, акмеологический уровень мастерства педагога и глубинного общения с ребенком, на использование интуиции. Это требует от педагога применения концептуального мышления, прогностических способностей и проективных умений.

Концептуальность мышления заключается в умении соединять противоречивые впечатления в общую картину, обнаруживать причинно-следственные связи явлений и целостно характеризовать каждое из них, находя доминантное качество. Прогностическими способностями обладает педагог, который способен предвидеть вероятные последствия педагогической ситуации. Основу прогностических способностей составляет интуиция как знание, возникающее без осознания путей и условий его получения, и антиципация как способность человека представить себе процесс или результат действия до его осуществления или как подготовка к реакции на действие до его наступления. Наличие проективных умений у педагога свидетельствует о том, что он в состоянии материализовать результаты педагогического прогнозирования и создать условия для моделирования индивидуальной траектории (программы) развития ребенка.

Одним из условий реализации опережающей педагогической поддержки личностного развития ребенка и особым методом Ф.И. Кевля считает психолого-педагогический консилиум. Он может быть рассмотрен не только «как метод и принцип, на основе которого выстраивается интегративная модель педагогической поддержки личностного развития ребенка, но и творческая мастерская, научная лаборатория и консультативная служба»⁷. В результате педагогической поддержки ребенок приобретает навыки самопознания.

Таким образом, при рассмотрении предмета опережающей педагогической поддержки как процесса, на наш взгляд, мало внимания уделяется требованиям к педагогу, который помимо мастерства и глубинного общения с ребенком способен овладеть концептуальностью мышления, прогности-

ческими способностями и проективными навыками (хотя ребенок может выступать при этом как субъект педагогического процесса).

Когда же предметом опережающей педагогической поддержки выступают условия ее реализации, то это, на наш взгляд, более цельно, поскольку субъект-субъектные взаимоотношения ребенка и взрослого, единство научных и интуитивных знаний всех участников становятся основополагающими. Ведь имея дело с процессами «СО- и САМО-», следует использовать интуицию, основанную на воображении, эмпатии, предшествующем опыте.

Считаем, что опережающая педагогическая поддержка личностного развития студента – это тип педагогической деятельности, заключающийся в разработке содержания, методов и средств, направленных на выявление и использование субъектного прошлого студента, раскрытие способов его мышления, выстраивание индивидуальной траектории развития через реализацию образовательной программы с учетом личностных потребностей студента для решения как фактических, так и возможных проблем.

Целью опережающей педагогической поддержки выступает личностное развитие студента, его качественных и количественных характеристик, возникновение новых форм жизнедеятельности, социальных взаимосвязей. Под личностным развитием студента мы понимаем особое конфликтное становление личностной целостности, сложный процесс постоянного самосовершенствования, который помогает обучающемуся преодолеть внутрличностное кризисное состояние, что в результате способствует возникновению новообразований личности. В результате поддержки адаптированный студент готов к полноценному развитию физической, психологической, интеллектуальной и других сторон своей личности в незнакомой среде, поскольку адаптация первокурсников является составной частью их личностного развития.

Сущностью опережающей педагогической поддержки личностного развития студента является не только опережающий процесс научения субъекта самостоятельно планировать свой жизненный путь и индивидуальную образовательную траекторию, организовывать жизнедеятельность, разрешать проблемные ситуации, но и постоянная готовность студента адекватно реагировать на трудности.

Именно опережающий характер педагогической поддержки позволяет сделать широкий спектр применения, прогнозирования личностного развития студента и осуществить опережающую педагогическую поддержку на высоком уровне.

Считаем, что применение опережающей педагогической поддержки в массовой университетской практике призвано облегчить период адаптации первокурсников для осуществления в дальнейшем их более полноценной профессиональной подготовки.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Ефимов А.А. Педагогическое сопровождение социально-криминальных групп подростков: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Ставрополь, 2003.

² См.: Газман О.С. Педагогическая поддержка детей в образовании как инновационная проблема // Новые ценности образования: десять концепций и эссе. 1995. № 3. С. 58–63.

³ См.: Архипова А.А. Социально-педагогическое сопровождение детей, оставшихся без попечения родителей, в процессе социализации: Дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2005.

⁴ См.: Пичугина Г.В. Педагогическое сопровождение и педагогическая поддержка обучающихся в технологическом образовании // Школа и производство. 2009. № 8. С. 3–6.

⁵ См.: Крылова Н.Б. Педагогическая, психологическая и нравственная поддержка как пространство личностных изменений ребенка и взрослого // Классный руководитель. 2000. № 3. С. 92–104.

⁶ Кевля Ф.И. Педагогические технологии: диагностика, прогнозирование и поддержка личностного развития ребенка. Вологда, 2009.

⁷ Она же. Психолого-педагогический консилуим: история, теория, опыт: Учеб. пособие. Вологда, 2013.

¹ См.: Efimov A.A. Pedagogicheskoe soprovozhdenie asocial'no-kriminal'nyh grupp podrostkov: Avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. Stavropol', 2003.

² См.: Gazman O.S. Pedagogicheskaja podderzhka detej v obrazovanii kak innovacionnaja problema // Novye cennosti obrazovanija: desjat' koncepcij i jesse. 1995. № 3. S. 58–63.

³ См.: Arhipova A.A. Social'no-pedagogicheskoe soprovozhdenie detej, ostavshihsj bez popechenija roditelej, v processe socializacii: Dis. ... kand. ped. nauk. SPb., 2005.

⁴ См.: Pichugina G.V. Pedagogicheskoe soprovozhdenie i pedagogicheskaja podderzhka obuchajushihsj v tehnologicheskom obrazovanii // Shkola i proizvodstvo. 2009. № 8. S. 3–6.

⁵ См.: Krylova N.B. Pedagogicheskaja, psihologicheskaja i npravstvennaja podderzhka kak prostranstvo lichnostnyh izmenenij rebenka i vzroslogo // Klassnyj rukovoditel'. 2000. № 3. S. 92–104.

⁶ Kevlja F.I. Pedagogicheskie tehnologii: diagnostika, prognozirovanie i podderzhka lichnostnogo razvitija rebenka. Vologda, 2009.

⁷ Она же. Psihologo-pedagogicheskij konsilium: istorija, teorija, opyt: Ucheb. posobie. Vologda, 2013.

УДК 343.83

Самообразование как средство профессионального развития организатора воспитательной работы с осужденными

Е.В. СЕРЕБРЯНИК – доцент кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент

В данной статье раскрыта роль самообразования как значимого средства профессионального развития сотрудника уголовно-исполнительной системы. Обращено внимание на сущность самообразования и профессионального саморазвития, представлена четырехкомпонентная структура самообразования организатора воспитательной работы с осужденными.

К л ю ч е в ы е с л о в а : самообразование; структура самообразования; профессиональное развитие; профессиональное саморазвитие; воспитательная работа с осужденными; организатор воспитательной работы с осужденными.

Self-education as a way of professional development of organizer of educational work with convicts

E.V. SEREBRYANIK – Associate Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Pedagogics, Associate Professor

This article reveals the role of self-education as a significant way of professional development of employees of the penal system. Attention is drawn to the essence of self-education and professional self-development, there is represented a four-component structure of self-education of the organizer of educational work with convicts.

Key words: self-education; structure of self-education; professional development; professional self-development; educational work with convicts; the organizer of educational work with convicts.

Современный этап развития уголовно-исполнительной системы страны задает серьезные ориентиры в области совершенствования воспитательной работы с осужденными. На уровне деятельности конкретного сотрудника к ним относятся внедрение новых форм и методов исправительного воздействия на осужденных, обеспечение ресоциализации осужденных, поиск и внедрение новых индивидуальных форм работы, обеспечивающих оказание адресной педагогической помощи каждому осужденному, и др. Многообразие и сложность поставленных задач определяют необходимость активизации всех имеющихся у организатора воспитательной работы с осужденными личностных ресурсов и средств, которые обеспечили бы ему постоянное профессиональное развитие.

Воспитание человека, совершившего преступление, заключается прежде всего в изменении социально-нравственных ориентаций и установок личности, усвоении им одобряемых обществом ценностей, что в конечном итоге способствует его более успешной социализации. В связи с таким социально-педагогическим характером воспитательной работы с осужденными к ее субъекту предъявляется требование не только высокой квалификации, но и личностной зрелости.

Среди средств, привлекаемых сотрудником исправительного учреждения для обеспечения своего профессионально-личностного роста, особое место занимает самообразование. Самообразование следует рассматривать в двух аспектах. Во-первых, это образовательный процесс, представляющий собой единство и целостность процессов самообучения, самовоспитания, саморазвития, включающий управление субъектом собственными потребностями, усвоение новых социокультурных норм, овладение новыми способами действий и обогащение своих способностей, формирование готовности проявить их в деятельности. Во-вторых, самообразование выступает как самоуправляемая образовательная деятельность сотрудника, направленная на его непрерывное профессиональное и лич-

ностное саморазвитие в целях совершенствования готовности к педагогическому обеспечению процесса исправления и ресоциализации осужденных.

В.А. Сластенин довольно емко отразил сущность профессионального саморазвития как процесс интеграции профессиональной подготовки и внутреннего движения, личностного становления человека. Профессиональная подготовка задает содержание, формы и схемы профессиональной рефлексии, а внутреннее движение обеспечивает энергию, реализацию, личностный смысл профессионального саморазвития. По мнению В.А. Сластенина, процесс профессионального саморазвития – это единство двух частей (личного и профессионального). В нем профессиональное пространство является одной из сфер реализации личности педагога, а личное пространство – источником проблематизации и обновления профессиональной деятельности¹.

Для более углубленного изучения взаимосвязи процессов самообразования и саморазвития необходимо рассмотреть структуру самообразования организатора воспитательной работы с осужденными. В нее могут быть включены четыре компонента: личностный, гностический, операционный, управленческий. Личностный компонент является первичным, определяет общую направленность и содержание самообразования воспитателя осужденных. Каждый компонент структуры обуславливает развитие остальных трех. Характеристики всех компонентов самообразования (личностные характеристики, знания, умения), являясь необходимыми его предпосылками, в то же время сами совершенствуются в ходе осуществления самообразовательной деятельности². Это обеспечивает профессиональное саморазвитие, профессиональный рост воспитателя осужденных.

Личностный компонент в самообразовании организатора воспитательной работы с осужденными занимает ведущее место, обеспечивает стремление осуществлять профессиональное самообразование, а также возможности личности в достижении

высоких результатов образовательной деятельности. Данный компонент предполагает, прежде всего, осознание субъектом воспитательной работы личной и социальной значимости непрерывного образования и самообразования, наличие устойчивых познавательных интересов в области теории уголовно-исполнительного права, пенитенциарной психологии, пенитенциарной педагогики и других смежных отраслей знания, наличие потребности в самообразовании. Наиболее значимо для повышения уровня организации воспитательной работы с осужденными проявление потребности в самообразовании в мотивах профессионально-трудового плана, когда имеется уверенность в том, что результаты самообразовательной деятельности будут внедрены в реальный процесс труда и профессионального совершенствования. Кроме того, важны также мотивы духовного плана, связанные с пониманием роли самообразования как средства самореализации личности, повышения ее культурно-образовательного уровня. Возникновение таких мотивов обусловлено пониманием личностью сущности и особенностей воспитательной работы в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, требований, которые предъявляются к ней, при выраженном стремлении в будущем осуществлять этот вид профессиональной деятельности.

В силу специфики воспитательной работы с осужденными существенная часть информации, с которой работает ее организатор, поступает в процессе взаимодействия с разными людьми (осужденными, их родственниками, сотрудниками различных отделов и служб учреждения, представителями общественности и др.). В связи с этим в личностный компонент самообразования необходимо включить следующие профессионально важные качества: нравственно-этические – гуманность, доброжелательность, чуткость, терпимость, ответственность; эмоционально-волевые – эмпатию, преобладание положительных эмоций, целеустремленность, организованность, упорство в достижении намеченной цели, самообладание, способность находить пути преодоления трудностей в профессиональной деятельности; коммуникативные – коммуникабельность, социальную смелость, владение техникой речевой деятельности. Для самообразовательной деятельности воспитателя осужденных особое значение имеют гибкость и оперативность мышления, любознательность, креатив-

ность, способность к анализу и пониманию социально-педагогических явлений – интеллектуальные характеристики личности, а также положительное отношение к учению, самостоятельность, критичность, трудолюбие.

Гностический компонент обеспечивает теоретическую базу самообразовательной деятельности, представляя собой усвоенную сотрудником систему научно-практических знаний. Во-первых, он содержит общеобразовательные знания – усвоенные еще в период обучения факты, понятия, законы, принципы, суждения о мире и человеке, составляющие фундамент образованности личности. Во-вторых, в содержание гностического компонента входят профессиональные знания – сведения из дисциплин гуманитарного, социального и экономического, информационного, профессионального циклов, составляющие суть профессии организатора воспитательной работы с осужденными и определенные соответствующим государственным образовательным стандартом. Профессиональные знания организатора воспитательной работы с осужденными характеризуют его теоретическую подготовленность по следующим дисциплинам профессионального цикла: теория государства и права, конституционное право России, административное право, муниципальное право, гражданское право, налоговое право, международное право, уголовное право, уголовно-исполнительное право, криминалистика, криминология, воспитательная работа с осужденными, правовое регулирование и организация режима, правовое регулирование и организация надзора, обеспечение безопасности, семейное право, пенитенциарная психология, пенитенциарная педагогика, пенитенциарная криминология, трудовое право, организация исполнения уголовных наказаний в отношении несовершеннолетних осужденных, ресоциализация и социальная адаптация в уголовно-исполнительной системе, организация трудовой адаптации осужденных и др. В силу интегрированности и полифункциональности профессиональной деятельности воспитателю осужденных необходимо осваивать и обновлять знания из разнообразных смежных областей.

В-третьих, гностический компонент включает знания в области самообразования, необходимые для осуществления этого вида деятельности: знание о сущности самообразования, его функциях, структуре, формах и источниках, методике (о построении

программы самообразования, рациональной организации своего времени, способах работы с источниками и др.). Наконец, особое место в данном компоненте самообразования занимает понимание сущности и целей воспитательной работы с осужденными. Этот элемент является определяющим в формировании профессиональной мотивации самообразования.

Операционный компонент обуславливает эффективность протекания процесса самообразования, поиска, усвоения и переработки теоретической и эмпирической социально-правовой, социально-педагогической информации, а также реализации профессиональных знаний в практической деятельности по организации воспитательной работы в исправительном учреждении. Операционный компонент характеризуется комплексом умений, которые целесообразно объединить в три группы: умения, связанные с операциями умственных действий; умения работать с источниками профессионально ориентированной информации; умения применять профессиональные знания в практической деятельности.

Самообразование невозможно без сформированных операций умственной деятельности – умений в конкретном видеть общее, из общего выделять конкретное, осуществлять мыслительные операции анализа и синтеза, систематизировать, классифицировать. Они выступают тем основанием, на котором базируются умения двух других групп.

В самообразовании велика роль умений работать с источниками. Ввиду многообразия источников профессионально ориентированной информации данная группа включает обширный перечень умений.

Прежде всего к ним относятся умение ориентироваться в классификации источников; умение подбирать необходимую литературу, работать с каталогами и библиографией; умение пользоваться пособиями и справочным материалом (словарями, справочниками, таблицами и др.); умение пользоваться банком компьютерной информации; владение разными типами чтения (сплошное, повторное, беглое, ознакомительное, фрагментарное и т.д.); культура восприятия информации (в том числе ненаучной) из различных источников, которая предполагает отбор значимого материала, установление взаимосвязей вычлеченных частей, группировку материала, определение своей позиции по отношению к полученному знанию. В состав рассматри-

ваемой группы умений входят и коммуникативные: умение слушать, отстаивать свою точку зрения и убеждать других в процессе дискуссии, избегать конфликтов в процессе совместной деятельности, сотрудничать в самообразовании. Еще одной составляющей группы умений работать с источниками информации является владение различными приемами фиксации прочитанного и услышанного (составление плана, аннотации, тезисов, выписок, конспектирование, реферирование, цитирование, рецензирование). Поскольку ценным источником самообразования для сотрудника, осуществляющего воспитательную работу с осужденными, является профессиональная деятельность, необходимыми умениями выступают умение анализировать практику и опыт воспитательной работы в пенитенциарных учреждениях, использовать методы социально-педагогического исследования для сбора и анализа информации о процессе исправления осужденных.

Профессиональная деятельность требует от организатора воспитательной работы с осужденными не столько накопления знаний, сколько умения их применять на практике. Для профессионального совершенствования наиболее значимы умения, позволяющие специалисту гибко реагировать на постоянно изменяющиеся условия действительности и осуществлять свою работу в сложных, нестандартных ситуациях. Именно поэтому в структуру самообразования следует включить отдельную группу умений – умения применять профессиональные знания в практической деятельности. В нее входят: умение анализировать социально-педагогические процессы и явления, понимать и переживать конкретные социально-педагогические ситуации; умение творчески перерабатывать, интегрировать имеющиеся знания о способах, методах, техниках воспитательной работы; умение реализовать комплексное социально-педагогическое знание в соответствии с ситуацией.

Управленческий компонент обеспечивает организацию сотрудником своей образовательной деятельности, ее регулирование. Управленческий компонент самообразования составляют умения выдвигать и реализовывать задачи самообразования, выбирать источники и формы самообразования, планировать данную деятельность, распределять время, создавать благоприятные условия, а также умения по самооценке, самоанализу, самоконтролю процесса и ре-

зультатов самообразовательной деятельности. Развитие в данном процессе умений самоуправления позволяет устранить слабые стороны в деятельности воспитателя осужденных, оптимально использовать время, улучшить организацию труда, обеспечить запланированные результаты, а также освободить время для отдыха и самосовершенствования.

Самооценка включает суждения специалиста о себе, своих качествах, достоинствах, недостатках, потенциальных возможностях, а также о социальной значимости и эффективности деятельности, которой он занимается. От самооценки зависят взаимоотношения с окружающими, требовательность к себе, отношение к успехам и неудачам, тем самым она влияет на эффективность деятельности сотрудника и дальнейшее развитие его личности.

Самоконтроль представляет собой свободное, сознательное, лишенное внешнего принуждения регулирование своего поведения. Самоконтроль укрепляет волевую и духовную сферы личности, обеспечивает удержание себя в рамках принятых и внутренне одобренных правил³.

Самоанализ социально-педагогической деятельности предполагает изучение сотрудником состояния и результатов собственной работы (в сопоставлении с исходными данными, поставленными задачами, намеченным планом деятельности и др.), установление причинно-следственных взаимосвязей между элементами социально-педагогических явлений, определение путей дальнейшего ее совершенствования. Анализ собственной деятельности, в том числе самообразовательной, помогает организатору воспитательной работы осознать возникающие у него трудности в работе, найти грамотные пути их преодоления.

В контексте приводимых рассуждений представляют интерес результаты опроса курсантов ВИПЭ ФСИН России. В исследовании приняли участие 44 обучающихся третьего курса юридического факультета (специальность 031001 – Правоохранительная деятельность, специализация – воспитательно-правовая, профиль подготовки – организация воспитательной работы с осужденными). Общей целью анкетирования являлось изучение особенностей самообразования будущих организаторов воспитательной работы с осужденными на определенном этапе профессиональной подготовки в вузе. Анализ полученных данных позволяет проследить, насколько осу-

ществляемая курсантами самообразовательная деятельность ориентирована на их профессиональное развитие.

Эмпирическое исследование показало, что респонденты:

- в целом положительно относятся к самообразованию (71%);
- все вовлечены в данный процесс (100%);
- осознают значение самообразования для профессионального роста сотрудника уголовно-исполнительной системы (87%);
- руководствуются при осуществлении самообразования в основном мотивами духовного (56%), профессионального (38%) и морального плана (25%);
- задумываются о сущности, структуре и способах самообразования (100%);
- в качестве направлений (областей) знаний, по которым осуществляется самообразование, указывают дисциплины профессионального цикла (около 50%);
- в определенной мере владеют умениями самообучения и самоуправления.

Однако при этом настораживают следующие выявленные в ходе исследования показатели самообразования курсантов:

- довольно большая часть опрошенных отрицательно и безразлично относится к самообразованию (29%);
- систематическое самообразование характерно только для 20% респондентов, 58% занимаются самообразованием от случая к случаю, 22% – довольно редко;
- самообразование значительной части опрошенных не имеет профессиональной направленности (около 60%);
- наблюдается недостаточное понимание сущности самообразования, недостаточная степень осознания структуры и основных способов самообразования, знание источников самообразования организатора воспитательной работы с осужденными;
- умения самообучения и самоуправления у большей части респондентов (более 70%) представлены на довольно низком уровне – ответы на соответствующие вопросы неполные, неопределенные (например, в вопросе о знаниях, умениях и личностных качествах, важных для самообразования, респонденты выбирали только один вариант ответа из трех возможных, не называли конкретные знания, умения и личностные качества).

Безусловно, выводы описанного эмпирического исследования не могут быть распространены на всех обучающихся по данной специальности прежде всего потому, что выборка охватывает только курсантов третьего

курса, фактически находящихся на начальном этапе обучения дисциплинам профессионального цикла (включая дисциплины специализации). Полученные низкие показатели по отдельным характеристикам в определенной мере закономерны (например, в части включенности обучающихся в самообразовательную деятельность и профессиональной направленности их самообразования).

Вместе с тем приведенные данные выступают основанием поиска путей повышения эффективности педагогической помощи курсантам в их самообразовании (о необходимости помощи высказались 74% респондентов). Представляется, что такая помощь должна быть систематичной и охва-

тывать различные взаимосвязанные сферы педагогического взаимодействия в образовательном процессе ведомственного вуза: процесс обучения дисциплинам профессионального цикла, организация научно-исследовательской работы обучающихся, организация учебной и производственной практики, воспитательный процесс.

Таким образом, роль самообразования в профессиональном развитии организатора воспитательной работы с осужденными трудно переоценить. Для эффективной его реализации необходимо обеспечить систематическое педагогическое руководство еще на этапе профессиональной подготовки специалиста в вузе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Сластенин В.А. Профессиональное саморазвитие учителя // Известия РАО. 2000. № 3. С. 80–88.

² См.: Наумченко И.Л. Самостоятельный учебный труд студентов. Саратов, 1983; Прокопюк В. Самообразование учителей в контексте гуманистической парадигмы развития человека: Дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 1998.

³ См.: Вишнякова С.М. Профессиональное образование. Ключевые понятия, термины, актуальная лексика: Слов. М., 1999; Психология: Слов. / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М., 1990.

¹ Sm.: Slastenin V.A. Professional'noe samorazvitie uchitelja // Izvestija RAO. 2000. № 3. S. 80–88.

² Sm.: Naumchenko I.L. Samostojatel'nyj uchebnyj trud studentov. Saratov, 1983; Prokopjuk V. Samoobrazovanie uchitelej v kontekste gumanisticheskoj paradigmy razvitija cheloveka: Dis. ... d-ra ped. nauk. SPb., 1998.

³ Sm.: Vishnjakova S.M. Professional'noe obrazovanie. Kljuchevye ponjatija, terminy, aktual'naja leksika: Slov. M., 1999; Psihologija: Slov. / Pod obshh. red. A.V. Petrovskogo, M.G. Jaroshevskogo. M., 1990.

УДК 378.141.21

Организация проведения вступительных испытаний с использованием дистанционных технологий при приеме на обучение в образовательные организации высшего образования, подведомственные ФСИН России

С.В. ПЕРОВ – доцент кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук;

Н.В. МОТОРОВА – преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России

В статье рассматриваются проблемы организации приема на обучение в образовательные организации высшего образования Федеральной службы исполнения наказаний. Авторы анализируют практику применения дистанционных технологий в данной сфере.

Ключевые слова: высшее образование; прием на обучение; образовательные организации высшего образования.

The organization of entrance examinations using remote technologies for training admission in educational institutions of higher education subordinate to FSIN of Russia

S.V. PEROV – Associate Professor of the Department of Administrative Law Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law;

N.V. MOTOROVA – Lecturer of the Department of Administrative Law Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

The article deals with problems of the organization of admission to educational institutions of higher education of the Federal Penal Service. The authors analyze the practical application of remote technologies in this field.

Key words: higher education; training admission; educational institutions of higher education.

Актуальной проблемой в области кадрового обеспечения учреждений и органов уголовно-исполнительной системы являются низкие показатели приема граждан на обучение в образовательные организации высшего образования, подведомственные ФСИН России.

Это, в частности, проявляется в стабильно низком уровне регионального конкурса. Территориальными органами ФСИН России, на которых возложена задача по подбору кандидатов на обучение на приемные места, выделенные для них в соответствии с планами комплектования ведомственных вузов, подбирается небольшое количество кандидатов на обучение. Кроме того, не все из подобранных кандидатов прибывают к месту поступления, что обусловлено как объективными, так и субъективными причинами.

В 2014 г. для прохождения вступительных испытаний в ведомственные вузы не прибыли 18% абитуриентов, чьи личные дела были направлены в учебные заведения (в 2013 г. этот показатель составил 9%, в 2012 г. – 13%)¹. Анализ результатов приема граждан на обучение в ведомственные вузы за последние пять лет показывает, что количество приемных мест в учебных заведениях, выделенных для комплектуемых органов и на которые зачислены подобранные ими кандидаты, составляет 70–80%².

Особенно ярко обозначенная проблема проявляется в комплектуемых органах, расположенных в регионах Сибири и Дальнего Востока. Недостатки в подборе кандидатов на обучение, характерные для них, обусловлены во многом удаленностью большинства

ведомственных вузов от места жительства абитуриентов. Для учреждений и органов УИС, расположенных в Сибири и на Дальнем Востоке, ближайшим учебным заведением является Кузбасский институт ФСИН России (г. Новокузнецк Кемеровской области). Все остальные ведомственные вузы находятся в европейской части России и существенно удалены от указанных комплектуемых органов.

Удаленность вуза от места жительства абитуриента, на наш взгляд, оказывает наибольшее влияние на подбор кандидатов на обучение. Особенно отчетливо это ощущается на фоне возрастающего количества предложений на рынке образовательных услуг. Так, например, общий объем контрольных цифр приема по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры в 2015 г. относительно уровня 2014 г. был увеличен на 19%. При этом количество выпускников школ в 2015 г. было меньше по сравнению с 2014 г.³

Удаленность ведомственных вузов существенно повышает материальные затраты абитуриентов, связанные с поступлением в учебные заведения. В настоящее время действующими правовыми актами не предусмотрена компенсация стоимости проезда к месту проведения вступительных испытаний. Кроме того, необходимо учитывать такой важный, на наш взгляд, фактор, как затраты поступивших на обучение курсантов при следовании их к месту проведения каникулярного отпуска. Для курсантов ведомственных вузов, родители которых проживают в Сибири и на Дальнем Востоке, указанные затраты оказываются довольно

существенными. Проезд к месту каникулярного отпуска оплачивается только тем из них, кто обучается в Вологодском институте права и экономики ФСИН России, Пермском институте ФСИН России и Кузбасском институте ФСИН России⁴. Между тем ранее существовала практика компенсации стоимости проезда к месту проведения вступительных испытаний тем абитуриентам, которые по результатам конкурса не поступили в ведомственный вуз. Это позволяло стимулировать конкурс, поскольку существенно снижало риски материальных затрат в случае провала на вступительных испытаниях. Данная мера положительно сказывалась на показателях конкурса при поступлении в ведомственные вузы и являлась важным аргументом профориентационной работы.

В настоящее время в условиях доступности высшего образования соперничество между вузами за каждого абитуриента приобретает особый характер. Большое значение в связи с этим должно отводиться профориентационной и агитационной работе, а также совершенствованию организации вступительных испытаний.

На сегодняшний день в агитации абитуриентов применяются самые разнообразные средства. Широко используются возможности интернет-сайтов вузов, привлекаются другие ресурсы сети Интернет (создаются аккаунты учебных заведений в социальных сетях). На передний план выходят не только качество преподавания и характеристики профессорско-преподавательского состава, но и культурно-массовая работа, спортивная жизнь. На выбор абитуриента влияют также созданные в вузе возможности для реализации им своих способностей не только в учебной, научной, но и в культурной, спортивной и общественной сферах деятельности.

В условиях серьезной конкуренции между вузами особую роль играет совершенствование форм и методов организации вступительных испытаний. Данный процесс должен быть направлен на создание поступающим максимально комфортных условий, когда абитуриент все свои усилия сосредотачивает на экзамене и не отвлекается на решение организационно-бытовых проблем.

В этой связи заслуживает внимания организация дистанционного приема документов и вступительных испытаний в вузы. Речь, безусловно, идет о тех испытаниях, которые не относятся к ЕГЭ, а проводятся в соответствии с действующим законодательством дополнительно⁵.

Правовым основанием проведения вступительных испытаний с использованием дистанционных технологий послужило положение, закрепленное в п. 83 Порядка приема на обучение по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры на 2015/2016 уч. г., утвержденного приказом Минобрнауки России от 28.07.2014 г. № 839⁶.

В 2015 г. Федеральной службой исполнения наказаний на базе Вологодского института права и экономики ФСИН России и Кузбасского института ФСИН России было организовано проведение вступительных испытаний с применением дистанционных технологий. В частности, в Вологодском институте права и экономики экзаменационная комиссия дистанционно принимала дополнительное вступительное испытание в форме устного экзамена по обществознанию у абитуриентов, находившихся в г. Чите (Забайкальский край). Приемная комиссия Кузбасского института организовала прием дополнительных вступительных испытаний абитуриентами Хабаровского края.

Идентификация поступающих при прохождении ими вступительных испытаний обеспечивалась сотрудниками УФСИН России по Забайкальскому, Хабаровскому краям, а также сотрудниками учебных заведений, присутствовавшими непосредственно на месте сдачи экзаменов.

В целях определения комиссионной оценки вступительных испытаний при их проведении был использован ведомственный канал связи, в качестве резервного канала связи выступало оборудование для связи посредством сети Интернет.

Кроме того, в названных регионах было организовано проведение окончательного медицинского освидетельствования внештатными военно-врачебными комиссиями вузов.

По результатам вступительных испытаний с использованием дистанционных технологий в Вологодском институте права и экономики ФСИН России были укомплектованы все места, выделенные для территориальных органов ФСИН России, расположенных в Сибири и на Дальнем Востоке (УФСИН России по республикам Бурятия, Саха (Якутия), Забайкальскому, Приморскому краям, Амурской, Иркутской, Кемеровской областям). Успешно выдержал дополнительные вступительные испытания по

обществознанию 31 абитуриент, 3 абитуриента не набрали необходимого количества баллов. Экзамен по биологии успешно сдали 3 абитуриента.

Таким образом, был обеспечен реальный конкурс среди кандидатов на обучение от УФСИН России по Забайкальскому краю (2 кандидата на 1 место) и УФСИН России по Республике Бурятия (2,4 на 1 место). Отмечается также улучшение качественного состава кандидатов на обучение: 6 абитуриентов (17%) имели спортивный разряд кандидата в мастера спорта, 21 абитуриент (60%) имел индивидуальные достижения, которые учитывались при поступлении.

Анализ личных дел абитуриентов показал, что большая часть из них – это дети из многодетных и малообеспеченных семей. Прохождение вступительных испытаний на базе ближайших к месту жительства комплекствующих органов дало им возможность поступить в ведомственный вуз, а комплекствующим органам провести качественный отбор кандидатов и обеспечить региональный конкурс при приеме на обучение.

Результаты приемной кампании в Кузбасском институте ФСИН России также подтверждают эффективность использования

дистанционных технологий при проведении вступительных испытаний.

Таким образом, анализ процесса подготовки и проведения в Вологодском институте права и экономики ФСИН России и Кузбасском институте ФСИН России вступительных испытаний с использованием дистанционных технологий, а также результатов указанных испытаний позволяет сделать заключение об их эффективности и перспективности для решения актуальных проблем приема граждан на обучение в ведомственные вузы. При этом необходимыми условиями успешного проведения вступительных испытаний дистанционно являются предварительная профориентационная работа с информированием абитуриентов о планируемом использовании соответствующих технологий, а также работа на уровне ФСИН России по планированию выделения приемных мест в регионах, где предполагается проводить прием.

Актуальным и заслуживающим внимания, на наш взгляд, является предложение о создании в перспективе в удаленных регионах страны пунктов приема вступительных испытаний, в которых будут сдавать экзамены абитуриенты, желающие обучаться в любом из ведомственных вузов.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Согласно статистическим отчетам за 2012–2014 гг. по форме ОБ-5, утвержденной приказом ФСИН России от 19.10.2006 г. № 319 «Об утверждении форм статистической отчетности образовательных учреждений высшего и среднего профессионального образования Федеральной службы исполнения наказаний».

² Согласно статистическим отчетам за 2010–2015 гг. по форме ОБ-5, утвержденной приказом ФСИН России от 19.10.2006 г. № 319 «Об утверждении форм статистической отчетности образовательных учреждений высшего и среднего профессионального образования Федеральной службы исполнения наказаний».

³ См.: <http://www.edu.ru/news/education/1331> (дата обращения: 29.01.2014 г.).

⁴ Согласно ч. 6 ст. 3 Федерального закона от 30.12.2012 г. № 283-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (см.: СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7608).

⁵ В соответствии с п. 1 ч. 10 ст. 81 Федерального закона от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (см.: СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598).

⁶ См.: Приказ Минобрнауки России от 28.07.2014 г. № 839 (ред. от 30.07.2015 г.) «Об утверждении Порядка приема на обучение по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры на 2015/16 учебный год» // Российская газета. 2014. № 199.

¹ Согласно статистическим отчетам за 2012–2014 гг. по форме ОБ-5, утвержденной приказом ФСИН России от 19.10.2006 г. № 319 «Об утверждении форм статистической отчетности образовательных учреждений высшего и среднего профессионального образования Федеральной службы исполнения наказаний».

² Согласно статистическим отчетам за 2010–2015 гг. по форме ОБ-5, утвержденной приказом ФСИН России от 19.10.2006 г. № 319 «Об утверждении форм статистической отчетности образовательных учреждений высшего и среднего профессионального образования Федеральной службы исполнения наказаний».

³ См.: <http://www.edu.ru/news/education/1331> (дата обращения: 29.01.2014 г.).

⁴ Согласно ч. 6 ст. 3 Федерального закона от 30.12.2012 г. № 283-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (см.: СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7608).

⁵ В соответствии с п. 1 ч. 10 ст. 81 Федерального закона от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (см.: СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598).

⁶ См.: Приказ Минобрнауки России от 28.07.2014 г. № 839 (ред. от 30.07.2015 г.) «Об утверждении Порядка приема на обучение по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры на 2015/16 учебный год» // Российская газета. 2014. № 199.

УДК 343.815

Организация воспитательной работы с несовершеннолетними осужденными в социальной среде воспитательной колонии

Е.В. ХРАБРОВА – доцент кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент

В статье рассматривается положительный опыт по организации воспитательной работы с несовершеннолетними осужденными в социальной среде воспитательной колонии.

Ключевые слова: воспитательная работа; несовершеннолетние осужденные; социальная среда; воспитательный потенциал социальной среды воспитательной колонии.

Organization of educational work with juvenile offenders in the social environment of educational colony

E.V. KHRABROVA – Associate Professor of the Department of Penal Law and Educational Work with Convicts of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Pedagogics, Associate Professor

The article deals with the positive experience of organization of educational work with juveniles convicts in the social environment of the educational colony.

Keywords: educational work; juvenile offenders; social environment; the educational potential of the social environment of the educational colony.

Целью воспитательной работы является формирование у осужденных уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития, повышение их образовательного и культурного уровня (ст. 109 УИК РФ).

Воспитательная работа как особый вид педагогической деятельности осуществляется специалистом в системе профессиональных отношений и направлена на совершенствование отношений между людьми, создание благоприятных условий для развития личности, улучшение среды обитания, микроклимата общностей, в которые входит воспитуемый.

Формирование уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития, в соответствии с законом «параллельного действия» А.С. Макаренко, происходит не только и не столько через убеждение, внушение, беседы и другие методы формирования сознания личности,

сколько опосредованно – через организацию окружающей социальной среды.

Социальная среда – окружающие человека общественные материальные и духовные условия его существования и деятельности. Она является важнейшим фактором развития личности. Как отмечает А.В. Иванов, социальная среда – это прежде всего пространство взаимоотношений между ее субъектами. А.С. Макаренко писал, что «человек не может быть воспитан непосредственным влиянием одной личности, какими бы качествами эта личность ни обладала. Воспитание есть процесс социальный в самом широком смысле... Со всем сложнейшим миром окружающей действительности ребенок входит в бесконечное число отношений, каждое из которых неизменно развивается, переплетается с другими отношениями, усложняется физическим и нравственным ростом самого ребенка... Весь этот “хаос” не поддается как будто никакому учету, тем не менее он создает в каждый момент определенные изменения

в личности ребенка. Направить это развитие и руководить им – задача воспитателя»¹. Успех практической работы А.С. Макаренко состоял в том, что он формировал личность через отношения. Внешняя форма социально поощряемых отношений проявлялась у его воспитанников в вежливости, следовании традициям, соблюдении ритуалов, символики, в распоряжениях и быстроте ориентировки².

Социальная среда рассматривается как средство, влияющее на преобразование, изменение качественных характеристик процессов, объектов и субъектов. Она определяется как то, среди чего пребывает субъект, посредством чего формируется его образ жизни, что опосредует его развитие, то есть преломляет, влияет, облагораживает, обогащает. Богатая среда, по мнению Ю.С. Мануйлова, обогащает, бедная – обедняет, свободная – освобождает, здоровая – оздоравливает, ограниченная – ограничивает. Организованная в соответствии с целями воспитания среда, соответствующая определенному образу жизни, становится средством воспитания³.

В организации воспитательной работы с несовершеннолетними осужденными необходимо учитывать такие структурные компоненты социальной среды, как воспитательные возможности материально-бытовых условий (дизайн помещений, наличие образовательных организаций, производственных мастерских, спортивных площадок, кружков и др.), привлечение родителей и других родственников и близких людей к воспитанию, участие социальных и образовательных учреждений и организаций, благоприятный социально-психологический климат в среде сотрудников и воспитанников. Рассмотрим возможности некоторых компонентов социальной среды в воспитании несовершеннолетних осужденных, представим существующий опыт воспитательных колоний.

Успешность воспитательной работы с подростками зависит от бытовых условий, созданных в колонии. Они обеспечивают нормальную жизнедеятельность в учреждении и направлены на сохранение жизни, здоровья и человеческого достоинства воспитанников, способствуют их ресоциализации, повышению культурного уровня. Такие условия создаются в настоящее время во всех воспитательных колониях.

Как отмечает Л.Ф. Пертли, материально-бытовое обеспечение представляет собой совокупность условий содержания, направ-

ленных на удовлетворение потребностей осужденных в пище, одежде, жилище, то есть факторов, призванных сохранить здоровье и обеспечить нормальное существование человека в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Законодательство таким образом регламентирует деятельность администрации по обеспечению конституционных прав личности⁴. Воспитание и воспитательная работа с несовершеннолетними осужденными возможны только в условиях уважения личности, признания человека высшей ценностью.

Н.К. Дорофеева утверждает, что хорошие бытовые условия вырабатывают у несовершеннолетних положительные навыки и привычки, приучают к порядку, оказывают дисциплинирующее воздействие, закладывают необходимую основу для формирования здорового морально-психологического климата в коллективе⁵.

Особое внимание уделяется эстетическому оформлению территории воспитательных колоний. Так, в Ангарской воспитательной колонии ГУФСИН России по Иркутской области создан дендрарий (зимний сад), в Канской воспитательной колонии ГУФСИН России по Красноярскому краю реализуется проект ландшафтного оформления территории школы и спортивно-культурного центра «Радуга». Над проектами работают творческие группы из педагогов и воспитанников. Несовершеннолетние осужденные изучают стили ландшафтного дизайна, совместно с руководителями выбирают цветочные растения, высевают семена на рассаду, планируют этапы работ на своем участке. Каждому участку дают название, например: «Море цветов», «Веселая лужайка», «Цветочная планета», «Уголок отдыха» и т.п., а осенью подводят итоги, чей участок самый красивый и оригинальный. В Брянской воспитательной колонии УФСИН России по Брянской области был осуществлен красочный арт-проект. Воспитанники участвовали в конкурсе разноцветных рисунков на асфальте. Целью проведения праздника стало проявление творческих способностей несовершеннолетних осужденных, их самовыражение. По мнению психологов, воспитанники показали свой позитивный настрой и адекватное внутреннее психологическое состояние. Своими яркими рисунками, описывающими мечты о светлом будущем, где их окружает забота близких людей и всегда светит солнце, они создали атмосферу, способствующую развитию благоприятного социально-пси-

хологического климата, улучшению настроения.

Школа на территории воспитательной колонии является одним из центров организации и проведения воспитательной работы с несовершеннолетними осужденными. В соответствии с п. 9 Положения об организации получения осужденными основного общего и среднего (полного) общего образования в вечерней (сменной) общеобразовательной школе воспитательной колонии уголовно-исполнительной системы в школе организуется кружковая, внеклассная и внешкольная воспитательная работа.

В настоящее время в школах воспитательных колоний проводятся разнообразные воспитательные мероприятия, праздники, конкурсы; осуществляется кружковая работа; школьные аудитории используются для организации совместных мероприятий с волонтерами (студентами вузов, учащимися школ города), родительским комитетом, попечительским советом, встреч с бывшими осужденными, которые успешно реализуют себя в профессиональной и семейной жизни; проводятся занятия по повышению педагогического мастерства сотрудников воспитательных колоний и др. Интересно могут функционировать и помещения школы. Так, в Канской воспитательной колонии предпринята попытка использования воспитательного потенциала социальной среды. В коридорах школы поставлены столы с шахматами, шашками, сканвордами, пазлами, что позволяет организовать перемены между уроками с пользой для подростков, приобщить их к культуре, научить правильно организовывать свободное время, развивать коммуникативные навыки продуктивного общения со сверстниками и учителями, последние также с удовольствием принимают участие в интеллектуальных играх.

Несовершеннолетние осужденные характеризуются отсутствием мотивации к учению, получению профессии, низким уровнем дисциплинированности. Решению указанных проблем способствует использование в процессе обучения информационно-коммуникационных технологий и средств Интернета, телевидения, компьютера, мультимедиа, аудиовизуального обобщения и др.

Практически во всех школах колоний в учебно-воспитательном процессе используются интерактивные доски, мультимедийные установки, есть доступ к Интернету. Так, воспитанники Ангарской воспитательной колонии с помощью Интернета участвуют

в областных и региональных научно-практических конференциях «Диалог культур», «Открытие, успех и перспектива», «Кирилло-Мефодиевские чтения». Повышению мотивации к учению и получению профессии способствует участие воспитанников всех колоний в дистанционных олимпиадах («Путевка в жизнь» (проект МГУ), «Видеоуроки» и др.) и творческих конкурсах («Формула мира», «Арт-талант», «Талантоха», «Мой край», «Шаг к успеху» и др.).

Во многих воспитательных колониях функционируют различные музеи. Так, в Брянской воспитательной колонии существуют три музея, посвященные памяти воинов Первой мировой войны, партизан Великой Отечественной войны и воинов, павших в Афганистане. Социальная среда музея может быть использована в воспитании несовершеннолетних осужденных следующим образом: поиск и изготовление музейных экспозиций (экспонатов), изучение экспонатов и написание по ним сочинений (эссе, рассказов, научных работ, презентаций, документальных фильмов), приглашение ветеранов, участников знаменательных для страны и города событий; проведение праздников, посвященных знаменательным датам, с использованием музейных экспонатов; квесты с необходимостью применения исторических знаний и т.д.

В Ижевской воспитательной колонии в 2015 г. прошла акция «Спасибо деду за победу!» к 70-летию окончания Великой Отечественной войны. Воспитанники разыскивали информацию о своих воевавших родственниках на сайте «Подвиг народа», звонили домой, уточняли их имена и даты рождения. Многим ребятам удалось узнать о военном пути, подвигах и наградах своих родных. Среди ветеранов войны оказалось имя Героя Советского Союза. Для его правнука эта информация стала настоящим открытием и предметом гордости. Имена ветеранов были занесены на размещенную на территории учреждения Стену памяти, при открытии которой каждый из воспитанников выходил и перед строем товарищей зачитывал список подвигов и наград своего прадеда.

В соответствии со ст. 134 УИК РФ несовершеннолетним осужденным в качестве поощрения предоставляется право выхода за пределы воспитательной колонии. Данная мера может использоваться в воспитательном значении. Так, осужденные Колпинской воспитательной колонии УФСИН России по г. Санкт-Петербургу и Ленинград-

ской области выезжают в детский хоспис, чтобы поддержать тяжелобольных детей. Хоспис – это учреждение, основанное для детей, у которых имеются неизлечимые болезни. Сотрудники и волонтеры обеспечивают для пациентов медицинский уход, помогают справиться с осложнениями заболеваний и мыслями о них. Детям необходимы радостные события, способные вызвать счастливую улыбку и отодвинуть проблемы со здоровьем на второй план. Осужденные из воспитательной колонии подготовили небольшую театральную постановку, сшили игрушки. Дети встречали воспитанников колонии радостными аплодисментами и искренними улыбками, а саму постановку смотрели не отвлекаясь. В конце вечера гости вручили детям подарки: куклы, город-конструктор, строительством которого они все вместе занялись. Осужденные отметили, что им жаль детей, которые волею судьбы оказались в столь трудном положении, выразили желание им чем-то помочь. Возможно, после посещения детского хосписа и общения с его пациентами несовершеннолетние правонарушители сумеют переосмыслить свою жизнь и осознать, что в отличие от тяжело и безнадежно больных детей у них есть выбор.

В Новосибирской воспитательной колонии ГУФСИН России по Новосибирской области установлено взаимодействие с домом престарелых. Для пожилых людей несовершеннолетние осужденные готовят подарки своими руками. Такое партнерство стимулирует развитие социально значимых качеств у подростков.

Интересен опыт Арзамасской воспитательной колонии ГУФСИН России по Нижегородской области по использованию воспитательного потенциала церкви. В ней существует православная община, в которую входят и несовершеннолетние осужденные. Исторически так сложилось, что Арзамасская воспитательная колония располагается на месте бывшего монастыря – Высокогорской Пустыни. Монастырь существовал до 1917 г., затем был почти полностью разрушен. Возрождение церкви Покрова Пресвятой Богородицы началось в 2002 г. В восстановлении храма активно участвуют сотрудники, а также являющиеся членами общины и работающие добровольно и безвозмездно воспитанники. Материальную помощь оказывает благотворительная организация «Вера, Надежда, Любовь». Руководит ремонтом священник, отвечающий за пастырское окормление учрежде-

ния. Таким образом, духовно-нравственное воспитание реализуется в совместной деятельности всех членов общины, целью которой является создание объекта, приносящего пользу не только тем, кто участвует в его восстановлении, но и следующим поколениям. В настоящее время по воскресеньям и церковным праздникам в храме проходят богослужения. Кроме того, несовершеннолетние осужденные учатся в воскресной школе, принимают участие в кружке православного пения, в дни православных праздников показывают представления. Преподаватели воскресной школы являются членами советов воспитателей отрядов, учебно-воспитательных советов, участвуют в организации выездов воспитанников в церкви и соборы области, помогают при освобождении.

Епархия Нижегородской области оказывает помощь религиозной литературой для библиотеки, предоставляет одежду и другие необходимые вещи. Администрацией колонии совместно с родительским комитетом организуются паломнические поездки воспитанников, отбывающих наказание в облегченных условиях содержания, в Свято-Троицкий Серафимо-Дивеевский монастырь. Для них проводятся экскурсии по территории обители. Воспитанники прикладываются к мощам святых, купаются в источнике в честь великомученика Пантелеймона.

В воспитательную колонию приезжают представители православного волонтерского движения «Милосердие», общественной организации по борьбе с алкоголизмом и наркоманией «Осознание», православного молодежного движения «Лоза», молодежного центра при нижегородском храме в честь Воскресения Христова и епархиальных средств массовой информации, беседуют с подростками, показывая на собственном примере возможность «мирного подвига», то есть как они могут приносить пользу обществу, помогать другим.

Осужденные участвуют в религиозных обрядах, имеющих психотерапевтическое значение. Оно выражается в утешении, смягчении стрессового состояния, способности выступить моральным стимулятором раскаяния и стать основой для изменения своей жизни. Сотрудники Арзамасской воспитательной колонии отмечают позитивные изменения в характере и поведении верующих подростков. Они становятся более вежливыми, доброжелательными, стараются не допускать нарушений правил внутреннего распорядка. То же происходит и с теми вос-

питанниками, которые прежде имели нарушения режима содержания.

Воспитание – создание благоприятных условий для развития личности и индивидуальности несовершеннолетнего осужденного, изменение субъектной позиции с антисоциальной на просоциальную. А.С. Макаренко писал, что природа детей устроена таким образом, что они развиваются и учатся лучше в совместной деятельности, когда самостоятельно что-то делают практически⁶.

Условиями развития личности и индивидуальности в социальной среде воспитательной колонии являются:

– возможность выбора деятельности (ее содержания и форм), и, что особенно важно, такой, которая позволила бы воспитаннику достичь наибольшего успеха, наивысшего самовыражения (создание «ситуации успеха»);

– возможность построения диалоговых отношений с людьми разных возрастов и социальных групп (общение с представителями родительского комитета, попечительского совета, общественных наблюдательных комиссий, деятелями культуры, спортсменами, студентами-волонтерами и др.);

– возможность проживания различных социальных ролей (ученика, работника и др.);

– выбор коллективов (в школе, учебно-производственной мастерской, клубе по интересам и т.п.), общностей и их интенсивная смена (застой и невозможность выхода из одного сообщества приводят к усугублению криминальной субкультуры);

– освоение подпространств: культурного, природного, информационного и т.д.

В организации и использовании воспитательного потенциала социальной среды исправительного учреждения для несовершеннолетних огромное значение придается личности самого воспитателя. Важны такие качества, как гуманизм, социальная активность, общительность, контролируемая эмпатийность, интерес к воспитательной работе, наличие увлечений, широкая эрудиция, общекультурная подготовка и др.

Таким образом, в настоящее время широко используются воспитательные возможности социальной среды воспитательной колонии: создаются материально-бытовые условия (эстетичный дизайн помещений, образовательные организации, производственные мастерские, спортивные площадки, кружки и т.п.); привлекаются к воспитанию родители и другие родственники, социальные и образовательные учреждения и организации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Макаренко А.С. Педагогические сочинения: В 8 т. М., 1983. Т. 5. С. 14.

² См.: Морозов В.В. Антология реабилитационного опыта. М., 2005. С. 164–165.

³ См.: Мануйлов Ю.С. Концептуальные основы средового подхода в воспитании [Электронный ресурс]. URL:<http://sreda-lab.narod.ru/index/0-11>

⁴ См.: Пертли Л.Ф. Материально-бытовое обеспечение осужденных как средство исправления // Культура наказания, или социокультурные аспекты пенитенциарной практики / Под общ. ред. Е.Г. Багреевой. М., 2013. С. 131.

⁵ См.: Дорофеев Н.К., Раскин К.С., Правделов М.В. Организация материально-бытового обеспечения и медицинского обслуживания осужденных: Учеб. пособие / Под ред. А.И. Зубкова. М., 1986. С. 5.

⁶ См.: Морозов В.В. Воспитательная педагогика Антона Макаренко. Опыт преемственности. М., 2012. С. 230.

¹ Makarenko A.S. Pedagogicheskie sochinenija: V 8 t. M., 1983. T. 5. S. 14.

² См.: Morozov V.V. Antologija rehabilitacionnogo opyta. M., 2005. S. 164–165.

³ См.: Manujlov Ju.S. Konceptual'nye osnovy sredovogo podhoda v vospitanii [Jelektronnyj resurs]. URL:<http://sreda-lab.narod.ru/index/0-11>

⁴ См.: Pertli L.F. Material'no-bytovoe obespechenie osuzhdennyh kak sredstvo ispravlenija // Kul'tura nakazanija, ili sociokul'turnye aspekty penitenciarnoj praktiki / Pod obshh. red. E.G. Bagreevoj. M., 2013. S. 131.

⁵ См.: Dorofeev N.K., Raskin K.S., Pravdelov M.V. Organizacija material'no-bytovogo obespechenija i medicinskogo obsluzhivanija osuzhdennyh: Ucheb. posobie / Pod red. A.I. Zubkova. M., 1986. S. 5.

⁶ См.: Morozov V.V. Vospitatel'naja pedagogika Antona Makarenko. Opyt preemstvennosti. M., 2012. S. 230.

ОБЗОР ДИССЕРТАЦИЙ

Одним из важнейших направлений деятельности института является научно-исследовательская работа, неотъемлемой частью которой выступает проведение и защита диссертационных исследований сотрудниками института.

В четвертом квартале 2015 г. сотрудниками института защищены 3 диссертации на соискание ученой степени кандидата наук. С авторефератами диссертаций можно ознакомиться в учебно-научном информационном центре библиотеки института.

Латышева Людмила Александровна, научный сотрудник организационно-научного отдела.

Защита диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право (научный руководитель – доктор юридических наук, профессор И.Я. Козаченко) состоялась в диссертационном совете при Уральском государственном юридическом университете (г. Екатеринбург) 27 ноября 2015 г. **Тема: «Проблемы социализации осужденных к лишению свободы: уголовно-исполнительный и криминологический аспекты».**

Целью диссертационного исследования явились изучение и совершенствование уголовно-исполнительного законодательства и других нормативно-правовых актов, которые регламентируют общественные отношения в сфере ресоциализации осужденных к лишению свободы и лиц, освободившихся из исправительных учреждений, а также разработка социально-педагогической модели работы с осужденными и освободившимися, способствующей успешной ресоциализации в период отбывания наказания и подготовки их к жизни в гражданском обществе.

В ходе исследования автором решен ряд важных задач. Сформулировано понятие «ресоциализация осужденных к лишению свободы», исследованы ее сущность, значение и основные средства, проведен всесторонний анализ историко-правового и международно-правового опыта, рассмотрено ее закрепление в действующем российском законодательстве, выявлены особенности ресоциализации осужденных к лишению свободы в зарубежных странах. Разработаны рекомендации, направленные на совершенствование и повышение эффективности процесса ресоциализации осужденных и лиц, освободившихся из исправительного учреждения.

Значение диссертационного исследования состоит том, что изложенные в настоящей ра-

боте выводы, предложения и рекомендации могут быть использованы и применены в законодательной деятельности, направленной на совершенствование действующих нормативно-правовых актов и приведение их в соответствие с международными стандартами обращения с осужденными к лишению свободы, а также в ходе преподавания курсов уголовно-исполнительного права, криминологии в образовательных учреждениях, включая учебные заведения ФСИН России. Выводы, полученные в ходе исследования, будут полезны при осуществлении дальнейших разработок в области обеспечения ресоциализации и предупреждения рецидивной преступности.

Рогач Владимир Геннадьевич, преподаватель-методист психологического факультета.

Защита диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.06 – юридическая психология (научный руководитель – доктор психологических наук, профессор В.М. Поздняков) состоялась в диссертационном совете при Академии права и управления ФСИН России 16 декабря 2015 г. **Тема: «Психология переживаний у осужденных мужского пола, отбывающих длительные сроки лишения свободы».**

Целью диссертационного исследования являлось выявление факторов и условий, влияющих на возникновение, развитие и оптимизацию переживаний у осужденных мужского пола, отбывающих длительные сроки лишения свободы.

В ходе исследования автором решен ряд важных задач. Проанализированы психологические подходы к изучению и оптимизации переживаний личности в экстремальных условиях, раскрыты психологические особенности личности и поведения осужденных с длительными сроками лишения свободы, а также возможности оказания им психологической помощи по оптимизации переживаний. Эмпирически выявлены детерминанты и психологические особенности переживаний у осужденных с длительными сроками лишения свободы в разные периоды отбывания наказания, экспериментально апробирована психотехнология оптимизации кризисных переживаний у данной категории заключенных. Разработаны рекомендации сотрудникам ФСИН России по профилактике психотравмирующих переживаний у осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы на длительный срок.

Значение диссертационного исследования состоит том, что созданный и апробированный коррекционно-развивающий комплекс является действенным средством индивидуально дифференцированного подхода в оказании психологической помощи осужденным, отбывающим наказание в виде длительного срока лишения свободы. Разработанные рекомендации способствуют повышению целенаправленности психологического воздействия на личность и оптимизации переживаний у осужденных с дли-

тельными сроками наказания. Материалы исследования используются при проведении занятий по учебным дисциплинам «Юридическая психология» и «Пенитенциарная психология» в образовательных организациях ФСИН России, а также в рамках спецкурсов при повышении квалификации сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Кряклин Константин Викторович, начальник отделения заочного обучения юридического факультета.

Защита диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.06 – юридическая психология (научный руководитель – доктор психологических наук, профессор Д.В. Сочивко) состоялась в диссертационном совете при Академии права и управления ФСИН России 25 декабря 2015 г. **Тема: «Психодинамика личности сотрудников в процессе профессиональной адаптации в учреждениях ФСИН России».**

Целью диссертационного исследования являлось проведение сравнительного анализа психодинамики личности сотрудников ФСИН России на различных этапах профессиональной адаптации; выявление и изучение психодинамических особенностей профессиональной адаптации личности сотрудников к службе; разработка на основе полученных эмпирических данных научно обоснованных направлений организации психокоррекции и психологической помощи сотрудникам ФСИН России на различных этапах профессиональной адаптации.

В ходе исследования автором решен ряд важных задач. Изучены основные теоретико-методологические положения концепций психодинамики личности в зарубежной и отечественной психологии; проанализированы теоретические подходы по психодинамике личности сотрудников уголовно-исполнительной системы как проблеме юридической психологии; охарактеризованы особенности профессионально-служебной деятельности сотрудников и адаптации к ней. Предложен комплекс методов эмпирического исследования и на его основе проведен сравнительный анализ психодинамики личности сотрудников на различных этапах профессиональной адаптации. Исследованы и проанализированы психодинамические особенности профессиональной адаптации личности сотрудников к службе; выделены научно обоснованные направления организации психокоррекции и психологической помощи сотрудникам в процессе профессиональной адаптации к службе.

Значение диссертационного исследования состоит в опытной апробации комплекса методик по исследованию психодинамики личности сотрудников ФСИН России. В аспекте практического применения описаны и научно обоснованы направления организации психокоррекции и психологической помощи сотрудникам в процессе профессиональной адаптации. Результа-

ты исследования могут быть использованы при разработке рекомендаций по психологическому сопровождению сотрудников, впервые принятых на службу, с учетом психодинамических особенностей личности, направленных на снижение деструктивных личностных трансформаций среди этой категории, и количества лиц, поставленных на психологический учет.

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на практические рекомендации «Организация деятельности уголовно-исполнительной системы в сфере реализации антикоррупционного законодательства», подготовленные Косоноговой С.В., Мельниковой Н.А., Яковлевым Е.А.

М.Ю. ВАРНАКОВ – начальник инспекции по личному составу УФСИН России по Вологодской области

Практические рекомендации, подготовленные коллективом авторов, представляют собой работу, в которой отражены особенности организации деятельности уголовно-исполнительной системы в сфере реализации антикоррупционного законодательства. Благодаря правильно организованной деятельности в данной сфере повышается эффективность работы служб и подразделений уголовно-исполнительной системы, обеспечивается защита прав и законных интересов осужденных и других субъектов уголовно-исполнительной политики Российской Федерации.

Предназначение данных практических рекомендаций – формирование знаний у сотрудников об антикоррупционных факторах в органах и учреждениях ФСИН России, их обязанностях и ограничениях по службе, а также об ответственности за совершение коррупционных деяний.

В практических рекомендациях раскрываются сущность основных понятий (коррупция, антикоррупционное законодательство, противодействие коррупции, должностное лицо); дается характеристика нормативных правовых актов, направленных на противодействие коррупции в уголовно-исполнительной системе; перечисляются виды наиболее распространенных коррупционных правонарушений (преступлений, административных правонарушений, дисциплинарных проступков).

В приложениях к рекомендациям представлены образцы документов: уведомление о фактах обращения в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений; заявление в комиссию по соблюдению требований к служебному поведению сотрудников уголовно-исполнительной системы и урегулированию конфликта интересов.

Практические рекомендации предназначены для сотрудников ФСИН России, могут использоваться при проведении занятий по служебной подготовке сотрудников в рамках соответствующей тематики.

ИНФОРМАЦИЯ, ОБЪЯВЛЕНИЯ

Об участии делегации ВИПЭ ФСИН России во II Международном пенитенциарном форуме

25–26 ноября 2015 г. на базе Академии ФСИН России в соответствии с распоряжением ФСИН России от 05.06.2015 г. № 75-р «Об утверждении плана мероприятий и состава рабочей группы по подготовке и проведению II Международного пенитенциарного форума «Преступление, наказание, исправление»» состоялся II Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление». Предметом форума являлось обсуждение современных тенденций развития пенитенциарной системы, положительного опыта исполнения уголовных наказаний, новых форм и методов работы с осужденными, анализ современного состояния уголовно-исполнительной системы и актуальных проблем в области пенитенциарной практики, привлечение внимания общественности к деятельности пенитенциарной службы, выработка комплекса эффективных мер, направленных на устойчивое развитие уголовно-исполнительной системы.

В работе II Международного пенитенциарного форума приняли участие представители руководства, структурных подразделений и территориальных органов ФСИН России, 16 иностранных государств, Организации Объединенных Наций, Международной ассоциации исправительных учреждений и тюрем (ICPA), Международной неправительственной организации «Международная тюремная реформа» (PRI), свыше 50 ведущих ученых-пенитенциаристов России и зарубежных стран, образовательных организаций ФСИН, МВД, Минобрнауки России, российских и международных обще-

ственных организаций, практические работники учреждений и органов уголовно-исполнительной системы (заочно присоединились сотрудники из пенитенциарных служб и образовательных организаций Польши, Словении, Южной Кореи и Бельгии).

От ВИПЭ ФСИН России на форуме работала делегация из 17 человек. Свои доклады и научные разработки представили начальник психологического факультета, начальники кафедр и профессорско-преподавательский состав вуза. Начальник Вологодского института права и экономики ФСИН России генерал-майор внутренней службы Бабурин Сергей Витальевич выступил с докладом на пленарном заседании научно-практической конференции «Совершенствование воспитательной, социальной и психологической работы в УИС: интеграция теории и практики». В своем выступлении Сергей Витальевич подчеркнул, что совершенствование воспитательной, социальной и психологической работы, проводимой в исправительных учреждениях, представляет собой задачу первостепенной важности, обратил внимание на актуальные проблемы, выявленные при исследовании мнения сотрудников 70 территориальных органов ФСИН России в сентябре 2015 г., озвучил пути выхода из сложившейся ситуации.

При подведении итогов работы II Международного пенитенциарного форума были выработаны рекомендации по повышению эффективности деятельности пенитенциарных служб, совершенствованию законодательства в сфере применения уголовных наказаний и уголовно-исполнительной практики.

Основные итоги международной научно-практической конференции «Уголовное наказание в России и за рубежом: проблемы назначения и исполнения (к 60-летию принятия ООН Минимальных стандартных правил обращения с заключенными)»

13 ноября 2015 г. в ВИПЭ ФСИН России состоялась международная научно-практическая конференция «Уголовное наказание в России и за рубежом: проблемы назначения и исполнения (к 60-летию принятия ООН Минимальных стандартных правил обращения с заключенными)». В ее работе приняли участие ведущие ученые научных и образовательных организаций ФСИН, МВД и Минобрнауки России (Л.И. Беляева, Л.А. Букалорова, К.К. Горяинов, В.М. Поздняков, Б.А. Спасенников, С.А. Старостин, В.Е. Южанин), сотрудники территориальных органов ФСИН России, органов внутренних дел, суда и прокуратуры, представители пенитенциарных служб и образовательных учреждений Беларуси, Казахстана и Финляндии.

Перед участниками конференции с приветственными словами выступили заместитель

начальника УФСИН России по Вологодской области подполковник внутренней службы В.С. Ушаков, заместитель председателя Вологодского областного суда И.Э. Трофимов.

Цель проведения конференции состояла в комплексном анализе теоретических и прикладных проблем назначения и исполнения уголовных наказаний, определении возможных направлений их совершенствования.

Предметом обсуждения стали проблемы содержания, правовой регламентации и реализации уголовного наказания в России и зарубежных странах в контексте происходящих социально-экономических, политико-правовых и духовных изменений общественной жизни. Особое внимание было уделено анализу современного состояния уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства, вопросам назначения и исполнения уголовных наказаний, предупреждения преступности, исправления осужденных, реформирования пенитенциарных учреждений, подготовки кадров для УИС, а также вопросам реализации в уголовно-исполнительном законодательстве и практической деятельности международных стандартов обращения с заключенными.

В рамках конференции работали три секции: «Современные проблемы применения уголовного наказания», «Проблемы исполнения уголовных наказаний в России и за рубежом» и «Криминалистическое обеспечение расследования преступлений коррупционной направленности в органах и учреждениях ФСИН России».

Участники конференции, обсудив теоретические и прикладные проблемы назначения и исполнения уголовных наказаний в России и зарубежных странах, отметили, что современная уголовная и уголовно-исполнительная политика государства последовательно развивается в направлении повышения эффективности противодействия преступности, а также уровня соблюдения прав граждан, подвергшихся уголовному преследованию и пострадавших в результате совершения преступлений. Вместе с тем отдельные ее положения требуют корректировки. Нуждаются в совершенствовании действующее уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство, формы и методы работы субъектов реализации уголовной ответственности. Это обусловлено сохраняющимися негативными тенденциями преступности, противоречиями между отдельными положениями и направлениями уголовной политики, непоследовательностью совершенствования криминального законодательства, его применения в судебной практике, недостатками в правоприменительной практике ресоциализации осужденных.

Особую актуальность приобретают задачи выработки концептуальных основ развития законодательства в области противодействия преступности. Участниками конференции было отмечено недостаточное качество современ-

ного уголовного законодательства, отсутствие научной обоснованности ряда вносимых в него изменений, отрыв уголовного закона от основополагающих принципов уголовного права, бессистемность и пробельность многих нормативно-правовых предписаний. Все большую остроту приобретают проблемы противодействия коррупции, в том числе в сфере назначения и исполнения уголовных наказаний. Особого внимания требует подготовка высококвалифицированных кадров для уголовно-исполнительной системы.

Рассмотренные в ходе работы конференции вопросы назначения и исполнения уголовных наказаний позволили обозначить ряд проблем и наметить пути их решения. По итогам конференции были разработаны рекомендации, которые послужат основой для дальнейших исследований проблем назначения и исполнения уголовных наказаний, могут быть использованы в законотворческой деятельности, а также в практической деятельности правоохранительных органов. В настоящее время готовится к изданию сборник материалов конференции.

Об итогах Международного конкурса памяти А.И. Зубкова на лучшую научно-исследовательскую работу среди молодых ученых

В соответствии с приказом ВИПЭ ФСИН России от 31.07.2015 г. № 216 «О проведении Международного конкурса памяти А.И. Зубкова на лучшую научно-исследовательскую работу среди молодых ученых» в период с 3 августа по 31 октября 2015 г. в институте прошел соответствующий конкурс. В нем приняли участие молодые ученые из образовательных организаций ФСИН России и Минобрнауки России.

Основная цель конкурса – популяризация науки, повышение уровня профессиональной подготовки специалистов пенитенциарной системы, развитие творческих способностей молодых ученых.

Оценивая конкурсные работы, комиссия учитывала их актуальность и новизну, теоретическую и практическую значимость, уровень научно-методологического аппарата, использованного при проведении исследования, соответствие содержания работы заявленной тематике, степень обобщения и глубину анализа результатов работы пенитенциарной системы в исследуемый период, наличие выводов и предложений по совершенствованию законодательства, в том числе подготовке законопроектов, касающихся совершенствования пенитенциарной системы, возможность использования результатов работы в целях совершенствования деятельности УИС, соответствие работы требованиям, установленным к оформлению рукописей.

Все научные работы, участвовавшие в конкурсе, получили высокую оценку членов конкурсной комиссии.

Первое место заняла научная работа доцента кафедры организации режима и надзора в УИС Кузбасского института ФСИН России кандидата юридических наук Кима Вячеслава Владимировича (монография «Криминологическая характеристика преступности осужденных, больных туберкулезом, и ее предупреждение»). В ней раскрываются вопросы заболеваемости туберкулезом населения и осужденных к лишению свободы; состояние, уровень и динамика преступности данной категории осужденных; личностные особенности осужденных, больных туберкулезом, причины и условия преступлений, совершаемых ими, и учет этих факторов в процессе ресоциализации, а также меры совершенствования общесоциального и специально-криминологического предупреждения преступлений.

Второе место по итогам голосования было присуждено научной работе преподавателя кафедры государственно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России Перрон Юлии Владимировны (аналитический обзор «О практике международного контроля за исполнением наказаний в виде лишения свободы в странах СНГ»).

Третье призовое место разделили научные работы адъюнкта факультета подготовки научно-педагогических кадров Владимирского юридического института ФСИН России Семенова Валентина Владимировича (монография «Преодоление противодействия раскрытию преступлений, совершаемых в учреждениях уголовно-исполнительной системы: теория и практика») и старшего преподавателя кафедры уголовно-процессуальных и административно-правовых дисциплин Воронежского института ФСИН России кандидата юридических наук Щеголевой Светланы Вячеславовны (монография «Теоретические проблемы законодательного регулирования в сфере использования электронных подписей»).

Победителям конкурса вручены дипломы.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бабурин С.В., начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации. E-mail: vipe.vologda@mail.ru

Баламут А.Н., доцент кафедры организации психологической службы в уголовно-исполнительной системе ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент. E-mail: balamut01@yandex.ru

Бороздина О.С., доцент кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, кандидат педагогических наук. E-mail: Borozdina_os@mail.ru

Глазунова И.В., ведущий научный сотрудник отдела планирования, координации и ведения научной работы Российской таможенной академии (г. Люберцы), кандидат юридических наук, доцент. E-mail: ginesa@mail.ru

Диденко А.В. – заместитель начальника по учебной работе Томского института повышения квалификации работников ФСИН России, доктор медицинских наук, доцент. E-mail: dedzone@yandex.ru.

Донец С.П., доцент кафедры уголовного права Вологодского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: don52@yandex.ru

Лунгу Е.В., начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Кузбасского института ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: lungu_evgenia@mail.ru.

Моторова Н.В., преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России. E-mail: motorowa-nw@mail.ru

Матвеев Д.О., преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Пермского института ФСИН России. E-mail: dimon1205M@rambler.ru

Павловский С.А., начальник юридической службы ВИПЭ ФСИН России. E-mail: pavlowskiy_sergey@mail.ru

Перов С.В., доцент кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: persv17@mail.ru

Поздняков В.М., профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов, профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор психологических наук, профессор. E-mail: pozdnaykov@flc.ru

Расторопов С.В., профессор кафедры прокурорского надзора за соблюдением законов в оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор. E-mail: rastoropov_sv@mail.ru

Санташов А.Л., президент Фонда развития Северо-Западного института (филиала) Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент. E-mail: santashov@list.ru

Серебряник Е.В., доцент кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН

России, кандидат педагогических наук, доцент.
E-mail: serebrel@yandex.ru

Сочивко О.И., преподаватель кафедры психологии профессиональной деятельности в уголовно-исполнительной системе Академии ФСИН России. E-mail: O.Sochivko@mail.ru

Стародубцева О.Н., преподаватель кафедры организации психологической службы в уголовно-исполнительной системе ВИПЭ ФСИН России. E-mail: OlgaStarodubceva62@mail.ru

Старостин С.А., профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор. E-mail: prof.starostin@gmail.com

Сысоева Е.В., аспирант кафедры педагогики Вологодского государственного университета. E-mail: ksysoeva1@yandex.ru

Фумм А.М., начальник отдела НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: yanok83@mail.ru

Хохрин С.А., заместитель начальника отдела организации службы охраны управления охраны и конвоирования ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: hohrinsa@mail.ru

Храброва Е.В., доцент кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент. E-mail: khrabrova-elena@yandex.ru

Чернышева О.М., доцент кафедры русского и иностранных языков ВИПЭ ФСИН России, кандидат филологических наук, доцент. E-mail: olga-tschernyschewa@yandex.ru

Чернышенко Е.В., преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: evgeniachery@yandex.ru

Южанин В.Е., профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы. E-mail: Juu89@yandex.ru

Южанин Н.В., доцент кафедры гражданского права и процесса Академии ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: yuzhanin15@mail.ru

of Russia, PhD. in Psychology, Associate Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation. E-mail: vipe.vologda@mail.ru

Balamut A.N., Associate Professor of the Department of Organization of Psychological Work in Penal System of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Psychology, Associate Professor. E-mail: balamut01@yandex.ru

Borozdina O.S., Associate Professor of the Department of the Legal Psychology and Pedagogy of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Pedagogics. E-mail: Borozdina_os@mail.ru

Chernyshenko E.V., Lecturer of the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with convicts of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: evgeniachery@yandex.ru

Chernysheva O.M., Associate Professor of the Department of the Russian and Foreign Languages of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Philology, Associate Professor. E-mail: olga-tschernyschewa@yandex.ru

Didenko A.V., Deputy Head on Study of the Tomsk Institute of Advanced Training of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Medicine, Associate Professor. E-mail: dedzone@yandex.ru.

Donets S.P., Associate Professor of the Department of Criminal Law of the Vologda State University, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: don52@yandex.ru

Fumm A.M., Head of the Department of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: yanok83@mail.ru

Glazunova I.V., Leading Researcher of the Department of Planning, Coordination and Management of Scientific Work of the Russian Customs Academy (Lyubertsy), PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: ginesa@mail.ru

Khokhrin S.A., Deputy Head of the Department of Security Organization of the Security and Convoy Department of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: hohrinsa@mail.ru

Khrabrova E.V., Associate Professor of the Department of Penal Law and Educational Work with Convicts of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Pedagogics, Associate Professor. E-mail: khrabrova-elena@yandex.ru

Lungu E.V., Head of the Department of State and Legal Disciplines of the Kuzbass Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: lungu_evgenia@mail.ru.

Matveev D.O., Lecturer of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the Perm Institute of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: dimon1205M@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Baburin S.V., Head of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service

Motorova N.V., Lecturer of the Department of Administrative Law Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: motorowa-nw@mail.ru

Pavlovsky S.A., Head of the Legal Department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: pavlowskiy_sergey@mail.ru

Perov S.V., Associate Professor of the Department of Administrative Law Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law. E-mail: persv17@mail.ru

Pozdnyakov V.M., Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Russian University of Friendship of Peoples, Professor of the Department of Law Psychology and Pedagogics of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Psychology, Professor. E-mail: pozdnyakov@flc.ru

Rastoropov S.V., Professor of the Department of Prosecutorial Supervision over the compliance with laws in the operational-search work and participation of the prosecutor in the criminal trial of the Academy of the General Prosecutors Office of the Russian Federation, Dsc. In Law, Professor, Senior Counsellor of Justice. E-mail: rastoropov_sv@mail.ru

Santashov A.L., President of the Fund for the Development of the Northwest O.E. Kutafin Institute of the Moscow State Law University (branch), PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: santashov@list.ru

Serebryanik E.V., Associate Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Pedagogics, Associate Professor. E-mail: serebrel@yandex.ru

Sochivko O.I., Lecturer of the Department of Psychology of Professional Activity in the Penal System of the Academy of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: O.Sochivko@mail.ru

Starodubtseva O.N., Lecturer of the Department of Organization of Psychological Work in the Penal System of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: OlgaStarodubceva62@mail.ru

Starostin S.A., Professor of the Department of Administrative Law and Procedure Disciplines of the Moscow State Law O.E. Kutafin University, Professor of the Department of Administrative Law Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Professor. E-mail: prof.starostin@gmail.com

Sysoeva E.V., Graduate Student of the Department of Pedagogy of the Vologda State University. E-mail: ksysoeva1@yandex.ru

Yuzhanin V.E., Professor of the Department of Penal Law and Organization of Educational work with Convicts of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Professor, Honored Worker of Higher School. E-mail: Juu89@yandex.ru

Yuzhanin N.V., Associate Professor of Civil Law and Procedure of the Academy of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: yuzhanin15@mail.ru

Вестник института

научно-практический журнал
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

ПРЕСТУПЛЕНИЕ·НАКАЗАНИЕ·ИСПРАВЛЕНИЕ

Выходит четыре раза в год

Учредитель:

ВИПЭ ФСИН России

Главный редактор:

С.В. Бабурин

Ответственный секретарь:

С.П. Середа

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-62574
ISSN 2076-4162

Все права защищены.

Перепечатка материалов только
с разрешения редакции журнала.
Авторские материалы рецензируются
и не возвращаются.

Редакция сохраняет за собой право
производить сокращения
и редакционные изменения рукописи

Адрес редакции:

160002, г. Вологда, ул. Щетинина, 2

Адрес издателя:

160002, г. Вологда, ул. Щетинина, 2

Адрес типографии:

160002, г. Вологда, ул. Щетинина, 2

Телефоны:

(8172) 51-82-50 (8172) 51-46-12

(8172) 51-98-70

E-mail:

vestnik-vipefsin@mail.ru

© ВИПЭ ФСИН России

Подписано в печать 30.12.2015.

Дата выхода в свет 21.01.2016.

Формат 60x90/8. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 12. Заказ № 5315

Тираж 1000 экз.

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Редакционная коллегия выражает уверенность в том, что журнал занимает достойное место среди ведомственных изданий.

Наша готовность освещать актуальные проблемы уголовно-исполнительной системы и других правоохранительных органов, вести дискуссию по наиболее актуальным вопросам в области юриспруденции, пенитенциарной педагогики и психологии, обсуждать практические вопросы деятельности пенитенциарных учреждений расширяет ряды авторов и читателей.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук по трем отраслям науки: 12.00.00 «Юридические науки»; 19.00.00 «Психологические науки»; 13.00.00 «Педагогические науки» (письмо Минобрнауки России о Перечне рецензируемых научных изданий от 01.12.2015 г. № 13-6518).

Мы готовы принять к публикации ваши материалы при их соответствии тематике журнала и соблюдении требований к оформлению.

Решение о публикации материала принимает главный редактор или его заместитель.

Основные требования и порядок предоставления материалов для публикации размещены на сайте vipe.fsin.su

Проводится подписная кампания на научно-практический журнал «Вестник института: преступление, наказание, исправление» по Объединенному каталогу «Пресса России» по индексу 41253 во всех отделениях почтовой связи России. Отпускная цена за минимальный срок подписки (6 месяцев, два номера журнала) – 560 руб. 00 коп., в том числе НДС – 10%.

Условия оформления подписки содержатся в первом томе каталога на страницах, указанных в тематическом и алфавитном указателях каталога. Периодичность издания – 4 раза в год.

Розничная цена – 298 руб. 00 коп. за 1 экземпляр.